

Рустем Валаев Алмаз — камень хрупкий

ЛЕГЕНДА О "САНСИ"

Новелла первая

Из всех драгоценных камней наиболее ценным считается алмаз. Он переливается всеми цветами радуги; он тверже всех других камней. Слово " алмаз" происходит от греческого слова "адамас", что означает "непреодолимый", "непобедимый". У арабов существует легенда.

В те далекие — далекие времена, когда Голубой Нил был так широк, что даже крокодилы не могли переплыть его, заспорило Золото с Алмазом, кто из них на Земле самый знатный, самый сильный.

— Я! — сказала Золото. — Меня отливают на короны султанов, шахов и королей, царицы носят чеканные золотые запястья на своих холеных руках, золотые кольца украшают их тонкие, подобные тычинкам лотоса пальцы. Из-за меня на Земле пролито столько крови, что ею можно было бы наполнить все колодцы мира и озеро Чад. Ты, Алмаз, лишь ничтожный придаток к моей золотой славе.

— Ошибаешься, Золото, — возразил Алмаз, — из-за меня также велись кровопролитные войны, я тоже украшаю троны, скипетры и перстни фараонов, раджей и шахинь.

— Ну, если так, то давай спросим у Солнца, кто из нас могущественнее и ценнее, — предложило Золото, и они обратились со своим вопросом к вечному светилу.

— Я не слышу вас, — ответило Солнце. — Подойдите поближе и расскажите, о чем вы там спорите на своей померкшей звезде.

Тогда Золото и Алмаз пошли по Млечному Пути и приблизились к Солнцу. Но тут Золото покраснело, побледнело и, расплавившись, пролилось на Землю золотым дождем. А Алмаз вернулся таким же сверкающим и твердым, каким был прежде. С тех пор Золото никогда больше не спорило с Алмазом, раз и навсегда уступив ему пальму первенства.

Теперь перейдем от сказки к были.

Легендарный алмаз "Санси" был найден в Восточной Индии во времена императоров династии Чола, в 1064 году, когда Центральной Индией управлял Вира Раджендра.

Прозрачный, как слеза, камень "Санси" не имел ни трещинок, ни вкраплений и весил до шлифовки сто один с четвертью карат [Мера веса, равная 0, 2 грамма]. Нашел его шедший из Голконды с караваном купец по имени Джагаттунга. Дойдя до Ахмеднагара, купец явился к султану и обменял свою находку на двух молодых слонов, двенадцать необъезженных верблюдов и восемьдесят золотых монет.

Но недолго любовался Вира Раджендра прекрасной игрой алмаза. Вскоре на престол взошел Адхираджендра, и все драгоценности рода вместе с несравненным "Санси" перешли к новому султану. Позднее камень попал в династию Гулямов и, переходя из поколения в поколение, от одного раджи к другому, наконец очутился у Кутб-уд-дина, после чего пропал из казны султана. Вместе с ним исчез и великий визирь. В течение многих лет ни о визире, ни о "Санси" ничего не было слышно. Лишь в 1325 году этот алмаз был куплен за большие деньги у неизвестного иноземного купца султаном Мухаммедом из династии Туглаков.

Изрядно потратившись на покупку камня, султан решил одним мановением руки поправить свои денежные дела. Казна Мухаммеда и без того была уже порядком истощена непрерывными войнами и непомерными расходами на строительство дворца из позолоченных кирпичей.

Чтобы выйти из тяжелого финансового положения, султан пожелал ввести новшество, дотоле не применявшееся в Индии ни одним шахом: выпустить медные деньги.

В XIII веке в Персии и Китае уже имели хождение бронзовые и медные монеты, и Мухаммед, несомненно, знал об этом. Пренебрегая советами великого визиря, предостерегавшего султана от рискованного шага, Мухаммед осуществил свою идею. Он объявил населению, что выпускаемые им бронзовые и медные монеты будут иметь хождение наряду с золотыми и серебряными. Это безрассудное мероприятие привело к тому, что многие жители столицы перелили всю медную домашнюю утварь — тазы, ковши, кувганы [Медные кувшины с длинным узким носиком], чайники, подносы — в новые блестящие монеты, ничем не отличавшиеся от медных денег, чеканившихся на монетном дворе. Золото же и серебро индийцы припрятали и стали платить налоги как государственными, так и изготовленными ими самими фальшивыми монетами.

Причем происходило все это при самых строгих законах рынка, за которыми постоянно наблюдал главный управляющий базаров — шахна-и-манди, а цены повседневно устанавливал сам султан.

За малейшее повышение цен на зерно даже управляющему рынка всыпали по двадцать ударов бичом.

В конце концов, когда рынок был наводнен медными и бронзовыми деньгами и иноземные купцы отказались их принимать, султан понял, что страну захлестнула волна фальшивых денег.

Тогда он отдал приказ об изъятии меди из обращения, а также об обмене ее на золото и серебро. Так была вконец разорена и без того уже оскудевшая казна султана, особенно пострадавшая от покупки Мухаммедом алмаза "Санси".

О том, как попал к султану Мухаммеду знаменитый "Санси", существует еще одна версия. Если верить ей, то камень в 1325 году

находился у основателя династии Туглаков — Гийяс-уд-дина, весной того же года напавшего на Бенгалию. Пока султан был в походе, его сын Мухаммед, желая завладеть в отсутствие отца непревзойденным алмазом, перерыл все кладовые и тайники с драгоценностями. Камня не было. От шейха он узнал, что, отправляясь в поход, султан взял "Санси" с собою как талисман.

Услышав о скором возвращении отца, Мухаммед устроил победителю Бенгалии торжественную встречу. На пути из Афганпура в Дели он выстроил ротонду с позолоченным куполом, поддерживаемым бамбуковым столбом, расположенным в центре здания. Здесь же стоял трон Великих Моголов, украшенный драгоценными камнями. На передней части ротонды висели мечи и развевались походные знамена, а задняя была сплошь увита молодыми пальмовыми ветвями — излюбленным кушаньем индийских слонов. Широкие листья, свисая от купола до самого пола, преграждали солнечным лучам доступ в ротонду и дарили вернувшемуся победителю и его соратникам тень и прохладу. Когда окончилась обильная трапеза и гости расположились на лужайке у дороги, а разомлевший султан отдыхал на своем троне, Мухаммед испросил у отца позволения устроить вокруг ротонды торжественное шествие белых слонов.

Приведенные из Дели голодные слоны спокойно обошли переднюю часть ротонды, но, увидев молодые пальмовые ветки, ринулись к ним с такой поспешностью, что единственный столб не выдержал, и позолоченный купол рухнул на землю, похоронив под собою основателя династии Туглаков.

Алмаз "Санси", вправленный в серебряную подковку, висевшую на груди у султана как талисман, был безмолвным свидетелем гибели Гийяс-уд-дина. Произошло это близ Дели в 1325 году, о чем свидетельствует знаменитый историк Индии Ибн Батута, автор книги "Сафар-намэ".

Так алмазом "Санси" завладел коварный Мухаммед.

Где, у каких султанов, магараджей, шахов и раджей находился в течение последующих полутора столетий алмаз "Санси", точно установить невозможно.

За это время он побывал у семи властителей династии Саидов и Лоди, то появляясь во всем своем блеске на придворных торжествах, то стыдливо прячась, как талисман, за поясами суверенных полководцев, идущих на смертный бой.

Одно время ходили слухи, будто бы алмаз перекочевал к персидскому шаху. Однако это неверно: "Санси" в Иране никогда не был.

А в 1473 году "Санси" попадает к Карлу Смелому. Каким образом, кем и когда камень был вывезен из Индии — неизвестно.

В 1475 году некоронованный король Бургундии отдает фламандскому шлифовальщику камней Людвигу Ван — Беркену алмаз "Санси" для огранки. После ювелирной обработки камень потерял сорок восемь каратов, но зато приобрел двойную бриллиантовую огранку с тридцатью двумя гранями. Теперь "Санси" весит пятьдесят три и одну треть карата. Тройной огранке этот алмаз никогда не подвергался, но, несмотря на это, сохранив свою овальную форму, он сверкает лучше многих уникальных бриллиантов, имеющих шестьдесят четыре грани.

За эту работу Карл Смелый уплатил гранильщику три тысячи золотых флоринов.

Перекочевав из Азии в Европу, "Санси" стал достойным конкурентом знаменитых коронных бриллиантов. Конечно, в Лондоне, Париже, Мадриде и Риме "Санси" мог купить в те времена и король Франции Людовик XI, и будущий английский король Генрих VII, но Карл Смелый выхватил бриллиант у них из под рук.

Герцог Бургундии был человеком с большими предрассудками и твердо верил в неписанный закон арабов, позднее попавший в "Книгу свойств": "Из двух воюющих сторон победительницей выходит та, которая владеет более тяжеловесным алмазом". Вероятно, именно поэтому Карл Смелый возил за собой во все военные походы свои сокровища в медных, не пробиваемых пулями ящиках.

Не желая скрывать ни от кого, а возможно даже хвастаясь своим приобретением, Карл Смелый с помощью того же шлифовальщика — ювелира Людвигу Ван — Беркена высвободил "Санси" из прежней оправы и вставил камень в свой исцарапанный саблями металлический боевой шлем.

Будучи по натуре и складу ума фантазером, герцог Бургундии мечтал о грандиозных завоеваниях и создании нового государства, простирающего свои границы от Северного до Средиземного моря. С этой целью он вел войны и с Францией, и со Швейцарией.

Существует легенда, будто перед одним из бесчисленных сражений, в которых участвовал Карл Смелый, военачальник швейцарских и наемных войск, зная его кичливый, заносчивый характер и желая избавиться от талантливого полководца, предложил через парламентаря герцогу Бургундии не устраивать кровопролитного боя, а решить вопрос о победе единоборством, как некогда он был решен между иудеями и филистимлянами — Давидом и великаном Голиафом.

Давая на это свое согласие, Карл Смелый потребовал, чтобы от швейцарцев выступил самый опытный дуэлянт, а от бургундцев, как и ожидал военачальник наемных войск, сражаться будет он сам, герцог Бургундии.

Выехав верхом на поле сражения, Карл встретился со своим противником, сидевшим на арабском гнедом скакуне.

Проскакав мимо врага галопом, герцог круто повернул коня и стал в боевую позицию под жгучим, бьющим в глаза солнцем.

В ту же минуту по всему фронту пронесся гул удивления. Не только офицеры, но и солдаты обеих армий понимали, что, заняв позицию лицом к солнцу, Карл Смелый допустил серьезный просчет. А когда дуэлянты сблизилась и герцог стал мотать головой, как лошадь, взнузданная мундштуком, неудержимый смех прокатился не только в стане врага, но и в рядах бургундской армии.

Каково же было удивление солдат, когда швейцарский боец стал жмуриться, моргать, а затем заслонил глаза обеими руками.

Пользуясь не сказочными чарами талисмана, а естественными свойствами бриллианта "Санси", Карл ослепил врага отраженными солнечными лучами и пронзил его грудь шпагой.

Слова своего о решении победы единоборством продажный кондотьер [Военачальник наемных войск] не сдержал и вступил в бой с бургундскими войсками. Из этого сражения герцог также вышел победителем.

Обеспокоенные военными успехами Карла Смелого, короли Франции, Италии и Швейцарии подкупили кондотьера Кампобассо, сражавшегося на стороне Карла Смелого.

В битве при Нанси в 1477 году этот подкупленный королями итальянец изменил герцогу. Спасаясь бегством, Карл Смелый выронил из шлема свой талисман "Санси". Через несколько минут герцог Бургундии был убит в неравном бою. Бриллиант, лежавший на обледенном поле, подобрал швейцарский солдат. Не понимая назначения камня, он, закуривая трубку, стал им пользоваться вместо кремня.

Об этом курьезном случае альпийские стрелки сложили песенку, в которой рекомендуют всем швейцарским молочницам пользоваться таким удобным способом для разжигания своих очагов.

Кондотьер отобрал у солдата бриллиант и продал его испанскому негодянту за незначительную сумму.

С этого дня "Санси" перекочевывает от одного владельца к другому с такой поспешностью, что порой невозможно установить, где и у кого он находился в тот или иной период.

Негодянт продал камень португальскому королю Альфонсу Африканскому. Ведя дорогостоящие захватнические войны с туземцами будущих португальских колоний, король Альфонс не раз закладывал и перезаклаживал бриллиант "Санси" ростовщикам и банкирам, а затем продал его какому-то французскому маркизу. Тот в свою очередь перепродал камень Николаю — Гарлею Санси, от которого бриллиант и получил свое наименование.

Будучи в дружеских отношениях с последним отпрыском династии Валуа Генрихом III, барон Санси, по просьбе короля Франции, так же, как в свое время Альфонс, неоднократно закладывал бриллиант под

большие проценты, а сотни тысяч франков, получаемых от ростовщиков, король расходовал на обмундирование рекрутов и вооружение своей армии новыми пушками и мортирами последнего образца.

В связи с крайне несвоевременными выплатами королем процентов, Николай — Гарлей Санси так запутался в своих денежных делах, что вынужден был уступить бриллиант Генриху III, предоставив ему самому распутывать сложные расчеты с ростовщиками.

Продав жемчужное ожерелье своей матери Екатерины Медичи, последний монарх Франции из династии Валуа, наконец, выкупил бриллиант "Санси" и снова превратил его в талисман.

Позднее "Санси", находясь на груди у французских монархов, был дважды обогретен их кровью. В первый раз в 1589 году, когда Генрих III был убит монахом Клеманом якобы за поддержку королем гугенотов, и в 1610 году, при убийстве Генриха IV католиком — фанатиком Равальяком.

О том, кто стоял за спинами этих убийц, история скромно умалчивает. "Санси" же по-прежнему оставался немым свидетелем...

Затем бриллиант попал в корону французских королей, и, как утверждают историки, некоторые придворные видели "Санси" при венчании на царство Людовика XVI.

В дни французской революции 1792 года, незадолго до казни Людовика XVI, камень бесследно исчез, как и все драгоценности французского двора.

Возможно, именно это обстоятельство и натолкнуло знаменитого поэта Франции Беранже написать стихотворение "В 2`000 году" с рефреном:

Подайте правнуку французских королей.

При Наполеоне I все ценности французского двора, за исключением бриллианта "Санси", были найдены.

Наполеон, любивший золотые с эмалью табакерки, старинные чеканные перстни с драгоценными камнями и носивший как талисман вправленный в эфес своей шпаги знаменитый бриллиант "Пит-регент" весом в 137 каратов, заинтересовался пропажей. Для розыска исчезнувшего камня он вызвал к себе ловкого и энергичного шпиона по кличке Блэйвейс, владеющего многими европейскими языками, а также искусством мгновенно изменять свою внешность, что по тем временам считалось весьма существенным и важным для лиц такой профессии.

Бонапарт предложил Блэйвейсу поехать в Вену, где якобы продавался бриллиант, по весу приблизительно равный "Санси", а заодно попутно выведать у австрийцев некую важную военную тайну.

Через два часа шпион, переодетый элегантной французской кокоткой, покинул Париж.

Вернувшись из Австрии, он доложил Бонапарту, что имеющийся у одного из венских банкиров коричневый пятидесятикаратник ничего общего с "Санси" не имеет, что же касается поручения военного характера, то он привез императору точную копию интересующей его карты.

Обрадованный сообщением, Наполеон воскликнул:

— Проси, что хочешь!

— Не откажите в любезности, ваше величество, выдать мне орден Почетного легиона, — ответил шпион. Наполеон нахмурился и сказал резко:

— Денег сколько угодно, орден — никогда!!!

В тот же вечер Бонапарт с возмущением рассказал маршалу Нею (впоследствии дважды изменившему Наполеону, а затем Бурбонам и расстрелянному ими) о просьбе шпиона и добавил:

— Деньги есть деньги, орден есть орден, шпион есть шпион!

Лет через десять после смерти Бонапарта по Парижу разнесся слух о том, что П. Н. Демидов, праправнук известного владельца невянских и нижнетагильских железоделательных и медеплавильных заводов, приобрел бриллиант "Санси" весом в 53 1/3 карата. Камень этот, как выяснилось на суде, предъявившем П. Н. Демидову от имени французского правительства компрометирующее его купеческое достоинство обвинение, был куплен при посредстве ювелира Мариона Бургиньона у парижского маклера Жана Фриделейна за 500 тысяч франков.

Это обвинение в купле заведомо краденой вещи подрывало авторитет торгового дома Демидовых.

Обвиняемым был приглашен лучший юрист Франции.

Всеми дозволенными юриспруденцией средствами — увертками и крючкотворством — знаменитый адвокат из месяца в месяц, из года в год оттягивал слушание "дела о покупке краденого бриллианта".

В конце концов, если верить циркулировавшим в то время слухам парижского бомонда, в суд явилась герцогиня Беррийская.

Сверкая диадемой, усыпанной цейлонскими сапфирами, герцогиня заявила, что "Санси" является одним из ее фамильных бриллиантов и что она продала этот камень через подставное лицо, не желая компрометировать свое имя коммерческой сделкой.

На вопрос судьи, как мог бриллиант, принадлежавший французской короне, стать частной собственностью, герцогиня с достоинством ответила:

— Людовик XVI подарил "Санси" моей бабушке.

Эта фраза послужила полной реабилитации обвиняемого, процесс был закончен, и камень поступил в законное владение П. Н. Демидова.

Злые языки болтали, что создание герцогиней Беррийской версии о романтических отношениях ее покойной бабушки с Людовиком XVI обошлось Демидову еще в сто пятьдесят тысяч франков.

Много лет "Санси" находился у миллионеров Демидовых, а затем перешел в семью Андрея Николаевича Карамзина, сына известного писателя и историка Николая Михайловича Карамзина, основоположника сентиментализма в русской литературе и создателя двенадцатитомной "Истории Государства Российского".

Эта перемена местожительства "Санси" произошла в связи с бракосочетанием.

Молодая вдова Аврора Демидова, урожденная Шернваль, выйдя замуж за гвардейского офицера Андрея Карамзина, привезла с собой в новую семью платиновую шкатулку с драгоценностями. В груди жемчуга, изумрудов и александритов был и бриллиант "Санси", полученный ею в наследство вместе с невянским и нижнетагильским железоделательным и медеплавильным заводами.

В доме Карамзиных уникальный бриллиант находился с 1846 по 1917 г., а затем след этого замечательного камня теряется.

Известно лишь, что он не был вывезен за границу и остался в России. Когда-нибудь его обнаружат на Урале или в Ленинграде, и "Санси" вновь засверкает своими голубыми огнями, как некогда сверкал в шлеме некоронованного короля Бургундии — Карла Смелого.

Новелла вторая **ЛЕГЕНДА О ЦВЕТНЫХ АЛМАЗАХ И ЗВЕЗДЧАТОМ** **САПФИРЕ**

Если составить шкалу градаций драгоценных камней, то по силе преломления и отражения света, красоте игры камня и ценности на первом месте окажется бесцветный бриллиант, т. е. отшлифованный алмаз чистой воды. Разумеется, такой бриллиант должен быть прозрачен, как горный хрусталь, и не иметь никаких пороков: трещинок, сколов и вкраплений иных пород.

Если индусы и персы довольствовались примитивно ограненными "розами", т. е. шестнадцатигранниками, то европейцы, особенно после изобретения Авраамом Скариа гранильного станка для шлифовки алмазов, стремились к двойной и даже тройной огранке, достигающей шестидесяти четырех граней.

Эта кропотливая и тонкая работа, требовавшая большого мастерства, выполнялась в те далекие времена главным образом в Голландии и лишь позднее — в Бельгии, Франции и других странах.

Цены на бриллианты в различные века были разные: в 1600 году карат первосортного бриллианта "Прима" стоил в Париже 550 франков, в 1700 году — 500, а через сто лет — вдвое дешевле. В 1900 году бриллианты снова поднялись в цене до 500 франков за карат. Если перевести цену одного карата на золото, то он почти во все

времена, как и сегодня, равен стоимости ста граммов золота. Но камень в два карата стоит в три раза дороже однокаратника, а трехкаратник — в девять раз. После пяти каратов эта прогрессия уменьшается. Особенно крупные бриллианты покупались царями, королевами и шахами по никем не установленным ценам или же приобретались путем войн, убийств и грабежей.

Так же высоко, а иногда и дороже белых, ценятся бриллианты, окрашенные в красный, индиго — синий и зеленый цвета. Коричневые и желтые камни котируются значительно ниже.

Зеленый шестнадцатикаратник, осыпанный жемчугом и алмазами, находился в кулоне английской королевы Марии Тюдор. Двенадцатикаратник индиго сверкал на указательном пальце германского короля Генриха Птицелова. Известный красный десятикаратник принадлежал русскому императору Павлу I.

О цветных бриллиантах существует немало легенд, дошедших до наших дней.

Зеленый алмаз, как гласит предание, впервые появился во Франции в городке Шартр. Здесь в картезианском монастыре, конкурируя с итальянскими монахами, изготавливавшими с незапамятных времен знаменитый ликер бенедиктин, французская святая братия варила ликер шартрез. Дегустатором в монастыре был старый плут по прозвищу Курьез — Кюлот. На пальце этого монаха было простое серебряное кольцо с небольшим белым алмазом. Дегустируя ежедневно сладкий изумрудно — зеленый шартрез, Курьез — Кюлот, чтобы не напиваться до положения зеленых риз и возможно дольше удержаться в дегустаторах, стал пробовать изготавливаемый монахами зеленый напиток не наперстком, как прежде, а капать шартрез на свой алмаз и слизывать с него сладкую жидкость. И все же к концу дня Курьез — Кюлот охмелевал настолько, что два дюжих монаха брали его под руки и увлакивали в келью. Заметив это. Настоятель монастыря аббат Дюрель заменил пьяницу — дегустатора молодым монахом. Проснувшись на следующее утро, Курьез — Кюлот взглянул на свой алмаз и вдруг увидел, что он горит ярко — зеленым огнем. Монах пытался отмыть камень святой водой, грел над светильником, но ничего не помогло. Алмаз, как гласит легенда, так и остался навсегда зеленым.

Первый алмаз индиго связывают с именем известного мореплавателя конца XV-начала XVI века Васко да Гама.

В те времена в поисках неведомых новых земель, усыпанных, по слухам, жемчугом и золотым песком, испанские и португальские купцы пускались на любые авантюры. Они строили только что изобретенные талантливыми португальскими судостроителями каравеллы — легкие высокобортные трехмачтовые парусные суда водоизмещением до 300 тонн, взамен устаревших итальянских неповоротливых нефов и двухмачтовых бригов. Затем судовладельцы

подыскивали подходящего капитана, которому можно было доверить корабль, и отправляли экспедицию в далекое плавание, нередко являвшееся последним рейсом и новоиспеченного капитана, и всей команды судна.

В целях экономии капитан обычно набирал на свои каравеллы матросов из так называемых "двоечников". Это были люди, бежавшие с торговых кораблей, пропившие и проигравшие в кости свою матросскую форму и оставшиеся в "двойке" — нижней рубахе и кальсонах.

Гоняясь за дешевой рабочей силой, купцы иногда и капитана подбирали из этой же компании забулдыг.

Известный путешественник того времени Радамосто Мэджор описывает любопытный случай.

Один из испанских купцов, торговавший певчими птицами и попугаями, отправил на Канарские острова за канарейками не всегда твердо стоявшего на ногах капитана по имени Антонио Лоренцо. Правда, свое "неустойчивое равновесие" капитан объяснял привычкой к штормам и качкам в беспокойном Атлантическом океане. Отправляя каравеллу в путь, хитрый торговец обшарил все углы и закоулки корабля и не оставил на нем ни грамма спиртного. Три дня матросы и капитан плыли трезвыми по установленному курсу, а на четвертый Антонио Лоренцо стал шататься и падать от легкого бриза в два балла. Команды, которые он теперь отдавал матросам, были настолько несуразны, что даже стрелка самодельного буремера — слабого прообраза барометра — ходила как пьяная от "штиля" к "шторму" и галопом скакала по румбам.

На седьмой день, как и полагал капитан, каравелла прибыла в одну из гаваней, но только не Канарских, а... Азорских островов.

Осматривавшие корабль портовый боцман и представители местной власти с точностью установили, что пятилитровый спиртовой буремер осушен до основания, о чем, по заверению Радамосто Мэджора, сохранился соответствующий акт в тихой гавани Понта Делгада. Здесь же командой матросов вместе с капитаном Антонио Лоренцо были пропиты тысяча триста двадцать семь клеток, а также тридцать мешков канареечного семени.

Но продолжим повествование о Васко да Гама, алмазе индиго и других драгоценных камнях.

Золотой горячкой были охвачены не только испанские и португальские купцы и авантюристы всех мастей и рангов, но даже и сам испанский король Фердинанд и его супруга королева Изабелла. Эта высокопоставленная чета хорошо знала, что ни в Западной Азии, ни в Северной Африке нет особенных богатств: ни жемчуга, ни шелков, ни восточных пряностей, закупаемых арабами в сказочной Индии для перепродажи европейцам по баснословно высоким ценам. Надменные испанцы, голландцы, португальцы и англичане считали

арабов людьми второго сорта и относились к ним с высокомерием, хотя именно знакомство с ними дало европейцам возможность познать арабскую математику и картографию, и именно арабские лоцманы помогли Васко да Гама проложить путь в Индию.

Европейцы отлично знали также, что золото, имевшееся в незначительном количестве в Азии и Северной Африке, было не местного происхождения, а завозилось туда из бассейна Нигера и Сенегала. Вот почему, наслышавшись от арабских купцов и перекупщиков восточных пряностей о сказочной Индии и ее богатствах, европейцы прокладывали все новые и новые морские пути из Атлантического океана в Индийский. Многие прославленные мореплаватели бороздили океаны, но не достигали заветной цели.

Как пишет сын Колумба Фернандо, его отец предлагал сначала Португалии, а затем Испании свои услуги для экспедиции в Индию. Колумб полагал, что попутно он откроет иные новые земли. Увлеченные мечтой Колумба, король Фердинанд и королева Изабелла согласились с его доводами и предложениями, и 3 августа 1492 года эскадра из трех небольших трехмачтовых каравелл "Пинты", "Ниньи" и "Марии" вышла из испанского порта Палоса в далекое плавание. Но Колумбу не суждено было попасть в Индию, хотя у него было немало предпосылок для осуществления своей заветной цели-открытия морского пути в эту сказочную страну. С юных лет он плавал в Восточном Средиземноморье, бывал в Португалии, в Англии. Попад на остров Порто — Санто, около Мадейры, где жили его некоторые соотечественники, Колумб женился там на дочери выходца из Италии, мореплавателя Перестрелло, оставившего в наследство Колумбу целый ворох карт и дневников с описанием морских путешествий.

Плывя на своих каравеллах под испанским флагом, Колумб пересек Атлантический океан и через тридцать три дня бросил якорь у неизвестного острова, названного им Сан — Сальвадор. Тогда же, в первое свое путешествие, закончившееся не прибытием в Индию, а открытием Америки, прославленный мореплаватель побывал и на островах Кубы и Гаити. Точного представления о том, где он находится, Колумб не имел.

Вернувшегося в Испанию Колумба встретили овациями и почестями, но прошло всего пятнадцать лет, и он умер в нищете, всеми забытый.

Счастливее Колумба оказался португальский мореплаватель Васко да Гама, открывший морской путь в Индию в 1498 году. Везя из сказочной страны на своих кораблях восточные пряности и амбру кашалотов, Васко да Гама, разгуливая по палубе, любовался приобретенным им на придворном базаре белым алмазом, вправленным в тяжеловесный золотой перстень. Проходивший мимо него кок поскользнулся и случайно задел ногой капитана. Возмущенный Васко да Гама ударил матроса так, что у того на лбу

выскочила шишка, а кольцо соскользнуло с пальца капитана, покатилося по палубе и упало в океан. Поднявшийся шторм помешал Васко да Гама расправиться с коком.

По приказу капитана все каравеллы вошли в ближайшую бухту и пробыли там до рассвета. Вспыльчивый, но отходчивый Васко да Гама наутро забыл о вчерашнем происшествии, хотя в первые минуты весьма сожалел о потерянном кольце с ограненным "розой" алмазом.

Через четыре года, во второе свое путешествие в Индию, Васко да Гама, проходя со своими каравеллами мимо того места, где было потеряно кольцо, с грустью вспомнил о нем. Неожиданно штормовая волна, как и в прошлый раз, ударила в борт корабля, и капитан снова завел свои суда в близлежащую тихую бухту, где все каравеллы пробыли до утра. Каково же было удивление кока, того самого кока, когда он, вспарывая брюхо одной из золотистых макрелей, пойманных матросами, обнаружил кольцо капитана. Обрадованный Васко да Гама взглянул на камень. Он был индиго — синим, как Гвинейский залив в часы полного штиля. Очевидно, так повлияла на алмаз морская вода за те годы, что он пролежал на дне океана... И это не вызовет у нас особого удивления, если мы вспомним, что у макрелешук, обитающих в том же Атлантическом океане, кости зеленоваты — голубого цвета.

За несколько десятилетий до появления Васко да Гама и других европейцев в Индии в столице бахманидов Бидаре в 1470 году уже побывал русский путешественник, тверской купец Афанасий Никитин. Присматриваясь ко всему новому и интересному, подмечая нравы, обычаи и быт индусов, он описывает в своих путевых заметках "Хождение за три моря" непомерную роскошь бидарских царьков, отправляющихся на охоту. "Во индийской земли княжат все хорасанцы и бояре все хорасанцы. А земля людна велми, а сельские люди голы велми, а бояре сильны добре и пышны велми... А всех их носят на кроватях (паланкинах) своих на серебряных, да перед ними водят кони в снастях золотых до 20, а на конях за ними 300 человек, а пеших 500 человек, да трубников, барабанщиков и свирельников по 10 человек".

Именно в те времена какой-то башковитый русский купец дает в "Торговой книге" следующие наставления о покупке в чужих землях драгоценных камней для Руси: "Лал — яхонт надобно покупати кровяно-краснаго цвету, сапфиры насупротив посветлей — василькового. Изумруд — смарагд густаго темно-зеленаго цвету, а какие тресковатые — не брать вовсе... При купле пытайте яхонт с яхонтом на крепость, алмаз с алмазом, дабы не быть обманутым. А сверх своей попытки никому не верьте".

Среди многочисленных легенд о драгоценных камнях есть несколько преданий о пурпурном алмазе. Последние были известны еще в древние времена. Люди, жившие на Канарских островах еще до

появления там европейцев, связывали багровый алмаз с отблеском огнедышащего вулкана Пико-де-Тейде. Жрецы и фарисеи Палестины еще за пять веков до нашей эры, как утверждает арабский путешественник Улад-эль-Эолаф, объясняли происхождение камня соприкосновением "с пролитой кровью хохлатой антилопы, сброшенной орлом со скалы в Алмазную пропасть".

Но остановимся на более правдоподобном варианте. Первый ярко — красный алмаз, по преданию, принадлежал одному из самых жестоких властителей Дели — Аурангзебу. По генеалогической таблице индусских султанов, шахов, раджей и магараджей, Аурангzeb происходил из династии поздних Моголов. Этот властолюбивый и коварный падишах, будучи еще наместником одной из провинций, избрал своей резиденцией городок неподалеку от Харки и назвал его в честь самого себя Аурангабадом. В 1657 году в Индии заболел шах Джахан, и тотчас же началась борьба между его четырьмя сыновьями за трон и накопленные шахом богатства.

Коварный и хитрый Аурангzeb мгновенно объединился с младшим братом Мурадом, поодиночке разбил войска других своих братьев и казнил их. При разделе захваченных драгоценностей братья — победители повздорили из-за двух знаменитых алмазов, в будущем названных "Орловым" и "Шахом".

Аурангzeb предлагал Мураду взамен этих драгоценностей стать независимым правителем Пенджаба, Афганистана и Кашмира, но Мурад не согласился с предложением Аурангзеба и стал готовить дворцовый переворот. Узнав об этом, Аурангzeb приказал схватить брата и казнить его.

В результате интриг и подкупов Аурангzeb, наконец, захватил власть и корону свергнутого им больного шаха Джахана. Окончательно укрепившись с помощью продажных министров в своих диктаторских правах, он воссел на трон и вызвал к себе во дворец прятавшегося в мечети поседевшего от горя отца. С высоты своего царского величия Аурангzeb объявил ему, что в проверенных им бронзовых кладовых монетного двора он не обнаружил десятикаратника голубой воды, числящегося в списках драгоценностей Великих Моголов.

Не удостоив даже взглядом своего преступного сына, шах Джахан ответил, что принадлежащий ему десятикаратник, добытый им в честном бою, находится у него на пальце в литом перстне и что Аурангzeb никогда не увидит его, как дикий кабан не видит своего куцего, паршивого хвостика. Взбешенный Аурангzeb заточил отца в каземат и держал его там до самой смерти.

Когда же в день похорон старого шаха начальник тюремной стражи принес новому владыке и повелителю кольцо с голубым солитером [Крупный бриллиант, вправленный в перстень или в иное ювелирное изделие], принадлежавшее ушедшему в небытие Джахану,

Аурангзеб мгновенно выхватил перстень из рук стражника. Но едва он дотронулся до камня, алмаз тотчас же засверкал кроваво-красным огнем.

Вообще, цветных, ярко окрашенных алмазов в природе так мало и они так редки, что, возможно, кроваво-красный десятикаратник, принадлежавший Великому Моголу шаху Джахану, перешедший по наследству к его сыну Аурангзебу, и камень, сверкавший в литом перстне Павла I, является одним и тем же алмазом.

На втором месте после бриллианта в шкале драгоценных камней стоит густо окрашенный в карминно-красный цвет, без прожилок и трещинок, совершенно прозрачный рубин. Если такой камень достигал трех и более каратов, то он ценился дороже бриллианта того же веса. Третье место занимал изумруд густо зеленого цвета, прозрачный, без изъяна.

Но градация эта не всегда была такой. В восточных странах — Персии, Турции, Индии — рубин, например, всегда ценился выше изумруда. В Англии же и в скандинавских странах на втором месте после бриллианта стоял изумруд, особенно если он превышал в весе десять каратов. После выпуска изобретенного в конце XIX века французским химиком Вернейлем искусственного рубина настоящий кроваво-красный камень стал расцениваться почти наравне с его синим собратом, таким же, как и он сам, корундом — сапфиром, занявшим в таблице драгоценных камней четвертое место. Сапфир известен был с незапамятных времен филистимлянам, израильтянам и другим народам. Еще за тысячу лет до нашей эры царица Савская, как гласит предание, прислала с Голубого Нила царю Соломону для постройки Иерусалимского храма яшму, порфир и мрамор, а на украшение порталов — золотые пластинки. Ею подарены были Соломону также драгоценные камни, в том числе сапфиры для изображения в своде храма иерусалимского звездного неба, под которым эта влюбленная эфиопка некогда была так счастлива со своим избранником.

В летописях одного из буддийских храмов, как утверждает Кай Плиний Цецилий Секунд, говорится о сапфире следующее: "Сапфир — символ правды, чистоты и совести. В Древнем Риме его считали священным, и жрецы храмов носили сапфир в своих перстнях неограниченным кабошоном [Неограниченный, но отшлифованный выпуклый камень]. Так он больше походил на небесный свод".

Самыми лучшими считаются и дороже других ценятся цейлонские сапфиры. Они василькового цвета с переливом в фиолетовые оттенки, прозрачны и горят ярким огоньком. Затем идут густого синего цвета с бархатистым отливом, будто покрытые инеем, знаменитые кашмирские сапфиры. Несколько уступают им по красоте индийские и сиамские синие корунды. На последнем месте стоят австралийские

сапфиры. Они очень темные, не имеют того блеска, что цейлонские или кашмирские, и отсвечивают зеленоватым травяным оттенком.

Самым же дорогим из всех сапфиров считается чрезвычайно редко встречающийся сапфир с переливчатой шестилучевой звездой внутри камня, так называемый звездчатый сапфир. О нем у арабов сохранилась легенда.

В далекие — далекие времена, когда на Цейлоне были непроходимые тропические леса с цветущими акациями, баобабами и вечнозелеными кокосовыми пальмами, жил юноша по имени Джампал. Он был так прекрасен, что женщины и девушки боялись на него взглянуть.

Как и все юноши и мужчины его селения, Джампал охотился в джунглях. Уходя в лес, его сверстники брали с собой лук и стрелы с отравленными змеиным ядом наконечниками, а Джампал довольствовался бумерангом.

В один из дней, когда муссон дул с океана и звери попрятались в зарослях и горах Пидуруталагала, он не вернулся в свою хижину, а заночевал на лесной лужайке. Всю ночь юноша не мог заснуть, потому что над самой его головой мерцала крохотная звездочка. Она то покрывалась светлыми облачками и на мгновение скрывалась, то освобождалась от них, словно спящая девушка, сбрасывающая во сне легкие покрывала.

И Джампал влюбился в звездочку. Теперь каждый вечер он приходил на лужайку и пылким взором смотрел на свою любимую, утопавшую в агатовой ночи. А когда в предутреннем рассвете гасли все звезды и небо становилось синим синим, как кашмирский сапфир, звездочка опускалась низко над землею и манила юношу своим серебристым мерцанием. Однажды она опустилась так низко, что едва не коснулась курчавых волос Джампала, и юноша прошептал:

— Послушай, звездочка предрассветная, будь моей путеводной звездой.

Но звездочка ничего не ответила и растаяла в опаловом тумане...

Вскоре из-за хребта Пидуруталагала, разбрасывая по скалам и пропастям тучи, вышло золотое солнце. Оно вмиг осушило леса, и Джампал снова отправился со своим бумерангом на охоту. Целый день бродил он по лесной чаще, бесшумно пробираясь сквозь лианы, но не нашел ни примятых рысью листьев, ни общипанных антилопой или дикой козой веток. К вечеру Джампал пришел на заветную поляну и увидел в бирюзовой голубизне бескрайнего неба любимую свою звездочку.

Неожиданно из зарослей на поляну выскочил винторогий черный козел с белым пятном на лбу. Охотник метнул в него свой бумеранг, но козел, наклонив голову, издал боевой трубный звук. И тотчас из винтообразных его рогов вылетел вихреподобный ветер. Он подхватил бумеранг и закружил его в воздухе, поднимая все выше и выше.

Долетев до самого неба, бумеранг, описав последнюю дугу, врезался в синий купол и отсек его вместе со звездочкой. А когда купол летел на землю, то искрился серебристыми брызгами, как все камни, падающие с небес. Наконец он рухнул на самую высокую скалу Пидуруталагала и разлетелся вдребезги. Один из осколков упал к ногам Джампала. Юноша поднял камень. В осколке купола, превратившегося в сапфир, светилась любимая им звездочка.

Так на Цейлоне появился звездчатый сапфир.

После сапфиров идут жемчуг и полудрагоценные камни: александрит, аквамарин, аметист, бирюза, топаз и другие. Последние три самоцвета оцениваются в зависимости от густоты окраски, формы и блеска.

Александрит обладает свойством менять при вечернем освещении свой зеленый цвет на темно — малиновый. У настоящего александрита, как заметил писатель Н. С. Лесков, "утро зеленое, а вечер — красный".

В конце прошлого века, помимо уральских александритов, в Европу стали поступать и индийские. Последние имеют более густые тона и переливы от изумрудного почти до рубинового. Ныне изготавливаемые синтетические рубины, сапфиры и александриты имеют такую же твердость и тот же удельный вес, что и настоящие камни, а поддельный александрит, в зависимости от дневного и вечернего освещения, даже меняет свой цвет. Днем он напоминает собой аметист, а при электрическом освещении приобретает красноватый оттенок и становится похожим на розовый турмалин.

Но послушаем, что говорит мудрейший из мудрецов Бабур по поводу всяких подделок.

Прослушав на придворном базаре песенку золотого соловья, изготовленного непревзойденным мастером драгоценных игрушек из Хайдерабада Бурханом Баллады, родоначальник Великих Моголов Бабур в день своего восшествия на индийский престол в 1526 году сказал:

"Как бы хорошо ни была подделана финиковая косточка, из нее никогда не вырастет пальма".

Новелла третья **ЛЕГЕНДЫ, ПРЕДАНИЯ И ФАКТЫ ОБ АЛМАЗАХ ПЕРВОЙ** **ВЕЛИЧИНЫ** **"Шах"**

Исторически наиболее известны алмазы "Шах" и "Юрлов". Оба они находятся в Советском Союзе. "Шах" по своей форме очень похож на миниатюрный саркофаг. Этот камень был найден в Центральной Индии в середине XVI века, когда страной управлял один из Великих Моголов — султан Акбар. "Шах" чист и прозрачен, но имеет чуть желтоватый нацвет. Позднее на нем появились три надписи, выгравированные персидскими буквами. "Бурхан-Низам-шах Второй,

1000 г.", "Сын Джехангир, шаха Джехан-Шах, 1051 г." и "Владыка Каджар-Фатх-Али-шах, Султан, 1242 г." (по нашему летоисчислению — 1585, 1636 и 1827 год).

Камень опоясывает бороздка для золотой цепочки, на которой алмаз, как символ мудрости и власти владыки, подвешивали перед тронем. Идя в поход для завоевания новых земель, султан или шах прицепляли алмаз к эфесу своего меча или носили его на груди как талисман, предохраняющий от ран и поражений. В амулеты такого рода глубоко верили арабы, индусы и персы.

Появление "Шаха" перед тронем Великого Могола произошло после того, как Акбар, недовольный своими строптивыми вассалами, неаккуратно платившими "царю царей" подати и присылавшими ему незначительные подарки, послал свои войска в Ахмеднагар, где была произведена реквизиция слонов и драгоценностей. Среди последних оказались десятки крупных рубинов, изумрудов и алмазов, а также мало кому известный в те времена "Шах".

В 1739 году на Индию со своей знаменитой кавалерией и пушками новейшего образца обрушился "завоеватель мира" персидский шах Надир. Индийская армия поздних Моголов, не имевшая должной военной дисциплины и точной согласованности между пехотой, артиллерией и кавалерией, не могла противостоять нашествию персов. Поражениям индусов способствовала также привычная роскошь, сопутствующая походам магараджей и султанов.

В силу этих обстоятельств, шах Надир сравнительно легко разгромил индусские войска, ворвался в Дели и увез с собой несметные богатства Великих Моголов, в том числе и алмаз "Шах".

Этот камень в 88,7 карата в свое время сохранил десятки тысяч жизней русских и персидских воинов. Он предотвратил новую войну между Россией и Персией. Фактически "Шах" явился выкупом за нелепо пролитую кровь гениального писателя и талантливого посла, министра России в Иране Александра Сергеевича Грибоедова.

В сущности, кровавая расправа над всем составом русского посольства в Персии и его охраной, состоявшей из пятидесяти казаков, храбро сражавшихся с тысячной толпой фанатиков, произошла из за одного евнуха из гарема властителя Ирана шаха Фатх-Али и двух пленных наложниц Аллаяра-хана. Конечно, это было лишь поводом к давно назревшим и тщательно подготовленным иностранной разведкой событиям.

Между Россией и Англией велась упорная тайная вражда из-за влияния на Ближнем Востоке. Обе стороны имели среди персидской придворной знати своих приверженцев и врагов. Эта борьба между двумя великими державами длилась много лет. Английская и русская миссии с послами Макдональдом и Грибоедовым находились постоянно в Тавризе, но "англичане имели свое представительство в Тегеране. В день печального, события англичан в столице Ирана не

оказалось. Все сотрудники представительства отбыли в Тавриз, словно по команде. Такой дипломатический маневр обеспечивал им полное алиби.

Этот беспрецедентный в истории международных отношений случай, это кровавое злодеяние произошло 30 января 1829 года (12 февраля по новому стилю).

Неотложные дела, связанные с недополученной Россией контрибуцией, урегулированием вопроса о пленных и предстоящим вручением посланных из Петербурга царских подарков персидскому шаху и его приближенным, заставили Грибоедова посетить Тегеран. 9 декабря 1828 года посол со всеми своими подчиненными выехал из Тавриза в столицу Персии. Чиновников сопровождал эскорт из пятидесяти казаков. В Тегеране Грибоедов был принят шахом Фатх-Али с полагающимися почестями со всеми восточными церемониями. Все спорные вопросы были благоприятно разрешены. Лишь один из них вызвал некоторое недовольство у шаха. На основании статьи XIII Туркманчайского трактата, "все военнопленные обеих сторон, взятые в продолжение последней войны или прежде, а равно подданные обоих правительств, взаимно попавшие когда-либо в плен, должны быть освобождены и возвращены". На этом настаивал Грибоедов и в конце концов добился согласия шаха. Выполнив свою миссию в Тегеране, Грибоедов мог уже возвратиться в Тавриз, но одно обстоятельство принудило его остаться в Тегеране еще на несколько дней. Он хотел дожидаться приезда из Петербурга курьера с царскими подарками, предназначенными шаху и его приближенным. Обоз задержался в пути и прибыл в Тегеран лишь накануне того дня, когда произошли события, потрясшие всякие нормы международных отношений.

В этот же вечер к Грибоедову в русскую миссию явился некий Якуб Маркарьян и рассказал посланнику, что он, армянин из Эривани, был пленен персами в 1804 году, оскроплен ими и насильно обращен в магометанство. В настоящее время он является евнухом при дворе шаха, а также казначеем Фатх-Али и хранителем всех драгоценностей гарема. Поведал он и о том, что в его сундучке, который он принес с собой, хранятся лично ему принадлежащие бриллианты и золотые туманы, накопленные им за время служения у шаха.

Маркарьян сообщил еще, что с ним пришли в чадрах две армянки из гарема Аллаяр-хана, что все они просят у министра российского императора убежища, вывоза их с собой в Тавриз, а затем возвращения на родину. После некоторых колебаний Грибоедов разрешил Якубу Маркарьяну и его спутникам остаться в помещении русского посольства.

Это решение посланника вызвало гнев и негодование Фатх-Али. Шах потребовал возвращения евнуха и наложниц, но Грибоедов категорически отказался выдать взятых им под защиту граждан

Российской империи, понимая, что в противном случае их неминуемо ждет смертная казнь.

Так возник серьезный конфликт между русской миссией и шахским двором. Фатх-Али, несомненно, опасался, что умный, ловкий и хитрый Маркарьян, знающий не только все финансовые дела шаха, но и те поселения, куда были вывезены некоторые русские пленные казаки обращенные в мусульманство, мог разгласить "государственные тайны". Для обуздания строптивого посла разгневанные министры шаха обратились к муллам.

Последние объявили в мечетях народу о том, что гяуры [Бранное слово, применяемое мусульманами по отношению к иноверцам] спрятали мусульман в здании посольства и хотят насильственно вывезти их из Персии в Россию с тем, чтобы обратить в православие. Это заявление вызвало у правоверных фанатиков возмущение, и на следующее утро тысячная толпа, вооруженная кинжалами, камнями и огнестрельным оружием, ворвалась во двор русской миссии.

Чтобы еще больше накалить атмосферу, был пущен слух, будто бы евнух казначей украл из кладовых Фатх-Али золото и драгоценности.

В критическую минуту один из чиновников предложил Александру Сергеевичу перейти в находившуюся неподалеку армянскую церковь, куда не посмеют ворваться мусульмане. На это предложение Грибоедов гордо ответил:

— Я — посланник России и прятаться не стану. Обезумевшая толпа фанатиков учинила кровавую расправу не только над Маркарьяном, но и над всеми находившимися в посольстве иноверцами. Случайно удалось спастись лишь помощнику Грибоедова И. С. Мальцеву да двум курьерам. Установлено, что шах санкционировал насильственное изъятие из русского посольства "презренного евнуха", изменившего ему и исламу. Он не возражал и против возможного убийства Маркарьяна. В отношении же Грибоедова Фатх-Али полагал, что толпа не посмеет покушаться на жизнь посланника и его приближенных, что после инцидента во дворе русской миссии Петербург отзовет из Ирана своего дипломата и шах избавится от неудобного ему сановника.

Узнав о поголовной резне в русской миссии, Фатх-Али созвал своих приближенных и стал искать выхода из крайне опасного для Персии положения. Один из министров внес предложение: чтобы умиловить императора всероссийского, послать "белому царю" дары и среди них знаменитый алмаз "Шах", на котором Фатх-Али увековечил свое имя. Первоначально предполагалось, что подарки в Петербург повезет наследник престола Аббас, но из опасения, что по дороге, ведущей через Кавказ, из мести его могут убить родственники умерщвленного переводчика посольства Шахназарова, решено было отправить с дарами младшего сына Аббаса — принца Хосрева — Мирзу, рожденного не одною из двенадцати жен престолонаследника,

а старшей наложницей. Хосрев-Мирза в сопровождении свиты отвез в Петербург подарки и письмо Фатх-Али к самодержцу всероссийскому, начинавшееся словами: "Правительство Наше перед Вашим покрыто пылью стыда, и лишь струя извинения может омыть лицо оною".

Царь принял подарки, и инцидент был затушеван, хотя некоторые воинские части уже были переброшены из Закавказья к персидской границе. Алмаз "Шах" произвел на Николая должное впечатление.

В настоящее время алмаз "Шах" находится в Алмазном фонде СССР.

Спустя несколько лет после кровавого события в Тегеране гвардейский поручик Арцруни спросил Мамеда-Хусейна-хана, адъютанта Аббаса-Мирзы, как в стране гостеприимного народа случилось столь невероятное событие. Отвечая на этот вопрос, Мамед-Хусейн-хан рассказал Арцруни одну из восточных сказок.

Однажды жена черта сидела в кустах со своим маленьким чертенком неподалеку от большой дороги, по которой проходил крестьянин с тяжелой ношей. Поравнявшись с местом, где находились черти, он споткнулся о большой камень, лежавший на дороге, и сильно ушибся. Подымаясь с земли, крестьянин воскликнул: "Будьте вы, черти, прокляты!" Его слова услышал чертенок и сказал матери: "Как несправедливы люди: они бранят нас даже там, где нас нет: мы сидим так далеко от того камня, а все же виноваты". — "Тсс, молчи, — прошептала мать, — хотя мы и притаились далеко от пострадавшего, но хвост мой спрятан под тем камнем..."

— Так, — заключил Мамед-Хусейн-хан, — было и в деле Грибоедова: англичане хотя и находились в Тавризе, но хвост британского льва был скрыт под русской миссией в Тегеране.

"Орлов"

Прежде чем перейти к рассказу об "Орлове", следует ознакомиться с легендой о трех алмазах: "Дериануре", "Коинуре" и "Хиндинуре".

В 1316 году, после смерти правителя Индии Ала-уд-дина из династии Кхилджи, претендентами на царство являлись три его сына: Хизр-хан, Шихаб-уд-дин — Умар и Кутб-уд-дин — Мубарак. Наследники решили поделить доставшиеся им земли на три равные части. С этой целью они отправились обзреть свои будущие владения. В дороге их застал ливень, и братья укрылись от непогоды в одной из пещер безымянной горы. Когда они вошли в пещеру, то увидели, что она освещена каким-то мерцающим светом. Он исходил от огромного алмаза, лежавшего на гранитной глыбе. Братья тотчас же заспорили, кому из них должна принадлежать находка. Хизр-хан заявил, что алмаз по праву его, так как он старший в роде. Умар считал камень своим, ссылаясь на то, что увидел его первым, а Мубарак предложил братьям отдать свои земли в обмен на чудесный камень. Чтобы лучше рассмотреть его, они вынесли камень из пещеры. Потрясенные его красотой, братья стали молиться:

Хизр-хан — богу солнца Вишну, Умар — душе мира Брахме, а Мубарак — богу-разрушителю Шиве. Последний услышал молитву Мубарака, пустил в камень молнию, и алмаз раскололся на три почти равные части. Каждый из осколков превышал восемьсот ратисов, или семьсот каратов. Хизр-хан взял себе самый крупный камень и назвал его "Дерианур" — "море света". Умар дал имя своему алмазу "Коинур" — "гора света", а Мубарак наименовал доставшийся ему осколок "Хиндинур" — "свет Индии".

Не успели братья отпраздновать свое восшествие на султанские престолы, как в стране начались голод и мор, уносившие десятки тысяч жизней. Чтобы умиловать бога — разрушителя Шиву, Мубарак продал свой алмаз персидскому шаху и на вырученные деньги построил храм, а перед ним поставил мраморное изваяние идола вышиной в три человеческих роста. Но бедствия не прекращались. Тогда Хизр-хан и Умар принесли свои алмазы "Дерианур" и "Коинур" во вновь выстроенный храм и приказали каменотесам вставить их в глазницы ненасытному идолу, чтобы он видел, что делается на опустошенной земле. Как только работа каменотесов была закончена, бедствия прекратились.

Весьма возможно, что именно эта легенда послужила поводом для написания Мережковским стихотворения "Сакья Муни", пользовавшегося в свое время большой популярностью. В нем рассказывалось, как голодные нищие решили украсть у каменного Будды вправленный в его корону алмаз: "Говорит один из нищих: "Братья, ночь темна, никто не видит нас. Много хлеба, серебра и платья нам дадут за дорогой алмаз. Он не нужен Будде, у него, царя небесных сил, груды бриллиантовых светил..." Эта речь произвела на каменного бога сильное впечатление: "...Чтобы снять алмаз они могли, изваянье Будды преклонилось головой венчанной до земли".

Впоследствии "Дерианур" и "Коинур" находились в троне персидского шаха Надира, вероломно напавшего на Индию и разграбившего ее.

После убийства шаха Надира в 1747 году в Персии началась междоусобная война, длившаяся тринадцать лет. Казна шаха Надира была разграблена, а знаменитый "Коинур" перекочевал в Великобританию. В настоящее время он находится в английской короне.

Второй глаз идола "Дерианур" попал в Россию и был переименован в "Орлова".

Как же, при каких обстоятельствах этот камень перекочевал из Персии в Россию и попал к императрице?

Из рассказов старых чеканщиков, граверов и ювелиров Армении, слышанных ими от отцов и дедов, известно следующее. Персия весьма славилась своими хорасанскими коврами. В Европе и Азии особенно ценились старые, поблекшие от времени ковры. Их в Иране

оставалось весьма мало. Но хитрые торговцы нашли выход. Перед лавками на базарах, где обычно шла бойкая торговля урюком, шафраном, хурмой и кишмишем, они расстилали новые ковры, чтобы по ним проходили толпы народа. Затем, изрядно затоптанные и загрязненные, ковры подвешивали над раскаленными мангалами [Жаровни, нагреваемая древесным углем], посыпанными серой. Пары этого ядовитого минерала несколько обесцвечивали яркие шерстяные нитки, и новые ковры становились похожими на старые.

Среди персидских ковровщиков были талантливые художники. Они ткали ковры с изображением Екатерины II, Наполеона и шаха Аббаса. Эти произведения подлинного искусства высоко ценились в России, Франции и Персии. У шаха Надира перед его тронем лежал узорчатый ковер с изображением льва и солнца, изготовленный хорасанскими умельцами. Поцеловать шелковую бахрому ковра разрешалось лишь особо важным сановникам. Персидские ковры вывозились во все страны мира. Между русскими купцами и английскими негодьями в XVIII веке велась жестокая конкуренция за завоевание персидского рынка. Обе стороны скупали главным образом ковры, а в Иран ввозили сахар для персидских лавочников, изготавливавших рахат-лукум, чуч-хелу и другие восточные сладости.

Летом 1770 года в порт Энзели на судне, груженном русским сахаром, прибыл некий коммерсант по имени Григорий Сафрас. В порту он застал три английских корабля с тем же товаром. Русский сахар был значительно лучше тростникового, вывозимого англичанами из своих африканских колоний. Узнав, что конкуренты установили цену на сахар по 10 туманов за центнер, Сафрас стал продавать свой по 9 туманов, англичане — по 8. Сафрас снизил цену еще на один туман. Персидские лавочники, видя невероятную борьбу двух конкурентов, прекратили покупку сахара в ожидании еще более низкой цены. И, действительно, англичане предложили персидским купцам свой сахар по 6 туманов за центнер. Это был явный демпинг, но ловкий коммерсант Григорий Сафрас не растерялся и скупил через подставных лиц весь груз трех английских кораблей, а на другой день установил цену на сахар по 11 туманов за центнер. Получив огромную прибыль от этой коммерческой комбинации и имея солидные суммы в тегеранском банке, он вместо ковров купил у шаха, нуждавшегося в наличных деньгах для увеличения армии и подавления восставших племен, всего лишь один неограниченный алмаз "Дерианур" весом в 400 каратов. Опасаясь нападения пиратов, Григорий Сафрас тайком уехал в Голландию, где отшлифовал камень "розой", как в то время там обычно гранили алмазы. "Дерианур", имевший трещинки и "угольки", после обработки стал весить 194, 8 карата. Теперь этот алмаз голубой воды мог конкурировать с "Флорентийцем", "Низамом" и другими камнями, перекочевавшими из Индии в Европу и сверкавшими в коронах королей.

Для подтверждения этой версии и выяснения дальнейшего перемещения алмаза обратимся к документам, о которых упоминает М. Н. Пыляев в своей книге "Драгоценные камни". После смерти Григория Сафраса, ходатайствуя о наследстве для своей жены, астраханский мещанин Гилянчев в 1778 году подал заявление тамошнему губернатору И. В. Якобию, в котором говорилось:

"...мой тесть Григорий Сафрас, армянин, родом жульфинец, купил редкую в свете вещь: алмазный камень дорогой цены, который вывезен им в Россию и продан за 400000 рублей".

"В 1772 году, октября 29-го, — свидетельствует придворный ювелир Лазарев Иоганн Агазарович, — Григорий Сафрас своего одного стадевяностапятикаратного алмаза половинную долю продал мне за 125000 рублей... В том же году означенный алмаз продан от меня светлейшему князю Орлову за 400 000 рублей".

24 ноября 1773 года граф Сольмс доносил депешей прусскому королю Фридриху: "Сегодня князь Г. Орлов в Царском Селе поднес императрице вместо букета алмаз, купленный им за 400 000 рублей у банкира Лазарева.

Камень этот был выставлен в этот день при дворе".

При смотре придворной знатью драгоценного камня, любуясь его игрой, одна из фрейлин Екатерины, княжна Голицына, воскликнула:

— Нет, господа, Орлов бесподобен!

С этого дня алмаз "Дерианур" стал называться "Орловым". Впоследствии он был вправлен в царский скипетр и оценен специальной международной комиссией в 2 миллиона 400 тысяч рублей.

"Пит-регент"

Весьма интересна также история легендарного алмаза "Пит-регент". Если "Санси" был обогретен кровью королей Генриха III и Генриха IV через много лет после своего появления на свет, то "Пит-регент" омылся в крови в день своего рождения. Этот камень был найден в Ост — Индии в 1700 году, когда страной управлял Великий Могол султан Аурангзеб. Тот самый властелин, который в борьбе за трон казнил своих трех братьев, а отца — шаха Джахана — сгноил в старом делийском каземате.

"Пит-регент" был найден рабом по имени Гийяс в одном из рудников Портеала, где полуголодные туземцы работали по 12–14 часов в сутки в поисках алмазов, шедших на украшения султана, его свиты, их бесчисленных жен и наложниц. Если остановиться на этой легенде, то раб Гийяс, найдя камень, сам разрезал себе ногу и под повязкой вынес алмаз из рудника. Дойдя до Ганга, он попросил матроса перевезти его на другую сторону реки. Не рассчитывая на вознаграждение, лодочник отказался. Тогда Гийяс показал перевозчику свою находку и объяснил, что в Морадабаде у него имеется знакомый торговец алмазами, который уплатит за камень

большие деньги, и счастливцев поделится ими с матросом. Перевозчик согласился, и они поплыли на утлой лодчонке по беспокойному Гангу. Через некоторое время в лодку стала набираться вода. Матрос продолжал грести, а Гийяс вычерпывал из лодки воду. Когда они доплыли до середины реки, перевозчик ударил веслом по голове ничего не подозревавшего Гийяса и убил его. Забрав камень, матрос бросил труп в реку. Всему этому был лишь один свидетель — алмаз "Пит-регент".

Аурангзеб, унаследовавший несметные богатства Великих Моголов, разграбивший Голконду и вывезший из нее сотни огромных алмазов, рубинов и изумрудов, до конца своей жизни так и не узнал о похищенном из его страны "Пит-регенте". До приближенных султана доходили слухи об исчезнувшем рабе, увезшем большой алмаз, но никто из них не решался сказать об этом повелителю.

Доплыв до другого берега, матрос продал камень пастору Питту, от которого алмаз и получил свое первое имя. Не зная цены камню, перевозчик продал его за 1 000 фунтов стерлингов и тут же, в порту, прокутил все деньги. Мучаясь угрызениями совести, матрос покончил жизнь самоубийством. Предание не сохранило его имени. Что касается Питта, то хитрый пастор, захватив с собой алмаз, покинул берег Ганга, где прежде занимался проповедями. Очутившись в Европе, он встретился с регентом Франции — герцогом Орлеанским и продал ему камень за 2500000 франков. Расчет с пастором был произведен герцогом Орлеанским в парижском замке Тюильри. С этого дня алмаз получил второе имя и стал называться "Пит-регент". В то время камень весил около 400 каратов, после ошлифовки он стал весить 136,9 карата. В 1791 году бриллиант был оценен специальной международной комиссией ювелиров в 12000000 франков, а спустя сто лет цена его была снижена наполовину.

Во время французской революции в 1792 году "Пит-регент" исчез из Тюильрийского замка вместе с другими драгоценностями французской короны, но вскоре его нашли у одного из парижских антикваров. Бриллиант был впаян в бронзовую чернильницу Людовика XVI. Остальные драгоценности, несмотря на обещанные крупные вознаграждения и на арест всех ювелиров Парижа, обнаружены не были.

Нуждаясь в деньгах, новое правительство заложило бриллиант находившемуся в Лионе замоскворецкому купцу Г. Н. Трескову.

Но пришел к власти Наполеон и выкупил "Пит-регента". Лучшие ювелиры Парижа вправили бриллиант в эфес его шпаги.

Камень этот сыграл важную историческую роль. Незадолго до государственного переворота, в ноябре 1799 года, Наполеон вынул "Питта-регента" из шпаги и заложил его правительству одной из малых европейских держав. На полученные средства Бонапарт осуществил переворот, позволивший ему стать первым консулом

Франции. Через несколько лет Наполеон провозгласил себя императором.

Не лишено интереса сообщение одной из парижских газет о том, как через двенадцать лет после смерти Людовика XVI были найдены драгоценности французской короны: во время уборки мусора в разрушенном Тюильрийском дворце был обнаружен сундук, на крышке которого сохранились выполненные эмалью три белых лилии. Клад нашел чернорабочий Огюст Долоне. В сундуке оказались все ценности французской короны, за исключением "Санси". Что касается "Питта-регента", то после смерти Наполеона Бонапарта об этом бриллианте не упоминалось ни в одном геральдическом списке Франции.

"Куллинан"

В конце восемнадцатого века основные месторождения алмазов в Индии были исчерпаны, но с 1851 года появились новые источники их добычи в Австралии, а в 1867 году были обнаружены богатейшие алмазоносные кимберлитовые трубки в Южно — Африканском Союзе, вблизи рек Оранжевой и Вааль.

Несомненно, что туземцы Африки и раньше находили алмазы в наносных песках и у кимберлитовых ям, но не придавали им должного значения. На континенте в те далекие времена не существовало денег как таковых — в Африке, Индии и на Цейлоне вместо них пользовались ракушками каури. Завезенная с Мальдивских и Лаккадивских островов, эта маленькая, глянцевиная, белая, округлая ракушка котировалась как денежная единица также и у некоторых европейских племен, и у индейцев Северной Америки. Алмаз так и не заменил каури — золото, серебро, платина и медь сменили ничем не примечательную ракушку. Алмазы и другие драгоценные камни, за исключением нефрита в Китае, никогда не употреблялись для обмена на товар...

Итак, летом 1867 года, на южном берегу реки Оранжевой, одиннадцатилетняя девочка, дочь голландского фермера, играя в саду, проколола подошву своего сафьянового сандалика острым камешком. Этот камешек оказался чистым прозрачным алмазом с незначительным желтоватым нацветом. Весил он двадцать один с половиной карат... Так было открыто новое месторождение южноафриканских алмазов, затмивших былую славу камней Голконды.

Весть о находке с быстротой молнии распространилась по всем странам. Бешено заработали телеграфы всех столиц мира. В те годы уже применялись буквопечатающие аппараты, сконструированные русским ученым Б. С. Якоби, заменившие сигнализацию гелиографа, действовавшего при помощи солнечного света.

На европейских и американских биржах резко падали акции алмазных трестов и синдикатов. Боясь упустить время, знатные

буржуа мчались к своим банковским сейфам, где хранились их фамильные драгоценности.

В это время были проданы десятки уникальных камней, в том числе шесть всемирноизвестных голубых бриллиантов Делакруа, имевшихся в его замечательной коллекции. В витрине парижского антикварного магазина Дюре засверкали алмазное кольцо герцогини Дорваль и тридцатикаратный солитер голландского банкира Ас — сена.

Так же лихорадило Лондон, Берлин, Антверпен и Петербург. Бриллианты и алмазы продавались по наполовину сниженным ценам.

В то же время к месту находки, в Южную Африку, со всех континентов ринулись десятки тысяч обанкротившихся мошенников, рыцарей легкой наживы, искателей приключений. Матросы, бросив вахту, бежали со своих фрегатов, гвардейцы покидали полки, охранники тюрем, освободив заключенных, неслись вместе с ними наперегонки к берегам рек Вааль и Оранжевой в надежде найти стокаратник и стать вторым Ротшильдом.

Под палящим африканским солнцем, по горячим тропическим пескам бежали они сотни километров, падая на бегу, поднимаясь и снова падая для того, чтобы уже больше не встать. И все же самым сильным и выносливым удалось достигнуть заветной цели. Голыми руками рылись они в растрескавшейся синевато — желтой породе. Счастливым удавалось в тот же день, еще до заката солнца, найти драгоценные полукаратники и мелкие алмазы.

Вслед за первой партией алмазоискателей пришла вторая, затем третья. Началось кровопролитное побоище за каждый клочок земли. Сразу же нашлись ловкачи и предприимчивые авантюристы, открывавшие тут же, у будущих алмазных копей, сомнительного рода банкирские и маклерские конторы, кафе, игорные дома, появился и трехэтажный отель под названием "Великий Могол".

Вокруг банкирских контор, кафе и отеля начали вырастать, словно грибы мухоморы, хижины, домики, коттеджи. Вскоре небольшой поселок превратился в многоязычный, шумный город Кимберли, где человеческая жизнь, мул, белая женщина расценивались в три, один и четверть карата.

За городом, у самых кимберлитовых ям, за колючей проволокой, в сырых глинобитных бараках разместились десятки тысяч рабочих — кафров. Эти туземцы за гроши были наняты выросшими будто на дрожжах трестами и синдикатами по добыче и эксплуатации алмазных копей.

В этом пестром, шумном, многоликом городе банкир — миллионер, сделав один только неосторожный шаг, мгновенно вылетал в трубу, и вскоре все могли видеть его на перекрестке с протянутой рукой.

Мелкие банки и маклерские конторы, не успевшие объединиться в тресты, лопались, как мыльные пузыри. Мэр города добился разрешения хоронить разорившихся самоубийц в черте городского кладбища, а банкирская контора "Кейп оф Гуд" в Кимберли выдала ликвидирующемуся тресту "Сентраль Д. Мг." чек на сумму в пять миллионов фунтов стерлингов. И этот чек был реализован.

Судьба каждого на золотых и платиновых приисках, на алмазных копиях зависела от случая, от слепого счастья. Там, в Африке, белые занимались белой работой, а черные — черной. Надсмотрщики получали в семь раз больше, чем цветные рабочие. Если кафр проглатывал найденный им алмаз, то вслед за ним он глотал и пулю надсмотрщика — это был негласный закон алмазных копей.

С рассвета полуголодные кафры с риском для жизни спускались по тросам в кимберлитовые трубки на поиски алмазов и до вечера рыхлили кирками породу.

В 1893 году в руднике "Ягерсфонтейн" был найден алмаз "Эксцельсиор", весивший около 1 000 каратов. В 1905 году был найден "Куллинан", самый большой алмаз в мире: вес его равен 3 106 каратам. Нашли его в руднике "Премьер". О том, как и при каких обстоятельствах был найден этот исполин, существует несколько версий. Наиболее правдоподобна следующая.

В самый разгар алмазной лихорадки в Кимберли появились два джентльмена — Смит и Кюн. Они купили небольшой участок земли у озера Дютуа, где предполагали заняться разведением страусов. Вблизи рек Вааль и Оранжевой голландцы в большом количестве разводили этих гигантских птиц и имели значительную прибыль от продажи их перьев, шедших на украшения дамских шляп. Одно страусовое перо в Париже, Лондоне и Петербурге стоило от 5 до 25 рублей. На аристократических и придворных балах появились веера из страусовых перьев. Цена такого опахала равнялась стоимости бриллианта однокаратника. Едва поселившись на своем участке, новые предприниматели наняли кафров для рытья артезианского колодца. Через несколько дней один из туземцев на двенадцатиметровой глубине, насыпая в ведро из воловьей кожи песок, неожиданно обнаружил в нем десяток мелких алмазов. На другой день на глубине четырнадцати метров вновь были найдены алмазы. Слух о находке в артезианском колодце мгновенно разнесся по всему Кимберли. Счастливым стали предлагать солидные суммы за их участок. Тем временем Кюн и Смит затеяли судебную тяжбу о том, как должен называться их прииск: "Смит и Кюн" или "Кюн и Смит".

Чтобы окончательно не рассориться, вновь испеченные обладатели алмазоносного прииска решили уступить его за 40 000 долларов банкирской конторе "Роллер и сын". Будущими хозяевами прииска была создана специальная комиссия по определению возможной

добычи алмазов на участке Смита и Кюна. Суммируя мнения доморощенных геологов и спекулянтов алмазами, председатель комиссии биржевик Менсфилд заявил Роллеру — старшему, что копь Смита — Кюна несомненно будет прибыльной, но нужно вложить в нее на изыскательские работы не менее десяти тысяч долларов.

Бывшие же владельцы, получив значительный аванс, стали скупать в Кимберли крупные алмазы, не считаясь ни с формой, ни с цветом камней. Было ясно, что они не компетентны в этих делах и с трудом отличают желтые алмазы от золотистых топазов.

Однажды к ним пришел неизвестный, без приглашения уселся в шезлонг и представился.

— Меня зовут Энрико Коротти. Я маклер по покупке и продаже алмазов. В Кимберли меня знают все.

— Что вам угодно? — спросил Кюн, не вынимая сигары изо рта.

— Я хочу получить полагающуюся мне треть от запроданного вами прииска.

— Вы шутите, — возмутился Кюн, а Смит положил руку на кобуру своего пистолета.

— Если вы не жулик и не шантажист, то объясните, что это значит, — потребовал Смит.

— С удовольствием. — Энрико Коротти улыбнулся. — Вы строите веселые мины при плохой игре. Вчера Роллер — младший заложил мне все алмазы, найденные в вашем забавном колодце. Среди них я обнаружил две "розочки". Не кажется ли вам, синьоры, что это не совсем обычно, когда алмазы в земле сами ошлифовываются в бриллианты? Стоит мне шепнуть об этом Роллерам, как ваша карта будет бита. Итак, джентльмены, считайте меня своим третьим компаньоном.

Боясь разоблачения, Кюн и Смит поделились с Энрико своей прибылью и, не дожидаясь получения от банковской конторы всей суммы, в ту же ночь исчезли из города. О, если бы Кюн и Смит знали, что произойдет потом, они ни за что не покинули бы Кимберли!

Год спустя новый участок Роллеров, разорившихся на неудачных комбинациях, был продан с аукциона. Его купил по бросовой цене мистер Куллинан и организовал там крупный рудник под названием "Премьер".

Естественно, предпринимателю для ведения работ понадобилась вода. Чтобы не возить ее в бочках из озера Дютуа, он возобновил рытье заброшенного колодца. На тридцатисемиметровой глубине кафры — землекопы обнаружили каменную глыбу, торчащую из стенки колодца. Рабочие пытались разбить ее кирками и лопатами, но камень оказался весьма твердым и лишь по краям дал трещины. Тогда его вместе с осыпавшейся землей выбросили на поверхность. Глыба раскололась, и в ней засверкал огромный алмаз. Камень оказался

самым большим алмазом в мире. В честь обладателя его называли "Куллинаном".

При обработке "Куллинан" был расколот по линиям трещин, образовавшихся от ударов землекопков. Из него получились два всемирно известных алмаза: "Звезда Африки" и "Куллинан-второй". Первый весит 530,2 карата, второй — 317,4 карата. Кроме того, из осколков была отшлифована сотня бриллиантов весом от 5 до 28 каратов.

В настоящее время "Куллинан-второй" и "Звезда Африки" находятся в Англии и принадлежат королеве.

"Мария"

Вся добыча алмазов Южной Африки, их обработка и реализация в течение последних семидесяти лет находились в ведении ротшильдского концерна, поглотившего почти все тресты и синдикаты, некогда занимавшиеся этим весьма прибыльным делом. На европейские и американские рынки попадало ограниченное количество камней, основной же запас хранился в сейфах и кладовых концерна. Им же устанавливались цены на бриллианты. Для искусственного создания ажиотажа в некоторых странах камни продавались дороже, в других — дешевле.

Это давало возможность маклерам и комиссионерам устраивать свои коммерческие сделки. Если случайно в ювелирные магазины столиц поступало несколько большее количество камней, то конъюнктура на бирже менялась и бриллианты падали в цене. На повышении и понижении акций алмазного концерна биржевики наживали колоссальные деньги.

Неожиданно над банкирским домом Ротшильда и компании разразилась гроза: появился сильный конкурент, смешавший все расчеты концерна. В 1954 году в Якутии, в бассейне левых притоков Лены, были найдены коренные месторождения алмазов, высоко котирующихся на европейских и заокеанских биржах. Но самым страшным для концерна оказалось то, что якутские алмазы были обнаружены не в наносных песках и сланцах, а в кимберлитовых трубках. Это значило, что камней там может оказаться множество и, возможно, весьма крупных. Кроме того, мгновенно отпал такой солидный покупатель технических алмазов, как Советский Союз. Это сильно отразилось на бюджете концерна. И действительно, после создания обогатительных фабрик в поселках Мирном и Айхале вся горнорудная промышленность Советского Союза перешла на отечественные алмазы.

В трубке Мира и в других местах вечной мерзлоты были найдены такие крупные алмазы, как "Восход", "Вилуйский", "Валентина Терешкова" и "Мария". "Мария" — алмаз, весящий 106 каратов, назван был по имени поднявшей этот камень Марии Коненкиной. Если для крупнейших финансистов мира казалось невероятным открытие

кимберлитовых трубок на Крайнем Севере, то для советских людей эти находки не были неожиданностью. Еще в середине XVIII века гениальный русский ученый М. В. Ломоносов высказал мысль: "По многим доказательствам заключаю, что и в северных недрах пространно и богато царствует натура... Представляя себе то время, когда слоны южных земель и травы на севере важивались, не можем сомневаться, что могли произойти алмазы, яхонты и другие отменные камни". Прошло более двух веков, и в Якутии были обнаружены основные месторождения алмазов. Большинство геологов царской России полагало, что главные залежи этого драгоценного камня могут находиться на Урале.

В 1929 году там, в окрестностях Биссертского завода, был найден первый кристаллик алмаза. Нашел его четырнадцатилетний мальчик Павел Попов. Позднее мелкие алмазы были обнаружены на Урале среди кварцевых галек и золотоносных россыпей.

Имеются сведения, что в кунсткамере Петра I, созданной им в 1718 году в Петербурге для хранения всяких "раритетов" и "натуралей", имелся всего лишь один алмаз. Интересно отметить, что Иван Грозный, показывая свои драгоценности англичанину Горсею, сказал:

"Алмаз блеском дороже и ценнее всех прочих. Он укрощает ярость и сластолюбие, дает воздержание и целомудрие. Никогда я не любил его".

Но вернемся к якутским алмазам. Еще в 1940 году профессор В. С. Соболев писал: "Если в СССР будут найдены алмазы, то произойдет это на Сибирской платформе". И действительно, предположение ученого оправдалось. 21 августа 1954 года, работая в чрезвычайно трудных условиях тундры, геолог Лариса Попугаева и рабочий Федор Беликов нашли мелкие темно — красные кристаллики пироба, извечного спутника коренных месторождений алмазов. Переходя вброд речушки и болота, они долго брели по то появлявшейся, то бесследно исчезающей "цепочке" в поисках этих глиноземистых гранатов и, в конце концов, достигли заветной цели. На вершине одной из сопки ими была обнаружена яма, похожая на жерло вулкана. В одной из взятых проб было найдено пять мелких кристалликов алмаза. Так была открыта первая в Советском Союзе алмазоносная кимберлитовая трубка. Счастливицы назвали ее "Зарницей".

Сейчас в Якутии голубыми огнями сверкают десятки таких алмазоносных зарниц, найденных самоотверженными советскими геологами.

Недалеко то время, когда русские алмазы затмят былую славу камней Голконды и Южно-Африканского Союза.

Существует сказка, родившаяся у якутов.

Летел лебедь, белый — белый. Такой белый, как перистое облачко. Летел он с юга на север через горы Вилюйские, к рекам дальним, что с Леной серебряной, будто рога олени, сплетаются.

Вдруг в небо лазоревое сокол сапсан взвился и полетел за лебедем. Увидали это белки, попрыгали на сосны и шепчутся между собой.

— Ну и глупый сокол! Разве может он справиться с такой сильной птицей?! Лебедь одним ударом крыла может оленю ногу перебить, клювом голову сапсану начисто оторвать.

Машет крыльями лебедь, словно ветер шатрами тойонскими [Тойоны — князьки якутских племен], и все выше в поднебесье поднимается. Покружил сокол над лебедем и камнем упал на него. Но не схватил птицу — великана, а только разодрал спину лебяжьей. Полетели перья белые на траву изумрудную по тайге широкой. А лебедь летит дальше, пути своего не меняя. Только кровь из ран глубоких на мох и на багульник капает да сам он все ниже и ниже к земле клонится. Пролетел так лебедь с полпути и упал замертво на сопку высокую. А сапсан отстал от лебеда, видно, сил не хватило угнаться за ним. Разнесли ветры буйные перья белые лебединые по всей тундре великой, а зимой погребли их снега сыпучие, и превратились они в алмазы кристальные, а кровь лебяжья — в камни пироповые. С тех пор кто найдет кровавой этот камень, тот поблизости и алмаз сыщёт.

Новелла четвертая БЫЛЬ И ЛЕГЕНДЫ О ЖЕМЧУГЕ

Разве неправда, что жемчужина в уксусе тает, что вербена освежает воздух, что нежно голубей воркованье? Будет правда и то, что ты меня полюбишь?

М. Кузьмин. Александрийские песни.

Жемчуг происходит от арабского слова "зеньчут". Жемчуг — не камень, состоит в основном из арагонита — углекислого кальция. Поэтому жизнь его недолговечна. Жемчуг "живет" полтора-два десятилетия, затем блекнет, тускнеет и в конечном итоге превращается в пыль. Зарождается он в жемчужницах — небольших двустворчатых раковинах. Это происходит при условии, если под мантию моллюска случайно попадет песчинка, осколок ракушки или паразит. Раздражая слизистую оболочку, инородное тело заставляет мантию моллюска выделять слои перламутра, которые постепенно покрывают непрошеного гостя. Через несколько лет в раковине образуется шарик. Это и есть жемчужина.

Лучший, крупный, отборный жемчуг, переливающийся всеми цветами радуги, с незапамятных времен добывали в Индийском океане, в Персидском заливе, у берегов западной Африки, а также в Желтом и Красном морях.

Найти туземцев — ныряльщиков в прежние времена было весьма сложно. Риск оказаться в пасти голодной акулы был так велик, что лов жемчуга в Индийском океане являлся принудительным.

Им заставляли заниматься преступников, приговоренных к смерти.

Роль палачей выполняли акулы, и как бы хорошо обреченный ни плавал и нырял, приговор султана или магараджи в конце концов приводился в исполнение. Впрочем, из всех акул (а их более ста пятидесяти видов), в основном, голубая акула является людоедом, да и то только в тех случаях, если сопровождающая ее ставрида — лоцман долго не находит для своей госпожи подходящей пищи.

Издревле добывался жемчуг и на Руси. Еще в начале XVI века новгородцы ездили в Кафу (Феодосию) за покупкой "кафимских зерен". После присоединения Крыма к России в 1783 году в стране появились свои ловцы жемчуга. Впрочем, эти морские перлы были мелкие, неровные и шли главным образом на оклады икон, на ризы священников, а так называемый скатный жемчуг — крупный и круглый — добывался в реках Новгородской, Тверской, Псковской и Олонецкой губерний. Этот высококачественный жемчуг шел на украшение кокошников, на оплечья бояр и на ожерелья, а также на кольца, серьги и броши.

В Санкт-Петербурге в 1896 году была сделана попытка организовать акционерное общество по добыче жемчуга в реках Остер, Кумса и Повенчанка.

Спрос на "скатные зерна" превышал предложение. С риском для жизни плавали за ними русские купцы на своих утлых суденышках к берегам Персидского залива. В Новгородской Торговой книге дается наставление:

"А купите жемчуг все белой, чистой, а желтого никак не купите, на Руси его никто не купит".

Императрица Екатерина II и королева Шотландии Мария Стюарт, как утверждает в своих "Записках" Г. Р. Державин, "носили ожерелья из перла, выловленного в реках своих стран".

Существует легенда об одном удивительном свойстве жемчуга.

Египетская царица Клеопатра, жившая в I веке до нашей эры, носила на мизинце кольцо с жемчужиной. Однажды Клеопатра сняла его и положила в бокал. Вернувшийся после потери флота в сражении с римским императором Октавианом Марк Антоний был крайне расстроен. Он налил два бокала вина, не заметив, что в одном из них находилось кольцо жены. Вино было кислое — любимое вино Антония. Для лучшего утоления жажды в Египте его пили через тонкие, просверленные коралловые веточки. Когда бокалы были осушены, Клеопатра обнаружила свое кольцо, но, увы, уже без жемчужины: она растаяла в уксусно-кислом вине.

В связи с тем, что жемчуг недолговечен и с течением времени блекнет, у древних армян существовало поверье, будто бы тусклые перлы могут восстановить свой блеск, если девушка выкупается с ними в море сто один раз. А индусские факиры утверждали, что поблекший жемчуг оживает в курином зобе в течение нескольких часов.

Так же, как в Индийском океане, с большим риском для жизни, у берегов Западной Африки добывали жемчуг туземцы — негры. Они были отважными пловцами, умели глубоко нырять и могли подолгу находиться под водой. Особенно славились этим юноши племен кру и агни.

Появившиеся в Сенегале, Дагомее, на Берегу Слоновой Кости и в Нигере европейцы — колонизаторы за бесценок приобретали у негров замечательный — круглый и грушевидной формы — крупный жемчуг в обмен на грошовые ручные зеркала, на куски дешевого, ярко окрашенного ситца. Затем колонизаторы нашли еще более выгодный "товар". В семнадцатом, восемнадцатом и первой половине девятнадцатого века здесь шла бойкая торговля живыми людьми. Негры вынуждены были бросать свои приморские хижины и прятаться в джунглях. Но и там их находили, хватали и, как скот, гуртами, отправляли на Невольничий Берег. Для предприимчивых работорговцев Невольничий Берег, защищенный подводными рифами от внезапного появления военных кораблей, был поистине золотым дном. Здесь, у Бенинского залива, в старых сараях, где некогда хранились для отправки в Европу пальмовое масло, какао и каучук, появился новый "товар", дававший ловким купцам значительно больше прибыли, чем золотой песок и слоновая кость. Эта торговля безнаказанно продолжалась и после официального запрещения "продажи и купли людей".

Вот как описывает работорговлю в Сенегале известный путешественник Арруда Фуртадо: "В семнадцатом и восемнадцатом столетиях торговая деятельность концессионных компаний состояла главным образом в добывании негров для отправки их на плантации Больших и Малых Антильских островов. В 1682 году "негр первого сорта" стоил на месте в Сенегале не более десяти ливров, а в американских колониях за него выручали до ста экю. В обыкновенные годы вывоз живого товара доходил до полутора тысяч голов. Торг неграми окончательно прекратился как дозволенный законом промысел только во времена Реставрации, но еще до 1848 года мавры продолжали приводить на пристани чернокожих пленников, которых и продавали работорговцам более или менее открыто".

В это страшное для Африки время появилась такая легенда о жемчуге.

В Сенегале, у маленького озера Чатра, жил юноша по имени Зигуинчар. Он был из славного племени уолофов и занимался земледелием и охотой. Однажды в джунглях его схватили мавры, привели на берег океана и швырнули в галеру к другим невольникам, присланным сюда с солдатами по приказам королей Иорубы и Дагомеи. Белый хозяин сунул ему в руки весло и приказал грести.

Когда галера с невольниками отошла от одного из причалов Сенегала, Зигуинчар долго смотрел на все удаляющийся родной берег.

Сначала исчезли в туманной дымке хижины, пристань и пальмы, затем мачты стоявших на внешнем рейде фрегатов, бригов, каравелл и нефов. Наконец и сам берег скрылся за горизонтом.

Чтобы хоть когда-нибудь вернуться на родину, надо знать путь, по которому следует идти. Там, у себя в Сенегале, среди самых непролазных джунглей Зигуинчар легко находил едва заметные тропинки и после охоты всегда возвращался в свою хижину. А здесь, в бескрайнем океане, он до боли в глазах всматривался в след, оставляемый галерой, в узкую изумрудную бороздку, остающуюся за кормой. Но ее мгновенно покрывала большая волна и неведомо откуда появлявшаяся пена.

Зигуинчару вдруг захотелось кричать, биться головой о борт лодки и плакать. Но слез не было, и лишь одна слезинка скатилась по его щеке и упала в воду. Она, конечно, легко могла раствориться в беспредельном океане, но слеза оказалась соленее и тяжелее морской воды. Освещенная лучами догорающего солнца, сверкая всеми цветами радуги, она стала медленно опускаться на дно.

О том, что с ней потом случилось, поведала камбале морская черепаха. Она плавала на поверхности океана и ныряла до самого дна. Она все видела и все слышала, эта старая большая черепаха по имени Колибанта.

Обитатели океана сразу заметили опускавшуюся слезинку.

— Смотрите, смотрите, — первой сказала черно — синяя двустворчатая Мидия, — к нам плывет какая-то звездочка. — Она была знатной иноокеанкой, эта Мидия, заплывшая к берегам Африки из какого-то северного моря, прикрепившись ко дну недавно затонувшего здесь фрегата. Мидия важно висела в своей ракушке на шелковых нитях выделяемого ею клейкого биссуса и раскачивалась под свай, как на качелях. Ей все было видно лучше, чем остальным.

— Вот и неправда, вот и неправда! — закричала Устрица, щелкая створками своего домика. — Вовсе это не звездочка, а хрусталинка. Она отломилась от друзы, прикрепленной к надводной скале, и теперь падает на дно.

— Ах, как это интересно! — хором воскликнули Рачки — желуди, распуская веером хвостики.

— Любопытно, — важно проговорил большой Омар, поцарапав клешней свою широкую переносицу.

— Я тоже вижу: какой-то алмазный жучок спускается к нам на дно океана, — пробасил кто-то из — под пятнистой раковины. То был Рак отшельник. Он имел очень смешной вид: всю его спину, до самого хвоста, закрывала глянцевитая раковина, а перед ней торчали усики и выпученные глаза. Внизу под раковиной виднелись две клешни и восемь тоненьких ножек. Не имея своего домика, Рак — отшельник жил в пустой раковине брюхоногого Моллюска, которого съел Спрут — осьминог. Приоткрыв створки своего домика, тихая Жемчужница

смотрела, слушала и молчала. Она была самой скромной среди шумного мира подводного царства. Наконец Слезинка упала в раскрытые створки Жемчужницы, словно денежка в кошелек.

— Извините за нескромный вопрос, — изысканно вежливо, как и подобает Моллюску, одетому в мантию, спросила Жемчужница, — что побудило вашу светлость опуститься на дно нашего океана?

— Я не светлость. Я всего лишь Слезинка. Самая обыкновенная Слезинка, которую обронил негр по имени Зигуинчар, из племени уолофов. Он всегда говорил:

"Если встретишь на своем пути мавра и кобру — убей мавра". И мавры отомстили ему. Они схватили Зигуинчара и продали его в рабство... Прошу вас, добрая Жемчужница, спрячьте меня так, чтобы никто никогда не нашел. Я больше не в состоянии видеть людское горе. Оно очень — очень страшное. Там, наверху, одни убивают других, сильные заточают слабых в тюрьмы и продают их в рабство.

— А что такое тюрьмы и рабство? — заинтересовался Моллюск, шевеля своими длинными ресничками.

— Мне трудно сейчас говорить об этом. Потом я вам все расскажу, а пока прошу: спасите меня.

— Хорошо, — сказал Моллюск, — спрячьтесь под мою мантию, и я изо дня в день, из года в год буду окутывать вас настоящим перламутром. Через семь лет вы превратитесь в большую и красивую жемчужину. Если вы слеза белого человека, вы станете белым, розовым или голубоватым перлом, если желтого — то и жемчужина будет желтой, а если черного — то будете самой прекрасной в мире черной жемчужиной!

Тут Жемчужница заметила, что их разговор со Слезинкой подслушивает черепаха Колибанта, и захлопнула створки своей перламутровой раковины. А через семь лет, как и обещал Моллюск, Слезинка превратилась в большую черную жемчужину, сверкавшую всеми цветами радуги.

Но люди об этом узнали только тогда, когда ее вынули из раковины и вставили в ажурную оправу кулона, усыпанного драгоценными камнями...

Как у знаменитых людей, так и у некоторых исторически известных драгоценных камней и уникальных жемчужин были свои судьбы — свои взлеты и падения. Наша красавица, названная первой ее владелицей маркизой де Лантан "Черной розой", подобно знаменитым бриллиантам "Санси" и "Питту-регенту", долго блуждала по свету из страны в страну, от одного вельможи к другому, пока, наконец, не попала в английскую корону, где в почете и славе пребывала много лет. Но в начале царствования Георга V она исчезла из королевского дворца при весьма загадочных обстоятельствах. Поиски пропавшей жемчужины, связанные со многими арестами, не дали никакого результата. И, возможно, мы никогда не узнали бы о

судьбе этой черной жемчужины, если бы не странный случай, о котором в 1879 году наперебой заговорили венские, лондонские и парижские газеты.

В Австрии, в небольшом городке Штоккерау, расположенном неподалеку от Вены, жил человек по имени Исаак Рот. Штоккерау не являлся ни промышленным, ни торговым центром и вел тихую провинциальную жизнь. На главной улице помещалось несколько магазинов и лавчонок, а в сквере и на бульваре — пивная и кафе. Здесь не было ни банка, ни даже ломбарда. Будучи человеком коммерческим, Исаак Рот учел допущенный пробел и, с позволения начальства, открыл ссудную кассу.

Теперь каждый житель Штоккерау, находясь в затруднительном положении, мог получить под залог необходимую сумму с выплатой установленных венским банком процентов. Жизнь в городке протекала чинно, размеренно. Клиентов в ссудной кассе было немного: бюргеры Штоккерау старались укладываться в рамки своих скромных доходов от огородов и фруктовых садов. Лишь изредка случалось, что кто-нибудь из обывателей брал ссуду для свадьбы дочери или на похороны кого-либо из родственников. Однажды в скромную контору ростовщика, расположенную в конце бульвара, пришел его сосед Адам Гюнтер, некогда служивший лакеем у графа Батиана. Он попросил под странный предмет — большую черную жемчужину-двадцать гульденов для уплаты налога. Не зная цены предлагаемой вещи, Рот долго рассматривал перл, словно петух, который нашел жемчужное зерно. После долгих колебаний он все же сжалился над своим соседом и выдал ему просимую сумму. Будучи по делам в Вене, ростовщик зашел в один из лучших ювелирных магазинов и, положив жемчужину на прилавок, попросил ювелира определить ее стоимость. Хозяин магазина взял лупу и очень внимательно стал рассматривать морскую красавицу. Затем перевел взгляд на скромно одетого ростовщика и долго не мог выговорить ни слова.

Наконец сказал:

— Вам ничего не известно о черной жемчужине, пропавшей из английской короны?

— Нет... Но почему вы меня об этом спрашиваете? Разве я похож на похитителя королевских драгоценностей?

— Не очень. Впрочем, чего в жизни не бывает.

— Итак, вы можете ответить на мой вопрос?

— Эта жемчужина весит около пятидесяти каратов. Судя по ее игре и цвету, она привезена из Африки или из Индии. Стоимость ее огромна!

— Может быть, вы купите ее у меня?

— Нет, я этого сделать не могу.

— Почему?

— Все, что у меня есть, находится в витрине магазина. Вы же не согласитесь обменять вашу уникальную жемчужину на пяток золотых портсигаров и десяток карманных часов, правда, хороших фирм: Генриха Мозера,

Павла Буре и Лонжина. Единственное, что я могу вам посоветовать, это зайти в контору придворного ювелира и переговорить с ним по интересующему вас вопросу. Если сделка состоится, вы мне, как маклеру, платите пять процентов.

Рот подумал и пошел по указанному адресу. Но разговор не состоялся. Придворный ювелир, взглянув на жемчужину, тут же вызвал полицейского, и ростовщика арестовали. Через неделю, как сообщали газеты, "...был задержан и второй соучастник кражи сферовидного черного перла, похищенного из английской короны и оцененного таможенными экспертами при участии французских ювелиров в сто тысяч франков". На допросе Адам Гюнтер заявил под присягой, что черная жемчужина была ему подарена покойным графом Батианом в день его смерти. Гюнтер был самым любимым лакеем графа. Судебный процесс прекратился, и "Черная роза" поступила в законное владение английских королей.

Говорят, что теперь она сверкает в короне английской королевы Елизаветы. И когда кто-нибудь из придворных, правнуков работоторговцев, кланяется королеве, то преклоняет голову перед слезинкой Зигуинчара...

Выловить уникальную жемчужину удастся чрезвычайно редко. Иногда попадаются крупные перлы уродливой формы или неприятных серо — зеленоватых тонов. Такой жемчуг считается любительским и продается по сравнительно дешевой цене. Исторически известным шедевром в свое время считалась жемчужина величиной почти в голубиное яйцо, весившая сто тридцать четыре карата или 27 граммов. Принадлежала она испанскому королю Филиппу II. Существовало еще несколько крупных перлов грушевидной формы. Одна такая жемчужина в 130 каратов появилась у персидского шаха Надира после его похода в Индию. Вторая, весившая 128 каратов, принадлежала римскому папе Льву X. Две замечательные круглые жемчужины были куплены в разное время княгиней Т. В. Юсуповой, каждая из которых весила пятьдесят с лишним каратов. Первая называлась "Пелегрин", а вторая — "Правительница". Стоили они в общей сложности более 300 000 франков. Подобрать две одинаковые по размеру и цвету жемчужины в пятьдесят каратов так же сложно, как отыскать в дактилоскопии одинаковые отпечатки пальцев, принадлежащих разным людям.

Если же подбирается такая пара жемчужин, то будущие серьги становятся в два — три раза дороже суммы их стоимости порознь. Вот почему, когда княгиня Юсупова приобрела на аукционе бесподобную жемчужину "Правительницу", ничем не отличающуюся от

имеющегося у нее "Пелегрина", об этом много писали парижские газеты. Шумиха эта натолкнула драматического актера Гарлина-Гарлинского на аферу. Живя постоянно в Петербурге, он узнал, что в Гостином дворе у одного из крупнейших ювелиров столицы имеется розовая грушевидная жемчужина в 32 карата. В один из пасмурных декабрьских дней Гарлин-Гарлинский подкатил на тройке к магазину и, войдя в него, распахнул шубу на енотовом меху с шалевым собольим воротником, взятую в костюмерной театра, ту самую шубу, в которой артист блестяще играл в пьесах Островского. Сев в кресло, он попросил приказчика пригласить в магазин хозяина. Через несколько минут у прилавка появился голландец и на ломаном русском языке спросил, что угодно господину.

— Нет ли у вас чего-нибудь такого замечательного, чтобы всем на удивление было?

Голландец предложил покупателю несколько вещей с крупными бриллиантами и стал убеждать актера, что лучших сувениров он не найдет и в Париже.

— "Нет, шурин, дело решено. Мне твоего не надо уговора", — процитировал Гарлин-Гарлинекий одну из реплик царя Федора. — Ты мне такой шедевр покажи, чтобы дорого стоил! — на пафосе сказал актер и победоносно взглянул на свое отражение в зеркале.

А когда на прилавке появилась розовая жемчужина, артист воскликнул: "Эврика!" — и стал в ту позу, в какую становится Кречинский перед Расплюевым.

Голландец запросил за уникальный экземпляр шесть тысяч рублей. Покупатель предложил четыре. Сошлись на пяти. Через неделю Гарлин снова появился в магазине и стал упрашивать ювелира достать ему для серег еще одну такую же розовую жемчужину:

— Иначе моя Дульцинея бросит меня и сбежит с каким-нибудь купцом, мошенником — прощельгой или с индийским факиром. — Последнюю фразу он произнес так громко, что стекло в форточке задребезжало.

— Вы просите у меня абсолютно невозможное. Такого уникала нет на всем земном шаре, — самодовольно улыбаясь, заявил ювелир.

Собеседники долго объяснялись. В конце диалога, войдя в раж, актер швырнул на прилавок две тысячи рублей в крупных купюрах. Объявив голландцу, что это задаток на покупку второй жемчужины, за которую он готов заплатить двенадцать тысяч, Гарлин стал эффектно, как актер под занавес, удаляться, кланяясь хозяину, приказчику и стенным часам, украшенным бронзовыми амурами.

Сложив в сейф собранные с прилавка деньги, ювелир написал письма своим агентам в Берлин, Париж и Лондон с просьбой приискать розовую грушевидную жемчужину весом от 30 до 35 каратов, хотя в глубине души голландец отлично сознавал, что дело это безнадежное.

Каково же было его удивление, когда через неделю он получил из Парижа положительный ответ. Обуреваемый жаждой наживы, отложив все свои дела, ювелир помчался в Париж. Дама, продававшая розовую жемчужину, оказалась крайне несговорчивой. Назначив за свою драгоценность десять тысяч рублей, она объявила, что не уступит ни сантима.

Голландец уверял ее, что вещь не стоит таких денег, и предложил сперва семь, а затем восемь тысяч. Но парижанка стояла на своем. Взвесив все за и против, ювелир решил, что и две тысячи — тоже приличный заработок, и купил розовую жемчужину, являвшуюся поразительной копией той, которую продал господину в енотовой шубе.

На другой день после возвращения голландца в Петербург в магазин к нему пришел Гарлин-Гарлинский.

— О, могу вас радовать, — воскликнул ювелир. — Вот вам двойник розового перла!

— К сожалению, должен вас огорчить, — не глядя на жемчужину, скорбно сказал актер. — "Вчера продулся страшно"... в железку... шулерам... Пусть пропадет мой задаток! Адье! — И актер ушел из магазина, тихо закрыв за собой дверь.

А через неделю голландец увидел в санях промчавшейся тройки своего "покупателя". Он сидел рядом с дамой, удивительно похожей на упрямую парижанку, продавшую ювелиру розовую жемчужину.

Несомненно, что первым украшением, появившимся в ноздре, в мочке уха или в черепаховом трезубом гребешке у дикарки каменного века, был жемчуг. Он не нуждался ни в огранке, ни в полировке, необходимых для драгоценных камней. Добыча его не требовала больших усилий и зависела лишь от ловкости пловца. А иногда, после пронесшегося над океаном шторма, раковины с перлами находили на прибрежном песке.

Жемчуг можно было также купить на мелкие ракушки каури, служившие у многих племен деньгами. Через десятки тысячелетий, когда образовались такие могущественные государства, как Египет, Сирия и Финикия, фараоны и цари стали украшать себя и своих жен не только жемчугом, но и драгоценными камнями. А еще позднее добыча жемчуга превратилась в промысел.

Вот как выглядел он в конце XIX-начале XX веков в самом близком от нас — Персидском — заливе. После того, как в прибрежных городах и поселках отцветал миндаль и розовые лепестки устилали пушистыми коврами сады Бушира, Тахери и острова Кешма, там появлялись сотни людей в цилиндрах, фесках и соломенных шляпах, говоривших на различных европейских и азиатских языках. Они с боем отвоевывали себе квартиры в глинобитных мазанках, платя за конуру значительно больше, чем за номер в фешенебельной гостинице Константинополя, Парижа или Лондона.

Всех этих спекулянтов влекла сюда жажда легкой наживы. До начала лова жемчуга, пока суда, суденышки и лодки покачивались на тихих волнах у своих гаваней и портов, эти биржевые акулы поспешно объединялись в коммерческие компании, акционерные общества, тресты и синдикаты. В определенный день и час суденышки и лодки отчаливали от берега и, став в местах, не превышающих 15–20 метров глубины, ждали пушечного выстрела. Наконец сигнал подан — лов жемчужниц начался. Обычно длился он в течение месяца, с шести часов утра и до двенадцати дня. В каждой лодке находилось по два человека с камнем и корзиной. Посреди лодки установлено было колесо с намотанным на него канатом. Ныряльщик, взявшись за веревку, к концу которой прикреплена была корзина с лежащим в ней камнем, бросался в воду.

На дно, благодаря грузу, он опускался стремглав.

В течение 45–50 секунд ныряльщик успевал отбить от камней и екал прикрепленные к ним несколько жемчужниц и бросить их в корзину. По условному сигналу, производимому веревкой, напарник быстро накручивал на колесо канат, и искатель жемчуга, очутившись в лодке, отдыхал с минуту, чтобы снова броситься в море.

Через некоторое время его сменял товарищ. И так ежедневно, в течение шести часов...

Есть в добытых раковинах жемчуг или нет — угадать невозможно. При таком варварском способе гибели десятки тысяч "пустых" жемчужниц. За свой промысел ныряльщики получали четвертую часть выловленных ими раковин. Не имея поденного заработка, они тут же, на месте, продавали свою долю мелким спекулянтам, которым не по карману было покупать с аукциона наполненные жемчужницами бочки.

Торги производились точно так же, как некогда они происходили при продаже негров, — с традиционным молоточком, с выкрикиванием: "Сто пятьдесят франков — раз, сто пятьдесят франков-два... Кто больше?" В каждой бочке находилась тысяча раковин. Сколько в какой бочке окажется жемчужин и какими они будут мелкими или крупными, желтыми или белыми, ровными или уродливой формы, — заранее никто не знал.

Фактически продавался кот в мешке. И, тем не менее, цены на некоторые бочки спекулянты взвинчивали до 180 и даже до 200 франков. По окончании аукциона "товар" перевозился и перекачивался во двор владельцев — будущих "королей жемчуга". Там бочки вскрывали и перекладывали раковины в дырявые мешки, стоявшие здесь во время лова жемчужниц дороже новых.

Работа по очистке раковин от моллюсков на неделю предоставлялась мухам и их потомству.

Опустошенные жемчужницы вскрывали, тщательно промывали, имеющиеся в некоторых из них зерна процеживали сквозь разные

сита: в"-в"- 20, 40, 60 и 80. Наиболее крупные перлы величиной с горошину, застревающие в "двадцатке", назывались прима — жемчугом, отборным жемчугом. Затем шли "сороковки", "шестидесятки" и "восьмидесятки". Последние размером со спичечную головку.

Более мелкий жемчуг назывался бисерным и стоил сравнительно дешево. Иногда попадались экземпляры величиной в разваренную горошину — такая жемчужина стоила от 100 до 200 рублей золотом.

Если люди, торгующие драгоценными камнями, знают все их свойства, то большинство спекулянтов, слабо разбираясь в качестве жемчуга, усваивали лишь номера сит.

И за это один из них был сильно наказан.

Приобретенный на аукционе жемчуг спекулянты вывозили в Тегеран и Константинополь, где втридорога сбывали его европейским и азиатским купцам и ювелирам. Спрос на жемчуг был повсеместно огромен. Подражая королевам и шансонеткам, княгиням и примадоннам, женщины малоимущих классов начали носить ожерелья, кольца и серьги из поддельного жемчуга. В конце XIX — начале XX веков его вырабатывали главным образом во Франции. Лучшей имитацией считался "жемчуг" фирмы Бургиньона. Этот фальсифицированный суррогат, имевший лишь весьма отдаленное сходство с настоящим, изготовлялся из полых стеклянных шариков, смазанных изнутри клеем и размолотой в порошок чешуей мелкой рыбешки, в основном уклеи.

Не удовлетворившись такой грубой подделкой, человеческая мысль занялась созданием искусственно выращенного жемчуга. Увлечение этой идеей было настолько велико и заразительно, что даже знаменитый изобретатель Эдисон в двадцатых годах нашего столетия попытался изготовить в пробирке настоящий жемчуг. Но опыты оказались неудачными, и Эдисон пришел к выводу, что без участия живого моллюска достичь желаемого результата невозможно.

Иногда, правда чрезвычайно редко, мелкие жемчужные зерна находили в устричных ракушках Японского и Черного морей. Но самое удивительное то, что в исключительных случаях жемчуг может образоваться и... в кокосовых орехах. Об этом свидетельствуют голландский ботаник Румпфий и австрийский ученый Гинзон. По их утверждению, у туземцев кокосовый жемчуг ценится дороже речного, но дешевле морского. "Пальмовый" жемчуг, как они его называют, тверже ракушечного и ничем не отличается от обычного: ни цветом, ни формой, но "живет" не двести лет, как "ориенталь" [Восточный] или кафимский, а всего лишь сто.

Быть может, эти сведения о "пальмовом" жемчуге и натолкнули Эдисона на попытку создания перла в пробирках с различными молочными и известковыми растворами.

Китайцы, с незапамятных времен славившиеся своей предприимчивостью и изобретательностью, чуть ли не с XIII века начали разводить и выращивать в раковинах, не имеющих жемчуга, настоящие перлы. Как в прежние времена, так и теперь на морском мелководье или даже в пресноводных реках, но только там, где водятся жемчужницы, выращивают искусственный жемчуг. Вначале собирают раковины, приоткрывают створки и под мантию моллюска вкладывают бекасиную дробинку, перламутровый шарик или миниатюрное изваяние свинцового Будды. Иностранное тело, раздражая слизистую оболочку мантии, заставляет ее вырабатывать перламутр, который и обволакивает незваного гостя. Через три-четыре года раковины вынимают из воды и извлекают приросшие к створкам жемчужины. Низ такого жемчуга обычно оказывается рыхлым и гнилым, и лишь верхняя половина идет на поделку ювелирных изделий.

Но даже те зерна, которые хорошо сохранились, не всегда имеют переливчатые оттенки, свойственные морскому жемчугу, образовавшемуся без участия человека.

Лишь через несколько веков, узнав о китайском способе разведения жемчуга, японцы усовершенствовали его.

Огромную роль сыграли в этом деле изобретательный предприниматель Кокичи Микимото и его ближайший помощник Иосикичи Мицукури. Обладая некоторым капиталом, Микимото организовывает в бухте Гокаско питомник для разведения жемчужниц в естественных условиях. Врач Мицукури создает при ферме лабораторию. Тут же строится особняк для будущего короля жемчуга и устанавливается статуя богини Хитотузуке-каннон — покровительницы ам (девушек — ныряльщиц).

С конца прошлого века рыбаки и амы стали добывать и поставлять в питомник Гокаско тысячи жемчужниц. В лаборатории пинцетом под мантию им вводили песчинки, рыбу чешую и даже бисер. Затем обработанные раковины перекладывали в металлические решетчатые ящики и опускали на дно залива. Через два — три года их проверяли, а ящики очищали от водорослей и снова опускали на морское дно. Первые опыты не дали результатов. Исследовательские поиски продолжались десятилетие. Наконец изобретатели пришли к точному решению проблемы. Они стали производить вторичные операции над моллюсками. По истечении трех лет пребывания подопытных жемчужниц в питомнике раковины вскрывались. Кусок мантии вместе с образовавшимся там шариком вырезался, связывался в мешочек, а затем пересаживался в новую жемчужницу. При такой системе гибла половина раковин, но это окупалось тем, что через три — четыре года после вторичной операции вынутый искусственно выращенный жемчуг почти не отличался от натурального, выросшего на свободе в морских просторах. Лишь опытные ювелиры по каким-то едва

уловимым признакам определяли происхождение той или иной жемчужины.

Будучи коммерсантом и зная цену рекламе, Микимото из первых же партий добытого им в 1910 году жемчуга презентовал двоюродному брату микадо, принцу Комадзу, полтора десятка превосходных зерен величиной в разваренные горошины. Отправляясь в Лондон на коронацию английского короля, принц купил у Микимото еще десяток жемчужин и преподнес их в подарок Георгу V от имени японского императора.

Эффект, произведенный на коронации искусственно выращенными жемчужинами, был неописуем. Во французских, немецких и английских газетах писали: "Мистер Микимото разводит жемчуг в своем питомнике, как рыбок в аквариуме". На европейских и американских биржах дрогнули акции жемчужных компаний, но вскоре курс был восстановлен. Признав за новым жемчугом "право сверкать среди драгоценностей королей и герцогинь", парижские ювелиры установили на него цену, равную одной пятой морского и океанского жемчуга. А после смерти Микимото в 1954 году она упала до одной десятой по отношению к натуральному жемчугу.

Теперь пришло время рассказать о пострадавшем в схватке с акулой Али Аббасе-оглы. Он был ныряльщиком в Красном море, этот славный иранец.

Отец Али Аббаса, ширазский садовник, разводил возле своего маленького домика палевые, оранжевые и красные розы. Когда Али был мальчиком, он продавал их на бульварах богатым бездельникам. Эти господа ездили на ярмарки и скупали там знаменитые хорасанские ковры и старинные чайные сервизы, изготавливаемые в Персии чуть ли не с XII века. Почистив и подлакировав свои покупки, они отвозили их в Париж, не забывая прихватить с собой горсть жемчуга, купленного из вторых и даже третьих рук. Господа эти имели свои особняки и своих лошадей, жили в роскоши и довольстве. Когда Али Аббас стал юношей, он влюбился в одну из дочерей богатого купца. Звали ее Лейлей. И она тоже полюбила Али. Однажды, заметив частые прогулки юноши у ограды их дома, отец девушки сказал влюбленному:

— Моя Лейля выйдет замуж за того, кто подъедет к особняку в золотой карете. Учти это, юноша, и не маячь перед моими окнами.

— Хорошо, я подъеду к вашему особняку в золотой карете. Только разрешите мне сделать это через год, — попросил Али.

— О, да ты, оказывается, смельчак! Что ж, подождем годик, а пока уходи, и чтобы я больше тебя здесь не видел.

Юноша низко поклонился отцу Лейли и исчез из города.

Долго блуждал он по разным странам в поисках заработка.

Дойдя до Красного моря, Али подыскал себе товарища с лодкой и стал ныряльщиком. Однажды ему посчастливилось. Возле старой

разбитой раковины он нашел валявшуюся на дне жемчужину величиной с воробьиное яйцо. Она стояла, несомненно, больших денег. Но для осуществления заветной мечты юноше надо было найти несколько таких перлов или одну жемчужину размером с голубиное яйцо.

К концу сезона лова жемчуга в Красном море Али Аббас, ведя скромный образ жизни, сумел скопить несколько золотых динаров. Конечно, их никак не хватило бы на позолоту даже дверок и рессор рисовавшейся его воображению кареты.

Непредвиденная встреча с акулой разрушила все надежды юноши. Хищница едва коснулась своим острым плавником плеча Али и исчезла в порозовевшей пене набежавшей волны так же неожиданно, как и появилась. Очутившись в лодке, Али Аббас понял, что теперь долго не сможет плавать. Нужно спешить добраться до Персидского залива: оттуда все же ближе до дома. Через месяц там начнется лов жемчуга. Быть может, свершится чудо: рана заживет, и Али, как прежде, сможет нырять в голубых просторах.

Простившись с другом, юноша отправился через Багдад в Персию. Добравшись до сказочного города, в витрине одного из ювелирных магазинов он увидел рассыпанные по черному бархату крупные жемчужины. Цена показалась ему чрезвычайно низкой. Зайдя в магазин, юноша предложил хозяину свою жемчужину. Внимательно осмотрев ее, ювелир назвал весьма солидную сумму. Узнав о том, что находящиеся в витрине перлы являются искусственно выращенным японским жемчугом, Али Аббас тщательно осмотрел их и предложил обмен. За его жемчужину и динары хозяин предоставлял сто штук отборных японских зерен. Юноша подумал, загадочно улыбнулся.

И сделка состоялась.

По дороге, в одном из караван-сараев, Али продал купцу из Саудовской Аравии семь зерен по цене натурального жемчуга.

Полученной суммы вполне могло хватить на приобретение тысячи раковин.

Добравшись до Персидского залива, он купил на аукционе бочку с жемчужницами.

Высыпав их на плоскую крышу временного своего жилища, Али Аббас произвел над ними эксперименты, превосходившие по своей эффективности опыты Эдисона и Микимото. Приоткрыв створки жемчужниц, новоявленный "изобретатель" вложил в девяносто три раковины искусственно выращенный жемчуг. Через неделю, когда спекулянты стали вскрывать жемчужницы, хитрый юноша, ссылаясь на больную руку, нанял для этой несложной работы двух мальчишек. К вечеру весь поселок узнал, что неизвестному иранцу повезло так, как еще никогда никому не везло в этом заливе.

Наутро от перекупщиков не было отбоя. Али Аббас сначала отказывался от предлагаемых колоссальных сумм, потом же, тайком

от всех трестов и синдикатов по скупке раковин, продал всю партию, вместе с добытой мелочью, богатому спекулянту из Палестины.

По преданию, влюбленный в красавицу Лейлю Али Аббас-оглы вернулся в Шираз в позолоченной карете, запряженной цугом четырьмя лошадьми.

Все кончилось, как и полагается в восточных сказках, свадьбой. А пострадавшему купцу мулла сказал:

"Нужно знать то дело, которое тебя кормит. В твоём возрасте пора бы уже научиться отличать медузу от устрицы".

"Неверно, будто жемчуг приносит огорчения и слезы: жемчуг способствует долголетию и благоденствию. Кто его носит, того никто не обманет; он рассудочен и предохраняет от неверных друзей", — так говорится в "Изборнике" Святославовом и подтверждается Памвой Бериндой. Неправда и то, что перл есть символ любви, как пишут в Азбуковнике.

Вот какую сказку рассказывают о жемчуге на берегу Тихого океана.

У самого порта Йокогамы погиб некогда японский корабль, на котором, помимо шелков узорчатых и первосортного фарфора, находилась бесподобная жемчужина величиной с голубиное яйцо.

И стоило то яичко 200 000 иен. А принадлежало оно любимой дочке самого микадо...

Загрустила царевна, места себе не находит. Тут микадо и объявляет: кто, мол, принесет во дворец жемчужное яйцо, на дне моря найденное, того и наградит самой высокой милостью.

Много отважных юношей бросалось в бездонную пучину за драгоценным перлом, но никому из них не удалось отыскать его, а некоторые смельчаки так и не вынырнули из бездны...

Месяц прошел, другой, третий. Вдруг приходит к микадо гейша — ворожея и говорит ему:

— Нашлось жемчужное яйцо, только очень оно холодное. Как бы твоя дочь из-за него не простыла навек.

А кто его из бездны вынес, гейша — ворожея царю так и не сказала.

Узнав о находке, царевна обрадовалась:

— Приведите, — говорит, — ко мне во дворец юношу того смелого, я за него замуж выйду!

Микадо свою дочь увещевает: может, юноша тот не знатного рода и даже не самурай, а рикша простой?

— Все равно, — отвечает царевна, — выйду за него замуж.

И велел тогда микадо привести во дворец смельчака, своего зятя будущего.

Дочка микадо принарядилась, прихорошилась. Семь разноцветных зонтов над ней знатные самураи держат, а еще семь веерами ее со всех сторон обмахивают.

Привели ныряльщика. Глянула на него царевна и обмерла: на голове, словно змея клубком, тугая коса заплетена — в ту пору все

китайцы косы носили. Еще раз глянула царица, да так и затряслась вся в ознобе, даже пальчики у нее на ручках, словно льдинки, зазвенели.

Подошел микадо к незнакомцу, глянул: не китаец перед ним на колени встал (уж так у них полагается), а японочка.

— Кто ты есть, откуда и где выучилась нырять в бездонные пучины? — спрашивает микадо.

— Я — говорит японочка, — не по своему желанию, а поневоле должна плавать и нырять, потому что я — ама, добытчица жемчужных раковин... Я тебя неясно вижу, Микадо, и плохо слышу. Очень уж морская вода соленая, она разъедает глаза и растворяет серу в ушах. Ты не думай, что я старуха: мне всего двадцать третий год пошел. Пять лет назад, когда я впервые вышла на берег, была я розовой, как олеандр, а теперь стала серой и морщинистой, словно старая черепаха... Говорю тебе все это, император, не для того, чтобы разжалобить твое сердце, а потому, что не с кем мне поделиться: крабы, с которыми я часто встречаюсь на дне океана, не понимают человеческого языка...

С этими словами ама достала из складок своего кимоно перл величиной с голубиное яйцо, положила его на мраморный стол с медными драконами и молча вышла из дворца микадо.

С той поры жемчуг ни к любви, ни к ненависти никакого касательства не имеет.

Новелла пятая

ЛЕГЕНДЫ О ЗЛОТИСТОМ ТОПАЗЕ, ГОРНОМ ХРУСТАЛЕ И ИЗУМРУДЕ

Мы сидели на берегу реки после удачного улова. Пламя костра лизало чуть поблескивающий котелок, в котором варилась уха, и освещало широченный оранжево — коричневый ствол старой сосны. Крупные звезды свисали над лесом и отражались в зеленоватой, как ализариновые чернила, медленно текущей Нейве. Отсюда было хорошо видно, как на той стороне, в Мурзинке, площадками загорались окна столицы исконных горщиков и каменотесов. Мой компаньон по рыбной ловле и хозяин дома, где я проездом остановился, когда-то тоже лазил по горам и бродил по топям в поисках самоцветов. Теперь он состарился и променял кирку на удочку. Расположившись поудобнее, прислонясь к стволу сосны, старик начал свой рассказ.

— Коротка жизнь человеческая, ох как коротка! Щука и та живет триста лет и долее, а человек и века не дотягивает. Бывало, выстроит помещик или купец какой дом на каменном фундаменте или церквушку деревянную, проживет в доме том с полвека — и отпоют его, раба божьего, за упокой в той церквушке... И уже его сыновья за дом меж собой сутяжничают и спорят из-за камней самоцветных да побрякушек разных. А жизнь у побрякушек тех, ох, долгая! С человеческой и в сравнение идти не может. Рюмка какая-нибудь

серебряная с выгравированной надписью "Пей, да дело разумеи" переходит от дедов к сынам и от сыновей к внукам. А золотая с эмалью табакерка елизаветинских времен доживает до наших дней и попадает на витрину антиквара. И когда нас не станет, вещички эти из рук в руки переходить будут по-прежнему, из поколения в поколение. Ну кто бы, к примеру, мог подумать, что праправнук тульского купца и оружейника, зачинателя горного дела в России Никиты Демидова камешек купит, тот самый камешек "Санси", что Карл Смелый в шлеме как талисман носил, а Екатерина Медичи на лебяжьей груди своей обогревала?

Праправнук этот демидовский унаследовал от дяди своего Прокопия веселый нрав и дикие чудачества и, бывало, в Париже деньгами сорил так, как девки сибирские шелухой кедровых орешков.

Чем старше, тем солидней и степенней были поколения Демидовых: Никита Демидов, к примеру, был сподвижник Петра I по организации горной промышленности и обладатель невьянского и нижнетагильского заводов. Сын его, Акинфий Демидов, хотя и не сбавил выпуск чугуна, железа и меди на своих железоделательных и медеплавильных заводах, но прибавить к тому ничего не смог.

Умирая, Акинфий завещал все свои заводы младшему сыну Никите, а среднего и непутевого Прокопия обошел завещанием. Но тот хоть и был ухарь-купец, а соображение имел с фантазией. И придумал Прокопий ехать в Петербург с челобитной, да не к царю, а к царице. Ну, раз такое дело вышло, нужно не с пустыми руками к ее величеству заявиться. Съездил этот Прокопий в Екатеринбург, призвал к себе трех почтенных горщиков и двух городских ювелиров из евреев. (К тому времени Екатеринбург в знатный город вырос). Небось, сами знаете, как в те годы города росли. Поставят, к примеру, на ровном месте железоделательный или медеплавильный завод, он деревушкой вокруг обрастет, а Екатеринбург — еще и крепостью. При крепости, значит, острог строился в обязательном порядке, потому как людей для тюрем в России всегда хватало с избытком.

Ишь, притухать стал наш костер, вы приглядите за ведерком, чтобы рыбки оттуда не повыскакивали, а я за хворостом схожу, — сказал старик и, на секунду мелькнув в пламени догоравшего костра, исчез в темноте...

Действительно, Екатеринбург вырос в город за какие-нибудь несколько лет. Этому способствовало то, что он являлся узлом, связывающим горные заводы Урала. Екатеринбург был построен в 1723 году В. И. Генниным, но самое место для нового города в верховьях реки Исети выбрано предшественником Геннина — В. Н. Татищевым, писавшим еще в 1721 году к Берг — коллегии:

"Здесьнее место стало посредине всех заводов, и места удобные, и как водою, так и трактами весьма путь купечеству способный". Город назван Екатеринбургом Петром I в честь его второй жены Екатерины

I. По своему экономическому значению Екатеринбург быстро становится вровень с такими городами, как Кунгур, Верхотурье, Ирбит, Нижний Тагил и Невьянск — "столица" Демидовых — и даже Оренбург. В. И. Геннин писал:

"В Екатеринбургском ведомстве и в прочих здешних местах на восток и на полдень равных мест (где хлеб родитца довольной, без росчистки леса и протчего и без навоза — рожь, овес, ячмень и пшеница) имеется много. И продаетца того хлеба пуд ржи по 4 и 5 копеек, овса по 3, пшеничной муки по 10, ячмень по 4 копейки. Также скота у крестьян имеетца довольно, и пуд мяса продаетца по 20 и 30 копеек".

В этом новом, только что обозначенном на карте Российской империи городе появилось много добротных домов не только купеческих, дворянских, посадских, поповских, пушкарских, подьяческих и стрелецких, но и мещанских. Были отличные дома и у некоторых горщиков, занимавшихся поисками самоцветов, а также у старателей, особенно у тех, кому "пофартило", кто случайно находил не только золотой песок, но и крупные самородки в кварцевых жилах.

Придавая большое значение Уралу, где изготовлялись пушки и иное оружие, Петр I отправил на новые заводы большое количество мастеров и рабочих из подмосковного района, а еще раньше туда были посланы замечательные организаторы железоделательных и медеплавильных заводов и новых городов — Н. Д. Демидов, В. Н. Татищев и В. И. Геннин. Несмотря на старания Петра, присланной рабочей силы для новых заводов явно не хватало. Особенно остро ощущалась нехватка квалифицированных мастеров и ремесленников. Но выход был найден, конечно, не без участия Демидова, Татищева и Геннина.

Из идущих по этапу в Сибирь на каторгу и вольное поселение уголовных преступников отбирались слесари, плотники, каретники, мастера иных профессий и направлялись в Оренбургский и другие уральские остроги, где были оборудованы специальные мастерские. Этот не новый в истории государств, но весьма удобный и рентабельный способ вербовки квалифицированной рабочей силы дал, несомненно, положительный результат. Многие из каторжников по отбытии срока оседали в уральских городах, обзаводились семьями и вливались в артели старателей или превращались в горщиков, без устали искавших золотые россыпи и драгоценные камни. Некоторые из этих изыскателей впоследствии стали крупными золотопромышленниками и обладателями уникальных самоцветов.

В те времена хищнически шла разработка и добыча золота и самоцветов. Богатство людей зависело от случая. Напоролся старатель на золотоносную жилу или нашел горщик друзу с крупными изумрудами и уже он не Васька, а Василий Терентьевич, и не он, а перед ним купчик шапку ломает. Некоторые из счастливцев, получив

большую сумму за струганец (как тут называют отдельные драгоценные и полудрагоценные кристаллы самоцветов, годные для поделок брошек, серег и колец), прокучивал на Ирбитской ярмарке или в самом Екатеринбурге все деньги до последней полушки. Впрочем, кутежами и дебошами отличались не только счастливчики, но и степенные промышленники; особенно же славились этим их взрослые сыновья.

Известный своими чудачествами демидовский отпрыск Прокопий, тот самый, что впоследствии приобрел в Париже "Санси", появившись с медным и чугунолитейным товаром на Ирбитской ярмарке, зашел в трактир. Жалуясь на сырость, он потребовал у полового кварту вина и три фунта зернистой икры. Когда приказание было выполнено, Демидов заставил полового мазать икрою свои сапоги, "дабы оные не пропускали влагу и приобрели особый лоск". С тех пор лучшая икра в Ирбите стала называться Прокопьевской...

Пришел старик с хворостом. Набросав на покрывшиеся пеплом угли сосновых шишек и хвои, стал подкладывать в разгоравшийся костер сухие ветки.

— На чем это я остановился?

— На подготовке сюрприза царице.

— Ах, да...

...Думали — гадали знатные ювелиры и почтенные горщики и решили изготовить из темно — лилового аметиста камею: семь сантиметров в длину и пять в ширину, а на камне том чтобы искусный гравер вырезал подлинный портрет самой царицы и чтобы под ним год был поставлен и от кого сия камей дарена. Для сего дела стали искать по всем копиям и горам Урала струганец редкостной величины.

Наконец близ деревни Шайтанки горщики нашли большой аметистовый кристалл. Обработали его по всем правилам. Камей получилась знатная, с большим сходством. Так что царица даже обняла Прокопия за сувенир и наказ дала, чтобы все демидовские заводы разделить меж братьями поровну. А на прощанье велела напомнить директору Екатеринбургской гранильной мельницы Коковину, что нынче в Санкт-Петербурге мода на дымчатый топаз устарела и золотистый теперь в предпочтении. Ну, Прокопий, конечно, отдал государыне низкий поклон и голубем сизокрылым полетел на Урал.

Выслушал Коковин наказ царицы и пояснение дает:

— Дымчатого кварца у нас вдосталь, а винно-желтого да соломенно-медового топаза и в Мурзинке и в Ильменских горах мало осталось: Париж, Лондон и Берлин скушали. Теперь хоть сам поезжай за ними в Саксонию или Австралию.

— Ну, как хочешь, — говорит ему Прокопий, — а чтобы золотистые тумпазы в Питере были.

На другой день Коковин отправил в столицу весь запас этих замечательных уральских камней, превосходящих по своей красоте не токмо саксонские и австралийские, но и прославленные бразильские топазы.

А через месяц получил на такие же камни новое требование. Ну что тут будешь делать?

Слух какой на Урале — как ветер в степи. Городишко Екатеринбург маленький, бабы сплетни вяжут, как платки пуховые. Словом, к вечеру и стар и млад знали, что директор гранильной фабрики господин Коковин ходит по горщикам как неприкаянный.

А рано утром к нему заявился дьякон Волоколамов.

— Скорблю, — говорит долгополый, — о горе твоём. Гложет душу твою грешную червь сомнения. А избавление от дум тревожных обрящешь через покаяние да молитвы господние.

— Не в ту сторону, отче, удочку забрасываешь. Говори толком: зачем пришел?

— Что ж, коли по-деловому — можем и по-деловому. Зная про ваши затруднения в отношении тумпазов винно-медовых, предлагаю чудо. Вы мне сдаёте дымчатые, а на другой день получаете золотистые. Есть у нас в алтаре икона такая чудотворная, из Суздаля привезенная, великомученицы Варвары. Она все может, не то что камню какому цвет переменить, а из грешника праведника сделать. Но только уговор: по полтиннику за каждый тумпаз. Кесарево — кесарю, а богово — богу.

Хотел было господин Коковин прогнать дьякона из дома, да постеснялся — сан-то духовный. Дал ему, чтобы отделаться от непрошеного гостя, пяток дымчатых топазов и вежливо проводил до калитки.

На следующий день, как только отзвонили после заутрени, подходит Волоколамов к открытому окну спальни директора и кладет на подоконник пять золотистых топазов.

Глянул Коковин на камни, в руку взял: холодные — неподдельные, значит. Что за притча? Уплатил, как сговорились, и сразу целую сотню дымчатых отвалил, да на всякий случай, чтоб не подменили, па трех камнях зарубки алмазом сделал.

Через два дня обратно полностью получает, и три с пометками. Все топазы один в один винно-желтые, чистые, прозрачные. И куда это дым — туман девался из камней — непонятно. Может, и в самом деле чудо какое? Сдал Коковин дьякону еще сотню, потом другую, третью и деньги по уговору платит. А в какую статью расходов их записать — не знает. Не на Варвару же великомученицу!

Волоколамов тем временем богатеть стал, сад фруктовый с флигелем у соседа откупил, дом забором тесовым обнес, фасад охрой покрасил, чтобы про цвет желтый навсегда помнить.

Много денег — Коковин дьякону выплатил. Обидно. Стал он доискиваться, каким манером Волоколамов цветопревращение делает. С аптекарем познакомился. Спрашивает:

— От чего дьякон и дьяконица лечатся и какие лекарства у вас покупают?

— Они, — говорит аптекарь, — люди здоровые, и он бугай бугаем, и она розовая да пышная, как яблоко наливное. Только Аграфена Дмитриевна растяпа. Вы не слыхали, как она серьгу потеряла?

— Какую серьгу?

— С дымчатым топазом. Пекла она, значит, пасхальные куличи. Глянула случайно в зеркало, видит — одна серьга есть, а другой нет. Только что была — и нет. Перевернула Аграфена весь дом, всюду перешарила. Словно в преисподнюю подвеска провалилась. Не так дорога серьга, как подарок свекра. А на другой день, в Христово воскресенье, сели к столу... И моя племянница Настька там была. Разрезали кулич, а из него серьга выпала, да только от угольного жара дымчатый топаз, в тесте запеченный, в золотистый обратился. Одна серьга с дымчатым, другая — с золотистым! Чудеса!..

Глянул аптекарь на своего собеседника, а на том лица нет.

— Что с вами? — спрашивает.

— Ничего, ничего, — отвечает Коковин. — Я вспомнил, что кладовую с самоцветами не запер. — И, не простившись с аптекарем, домой ушел...

А все же погиб Коковин через один небольшой зеленый камешек. Через него он и чести, и жизни своей решил...

...Самоцвет-камень светлый, его трогать можно только чистыми руками, — так у нас на Урале старики рассказывают.

Неподалеку от нас со звоном упала кедровая шишка и в туманной дымке костра промелькнула юркая фигурка белки. Иван Степанович подбросил в костер охапку хвороста и продолжал рассказ:

— Отзвенели в Петербурге подвески топазовые, а балы да танцы продолжаются. Только моды пошли иные — на костюмы да на опахала складные для наведения на себя прохлады. А чтобы руки у барышень не потели, ишь что модницы удумали — шары хрустальные!

Стали горщики по всему Уралу "погреба" с хрусталем отыскивать да струганцы, что покрупнее, честь по чести, сдавать директору гранильной фабрики Коковину. А тот после обточки, с фельдъегерями да курьерами разными, за тем присланными, шары эти хрустальные на тройках с бубенчиками отсылал в Санкт-Петербург. Он шары — ему благодарность; он шары — ему вознаграждения. Вот так и жил в почете да в холе господин Коковин.

Поднялся хрусталь в цене свыше всякой меры! Сказывали, что на ассамблее еще при Петре I не то англичанин, не то немец какой за подаренный ему шар хрустальный снял свой перстень с бриллиантом в три карата и князю Трубецкому поднес с почтением.

Горный хрусталь не только для бус и подвесок хорош, но и для поделок разных великолепен. У нас уральский Левша для курьезу самовар из хрусталя выделал. А Наполеон подарил музыканту Друэ замечательную по отделке великолепного тона флейту из горного хрусталя...

Он самый прозрачный и самый холодный камень, какой ни на есть в мире. Древние народы думали, что хрусталь — это окаменевший лед. Оттого в пещерах, где он находится, места эти самые погребками прозываются. Он чист, как совесть девичья, и есть символ верности. В одном таком погребке, сказывали, будто захоронение древнее нашли князя неизвестного нам народа и жены, должно быть, его. Так в склепе том не то что погребенные, а вся одежда и утварь в целости сохранились. У нее в косе заместо бус зубы зверей неведомых, а у него кольцо с изумрудом в костяной оправе. Видно, и тогда, в незапамятные времена, изумруды тут находили. Известно, что шлифовальщик из Венеции по имени Франциск Асцентин в 1600 году выгранил Борису Годунову для перстня большой десятикаратный изумруд, найденный на Урале каким-то иноком Мефодием. Известно также и то, что за оную работу Годунов вознаградил венецианца сотней червонцев и шубой собольей, о чем историк Карамзин, как мне сказывали, в записках своих подтверждает.

Должно, это был самый первый изумруд, что нашли на Урале. Через много лет Дмитрий Тумашев, охотясь у реки Нейвы, обнаружил в зобах убитых им гусей два изумруда отличного качества, о чем было доложено верхнетурскому воеводе. Сколько потом ни старался охотник отыскать места, где изумруды могли гуси заглотать, так ему это не удалось. И никто после того случая камня сего драгоценного ни в горах, ни в копиях не находил. Будто заколдовал кто. Стали бывалые люди подумывать: может, годуновский изумруд не уральского происхождения, а из Египта или какой другой страны завезен? А те, что у гусей нашли, — в Колумбии или Южной Африке птица глупая перед перелетом заглотала? Только все это одна напраслина была. В 1831 году на Среднем Урале, у маленькой речки Токовой, белоярский крестьянин Максим Кожевников с двумя своими товарищами, выкорчевывая из земли пни для изготовления смолы, случайно обнаружил под корнями одного из них несколько кристаллов и обломков зеленого прозрачного камня...

Из котелка брызнула на огонь пена. Остро запахло лавровым листом и перцем.

— Ну, я опосля доскажу, — объявил старик. — Доставайте чашки, ложки, и наперсток, может, какой есть для хмельного. На реке уха — это настоящая, я вам доложу!

Выпили мы с Иваном Степановичем, закусили. Он чуть охмелел и прикорнул у сосны...

Позднее я ознакомился с двумя любопытными документами: докладной запиской командира Екатеринбургской гранильной фабрики Коковина и постановлением Совета Народных Комиссаров, изданном в самые тяжелые времена — голода, гражданской войны и разрухи. В первом из них Коковин писал в 1831 году своему начальству: "...я был извещен от надсмотрщика моего о случае найденния оных камней, с наименованием зеленоватых аквамаринов... Однако сие ископаемое не есть аквамарин: тяжесть и крепость несравненно превышает оный, отлом чище и стекловатее. Сие сравнение допустило меня мыслить, что доставленный мне кусочек есть изумруд".

Второй документ гласил: "Ввиду исключительного научного значения Ильменских гор на Южном Урале, у Миасса, и в целях охраны их природных богатств Совет Народных Комиссаров постановляет: объявить отдельные участки Ильменских гор на Южном Урале, у Миасса, Государственным минералогическим заповедником, то есть национальным достоянием, предназначенным исключительно для выполнения научных задач страны.

Председатель Совета Народных Комиссаров В. Ульянов (Ленин) 14 мая 1920 г."

...Наш костер начал угасать. С речки подул слабый ветерок. Звезды чуть потускнели и стали прятаться за облако. Меня клонило ко сну. Я ушел в палатку и уснул дремучим сном. Когда я проснулся, было уже утро. По-видимому, где-то стороной прошел дождь. Все небо опоясывала широкая радуга. Мне показалось, что такой яркой я еще не видел никогда. У погасшего костра вместо Ивана Степановича сидела его свояченица Антонина. Она приплыла к нам за рыбой в утлой лодчонке, похожей на корыто. Баба Тоня, как ее все здесь звали, любила рассказывать сказки, предания и небылицы.

— Сам пошел проверить жерлицы, должно, скоро воротится, — сказала старуха.

— Да, да, — ответил я невпопад, не в силах оторвать взгляд от неба, — поглядите, как она играет всеми самоцветами!

— И ничего тут удивительного нету, — заметила Антонина. — Радуга тоже с камнями уральскими накрепко связана. Может, вам не ведома байка, отчего радуга на небе появляется?

Сто лет назад, а может и больше, разразился на Урале небывалый ливень. Лил он сорок дней и сорок ночей и затопил все низины. Люди, конечно, в горы подались, а звери, птицы и животные разные на плоты да на баржи вскарабкались и поплыли неведомо куда. Плыли они, плыли, пока солнце из-за туч не вышло и вода не стала спадать. Тут плоты и баржи пришвартовались к высокой — превысокой горе Ямантау. Вода во время потопа была в избытке, и все твари находились на полном водном самоснабжении, а тут, у горы, воды то и не оказалось. Спала она. "Га-га-га" — закричали гуси и полетели в

низины отыскивать ручьи и озера. За ними отправились телята, лошади и олени, а самым последним важно зашагал верблюд. Двугорбому пить не хотелось, так как известно, что верблюд глотнет из кадушки пяток ведер за раз и целую неделю на воду даже не глядит. Словом, все ушли на водопой, лишь один архар повернул в горы. Ну, баран, сами знаете, есть баран. Только этот был с какими-то причудами: захотелось ему подняться к снежной вершине и ледяную сосульку пососать. А что из этого получилось, сейчас узнаете. Добрался архар до середины горы, а там — пропасть. "Что ж, — говорит баран сам себе, — это нам не впервой. Прыгну со скалы на скалу. А чтобы ноги не ушибить о камни, кувыркну над пропастью и на рога встанут. Как решил, так и поступил. Перескочил архар через пропасть, да как трахнется рогами о скалу кремневую, так из нее во все стороны искры посыпались. И загорелся на горе лес дремучий. День горит, другой горит, а на третий так накалилась гора, что треснула пополам. А в горах наших, как известно, самоцветы разные: изумруды, турмалины, аметисты.

Вот они и отразились в небе, как в зеркале, семью цветами радужными.

А после пожара поостыли обе половины горы и снова сомкнулись, потому что в одной из них был железный колчедан, а в другой — руда магнитного железняка.

И теперь, ежели молния в непогоду ударит в трещину, то скалы разверзаются и самоцветы в дуге радужной отражаются во всей своей красоте и блеске. Так что радуга с камнями уральскими накрепко связана...

Вскоре вернулся Иван Степанович с двумя небольшими щуками и красавцем окунем. Сложив палатку, мы все трое спустились к реке и переплыли на тот берег. В тот же день я покинул милых стариков и уехал на Токовую, где меня ждали мои коллеги по работе и где некогда был найден первый изумруд.

О дальнейшей судьбе Коковина я узнал лишь через несколько лет.

Над светлым горизонтом екатеринбургской гранильной мельницы нависла зловещая туча. Деньги, выплаченные Волоколамову за "печеные" топазы, не могли быть занесены ни в какие расходные книги. Коковин отлично это понимал и в бессонные ночи мучительно искал выхода. Наконец, он был найден: несколько крупных темно — зеленых изумрудов отличного качества были заменены такими же по весу дешевыми бериллами бледно — зеленого цвета, приобретенными тайком Коковиным у одного из местных ювелиров, и отправлены в Санкт-Петербург с очередной партией аквамарин. Но эта "коммерческая" комбинация была лишь половиной дела. Необходимо было сбыть замененные темные изумруды, а продажа их в Оренбурге, Невьянске или в Ирбите была сопряжена с риском.

Опытный в махинациях ювелир предложил директору гранильной фабрики свои услуги по ликвидации изумрудов в Москве. Это было наиболее рационально, и Коковин согласился.

Ювелир продал в Москве камни за солидную сумму двум местным фабрикантам и какой-то новоиспеченной баронессе. Получив свою долю, Коковин покрыл недостачу и приобрел казачье седло с серебряными стремянами. Но лиха беда — начало. В 1834 году на Сретенском прииске был найден уникальный изумруд весом в 2226 граммов. Такого невероятного размера кристалла одного из самых драгоценных камней никогда не встречали ни в Колумбии, ни в Индии, ни в Австралии. Стоимость его была огромна. Получив изумруд, Коковин долго не мог оторвать от него изумленного взгляда. В течение многих беспокойных и бессонных ночей директор гранильной мельницы думал: сообщить ли с нарочным в Петербург графу Перовскому о находке или умолчать и присвоить себе камень. Он проработал на фабрике двадцать четыре года. За все это время ему выдавали, помимо небольшого жалованья, денежные вознаграждения, как прислуге: на рождество и на пасху. В остальное время года приходилось протягивать ножки по одежке. В случае, если донести в столицу о невероятном событии, его грудь может быть украшена орденом или медалью, если же оставить уникальный изумруд у себя и припрятать, то за проданный камень можно получить такие деньги, какие не снились даже фабрикантам и заводчикам.

Уникальный изумруд в России могли купить такие денежные тузы и магнаты, как Демидовы, Морозовы, Манташевы, да и то только в том случае, если полностью ликвидируют свои железоделательные и медеплавильные заводы, мануфактурные фабрики и нефтяные промыслы. Слава о знаменитом камне распространится не только по Уралу, но и по всей России. Она перехлестнет европейский континент, и американские миллионеры пересекут океан в надежде приобрести зеленый гигант. О таком изумруде, как и об уникальных алмазах "Питте-регенте", "Коинуре" и "Звезде юга", будут сложены легенды и предания.

Но все это не радовало, а пугало Коковина, спрятавшего под половицу в своем кабинете непревзойденный кристалл.

"Если верить старинным поверьям, — думал первый обладатель драгоценности, — то изумруд является камнем мудрости и хладнокровия. Кто его носит, тот не сделает неверного шага и не прольет кровь безвинного. Он придает воину храбрость, а победителю — милосердие. Если посмотреть на изумруд с утра, то весь день вам будет сопутствовать удача". Так почему же он, Коковин, всегда такой уравновешенный и хладнокровный, потерял покой?!

Директор гранильной фабрики знал не только камни, но и все поверья о них. На стене у него висела пожелтевшая от времени

табличка с перечислением магических свойств драгоценных и полудрагоценных камней.

Дельфийский оракул — прорицатель, как бы основываясь на знаках Зодиака (пояс неба, состоящий из двенадцати созвездий, по которому совершается годовое обращение Солнца), посвящал "досточтимых и достопочтеннейших" читателей в мистические действия камней — талисманов.

Сообразуясь с месяцем вашего рождения, предсказатель сообщал название того драгоценного камня, который должен приносить вам счастье, здоровье, удачу, красоту и т. д.

Таблица была снабжена комментариями, не лишенными юмора.

Человек, желающий быть счастливым, должен помнить, в каком месяце нужно носить тот или иной драгоценный камень. Конечно, можно иметь кольцо с двенадцатью различными камнями, но "это в приличном обществе считается дурным тоном". Лучше надевать два кольца по шесть камней или четыре по три. Не рекомендуется, как взаимно противодействующие тайным чарам и магическим свойствам, носить украшения с двумя, четырьмя, восемью и тринадцатью камнями.

Один, три, пять, семь и девять считается счастливым сочетанием.

Если вашим камнем — талисманом является бирюза, то она "принесет вам успех при продаже бракованных лошадей". Есть еще одно свойство у этого камня:

И блекнет бирюза влюбленных,
Когда угасает любовь.

[Из стихов персидского поэта Саади]

Если у вас камень "кошачий глаз", то "носить его полезно для увеличения благоразумия".

Опал — символ чарующего обаяния непостоянной женщины.

Алмаз заставляет трепетать зверей.

Агат охраняет вас от укусов змей и скорпионов. Если все же вас ужалил ядовитая змея, то, по совету оракула, "вам надо растолочь агат в порошок и, смешав его с укропной водой, прикладывать примочку к больному месту. Но если вас укусит очковая змея, то тут эликсир бесполезен, и вам нужно срочно продать его по сходной цене".

Сама таблица охватывала лишь часть наиболее известных драгоценных и полудрагоценных камней, но, по-видимому, этого было достаточно для модниц древних и новых времен.

Месяц — Знак Зодиака — Драгоценные камни

Январь = Козерог = Гранат, альмандин, гиацинт

Февраль = Водолей = Аметист, александрит, турмалин

Март = Созвездие Рыб = Алмаз (бриллиант), яшма, коралл

Апрель = Овен = Сапфир, лазурит, а также янтарь

Май = Телец = Изумруд, камеи и интальо

Июнь = Близнецы = Агат, малахит, халцедон

Июль = Рак = Бирюза (американская), горный хрусталь, оникс

Август = Лев = Сердолик, лунный камень, "кошачий глаз"

Сентябрь = Дева = Хризолит, а также жемчуг

Октябрь = Весы = Аквамарин, опал

Ноябрь = Скорпион = Топаз, кварц

Декабрь = Стрелец = Рубин, хризопраз и бирюза (персидская)

Но вернемся к Коковину и его уникальному изумруд. Встретившись со своим ювелиром, Коковин предложил ему на определенных процентных условиях ликвидировать камень за границей. Оба партнера считали Париж наиболее подходящей столицей для такой коммерческой сделки. Но этот город был опасен тем, что там ежегодно месяцами проживало слишком много русских князей и помещиков. При ликвидации изумруда могла произойти какая-либо нелепая случайность, а ее следовало избежать во что бы то ни стало. Поэтому партнеры остановились на Берлине. Эта столица устраивала их вполне: в ней мало бывало петербуржцев. Коковин предоставил ювелиру на расходы по поездке горсть разных самоцветов, но самого изумруда не доверил. Основной целью и задачей ювелира была предварительная рекогносцировка и подыскание в германской столице денежного магната, могущего выложить наличными баснословно крупную сумму.

Попав в Берлин, ювелир остановился из предосторожности не в гостинице, а поселился в доме молодой вдовы, сдававшей меблированные комнаты в своем небольшом особняке. Неожиданно для себя ювелир влюбился в нее. Решив покорить красавицу, он стал засыпать Гретхен подарками, среди которых было платиновое колечко с золотым блюдечком, а на нем лежала виноградная лоза с мелкими изумрудами. Это невинное колечко оказалось роковым для екатеринбургского директора гранильной фабрики господина Коковина.

Гретхен благосклонно относилась не только к новому поклоннику, но и к русскому отставному генералу Лапшину. Заметив на пухлом пальчике своей возлюбленной новое колечко, ревнивый генерал потребовал, чтобы сувенир был возвращен его прежнему владельцу. Дама отказалась подчиниться приказу. Тогда генерал принял иную тактику: нанял частного сыщика для выяснения личности своего

соперника, а сам занялся доскональным изучением злополучного колечка. Изумрудики, по его соображению, могли быть из Египта, Колумбии, Южной Африки, а также с Урала; золото одинаково во всех странах мира, а платина — вероятнее всего из Сибири. В России в те времена уже имели хождение трех-, шести- и двенадцатирублевые платиновые монеты. Несомненно, колечко было отлито из такой монеты. Значит, его соперник — русский! Убедившись в справедливости своих суждений, генерал вдруг вспомнил старую смешную историю о кытлымской платине и расхохотался.

Жил на Кытлыме крупный помещик Иван Трофимович Воробьев в своем родовом имении, а по соседству проживал мелкопоместный дворянин француз Дебуа. Оба они были заядлые охотники, только охотились порознь, так как Воробьев недолго любил Дебуа за то, что он браконьерствовал в его старом сосновом лесу.

Трижды Иван Трофимович предупреждал Дебуа, а на четвертый, застав француза на охоте в своем лесу, посадил ему чуть пониже поясицы тридцать четыре бекасиных дробинки.

Врач, оперировавший Дебуа, обратил внимание на то, что вынутые из раны дробинки весили значительно больше обычной свинцовой дроби. Посоветовавшись с французом, на другой день он заехал к Воробьеву и между прочим поинтересовался, где Иван Трофимович покупает бекасиную дробь.

Ничего не подозревавший помещик, жалуясь на дороговизну фабричной дроби, сообщил доктору, что однажды в овражке на Козьем лугу у старой мельницы он нашел какую-то тугоплавкую руду и вот теперь изготавливает себе из нее всевозможную дробь.

Спустя некоторое время Козий луг с прилегающей к нему старой мельницей был куплен через подставных лиц образовавшимся англо-французским обществом по добыче и эксплуатации кытлымской платины.

Несмотря на то, что капиталовложения французов и англичан были одинаковы, французы требовали, чтобы общество называлось не англо-французским, а франко-английским, так как первые "залежи" платины были найдены в ягодице француза.

Но вернемся к сыщику и его поискам. Через несколько дней детектив дал подробные сведения о новом претенденте на любвиобильное сердце Гретхен.

Господин Фасс, доносил сыщик, выходец из Польши, по профессии ювелир. Проживает в Екатеринбурге. Здесь занят продажей уральских самоцветов. Вчера виделся с приезжавшим в Гамбург господином Ротшильдом и предлагал ему уникальный изумруд в 2226 граммов. Миллионер заинтересовался предложением, но отказался вести какие-либо переговоры впредь до осмотра самого камня, которого при себе у господина Фасса не оказалось. Где и когда назначены "смотрины" — неизвестно.

Получив такие неопровержимые и явно компрометирующие господина Фасса данные, генерал тотчас же написал в Петербург донос. Там незамедлительно была создана следственная комиссия и направлена в Екатеринбург. Ничего не подозревавший Коковин пытался отрицать какие-либо сношения с ювелиром, задержавшимся в связи со своим романом в Берлине. Когда же следователь задал директору гранильной фабрики вопрос, не знакома ли ему цифра 2226, Коковин растерялся и признался в хищении уникального изумруда. Установив виновность, следственная комиссия вынесла решение о привлечении к уголовной ответственности директора Екатеринбургской гранильной мельницы. Коковин был арестован и посажен в острог. Его сообщник Фасе в связи с недостаточностью улик в дело замешан не был, а вещественное доказательство — уникальный изумруд — был увезен в Санкт-Петербург к графу Перовскому. Перед сановным чиновником возникла почти та же дилемма, что и перед первым обладателем камня: подать докладную записку в правительствующий Сенат и сдать, изумруд в казну или предать забвению происшедшее и присвоить редкую драгоценность. Эта внутренняя борьба продолжалась недолго. Из Екатеринбурга поступило известие: "Арестованный Коковин покончил в остроге жизнь самоубийством". Это и решило судьбу камня. Граф Перовский прекратил дело и присвоил уникальный изумруд. Сколько времени камень находился у вельможи — неизвестно. Затем изумруд перекочевал на Украину и попал в замечательную коллекцию камней князя Кочубея. Как и когда это произошло, установить не удалось. Во время революции 1905 года новый обладатель знаменитого кристалла зарыл его в своем парке. Но при разгроме имения Кочубея камень был вырыт и увезен в Вену одним из родственников князя. После подавления революции царское правительство, узнав о местопребывании камня, выкупило изумруд.

В настоящее время он находится в московском Минералогическом музее Академии наук.

Новелла шестая

ЛЕГЕНДЫ ОБ УКРАИНСКОМ ИЗУМРУДЕ И ПОДЕЛОЧНЫХ КАМНЯХ

В настоящее время, помимо драгоценных и полудрагоценных камней, огромное значение приобрели поделочные камни. На Урале, на Украине и в других республиках Советского Союза находятся богатейшие запасы этих камней.

Внешне большинство из них, казалось бы, не представляет собою ничего интересного, но если их распилить, — а это при наличии у нас алмазных пил делается чрезвычайно легко, — и отшлифовать искусственной алмазной пылью или мастикой, то на пластинах яшмы, кварцита, мориона, оникса можно увидеть поразительные картины, созданные гениальным художником-Природой. Даже при скромной

фантазии на разрезанных пластах камней можно увидеть табуны вздыбленных коней, морской прибой с волнами, бьющимися о скалы, лесную чащобу с поваленными и устоявшими после бурелома деревьями, орлиные крылья, рассекающие темную рериховскую тучу, сквозь которую проскальзывают лучи заходящего солнца. Величайший художник создал из расплавленной лавы удивительные пейзажи, Здесь вы встретите и мягкие левитановские тона, и широкие коровинские мазки. Здесь, в одном рисунке, могут сочетаться Куинджи и Левитан, Серов и Шишкин.

Если бросить ретроспективный взгляд на наших пещерный предков, на их трудную и цепкую борьбу за жизнь, то станет ясно, что самым близким другом первобытного человека был камень. Он помогал ему обрабатывать землю, добывать пищу, убивать диких зверей, выдалбливать челны и высекать огонь.

Первыми орудиями синантропа [Древнейший ископаемый человек] были грубо отделанные заостренные камни из обсидиана [Камень вулканического происхождения]. Значительно позднее появились рубила, наконечники копий и стрел из кремня и других твердых горных пород, а также изделия из слоновых бивней, клыков и дерева. Еще позже в обиход человека вошел металл: медь, бронза, железо. С переходом от одной эпохи к другой менялись не только потребности людей, но и общественный строй. У некоторых племен стали появляться наскальные рисунки, всевозможные украшения. Постепенно у многих народов зародилась своя культура, свой стиль, свой эпос и легенды. По многочисленным раскопкам древних стоянок, по найденным вазам, мечам и различным предметам обихода людей каменного, бронзового и других веков, археологи определяют, где и кем, какими племенами и народами была заселена наша земля в те далекие времена.

Древнегреческий историк Геродот, живший за 500 лет до нашей эры, повествует о том, что в его время на территории нынешней Украины обитало одно из скифских племен. Занимались скифы земледелием, скотоводством, охотой, рыболовством. Об этом повествуют археологические раскопки. Найденные на территории Украины предметы свидетельствуют о высокой культуре и мастерстве живших там скифов. На Украине первый скифский курган был раскопан неподалеку от Кировограда (Елисаветграда) в 1763 году генералом А. П. Мельгуновым. В кургане были найдены различные предметы тонкой художественной работы, а среди них — железный меч в золотых ножнах с изображением быков с человеческими лицами и львов, стреляющих из луков. Находка Мельгунова взбудоражила не только археологов, но и лиц, искавших легкой наживы. Многие курганы подвергались варварским разграблениям. Известно, например, что некий техник Шульц, получив разрешение на вскрытие курганов и находя в них уникальные золотые вазы,

гребешки и другие предметы высокохудожественной ювелирной работы, переплавлял их в слитки и продавал, а керамику и бронзу сдавал в Археологическое общество, полагая, что незолотые вещи стоят дешевле...

В доисторические времена железо стоило дороже меди, серебра, бронзы и золота. Дело в том, что железную руду не находили, как например, медный колчедан или золотой песок, на поверхности земли, а специально добывали. Да и плавилась железная руда при значительно большей температуре, чем остальные металлы. Правда, древние люди пользовались и метеоритным железом, которое называли небесным камнем. Шло оно на изготовление кинжалов, мечей, наконечников для стрел. Это были небольшие, удобные дляковки куски металла, и ценились они не только за свою твердость, но и за их чудодейственные свойства: по поверью, как упавшие с неба, они должны были приносить нашим предкам победу в сражениях и удачу в охоте. Находили метеоритное железо в мизерном количестве...

У народов Африки есть миф о том, как железо спасло человечество от гибели. Легенду эту можно услышать в Нигере, Дагомее и на Берегу Слоновой Кости.

В те далекие времена, когда люди Бенина начали изготавливать из железа наконечники для стрел, щиты, мечи и топоры, возмущенное божество, охранявшее этот металл, решило отомстить людям, осмелившимся похитить у него сокровище.

В праздничные дни на высокий холм Окедо, где собиралась молодежь, спускалась темная лохматая туча. Она обволакивала холм и поглощала юношей и девушек, а затем подымалась высоко в небо, бросала в море похищенных ею людей. Многие храбрецы из племен Иоруба и Бенина пытались убить чудовище. Они стреляли в тучу стрелами с наконечниками, отравленными змеиным ядом, но острые стрелы проходили сквозь нее, словно верблюды сквозь городские ворота, и исчезали бесследно. Некоторые отважные юноши пытались заарканить чудовище, но лассо соскальзывало с лохматой тучи, как ножной браслет с ныряющей в море женщины.

Долгое время никто не мог осилить чудовище. Но вот однажды в праздничный день на холм Окедо вышел для единоборства с ним храбрый игун еронмвон — королевский кузнец — по имени Эвиан. Он разжег на вершине холма костер, положил в него железный молот, а сам спрятался под шкурой убитого им носорога.

В полдень над Окедо появилась зловещая туча. Заметив спрятавшегося кузнеца, чудовище раскрыло свою темную пасть. Эвиан выскочил из засады, схватил раскаленный добела молот и швырнул его в пасть чудовища. Лохматая туча со стоном взмыла к небу, разбрызгивая по холму огненные молнии, и уже больше никогда не возвращалась на африканскую землю.

Так человек отнял у божества свое право на железо, из которого были выкованы лемех хлебопашца, молот кузнеца и щит воина. Началась новая эра в развитии человечества, но ни железо, ни медь, ни бронза не смог ли вытеснить камень из обихода наших предков.

Камень давал людям огонь, камнем точили мечи и плуги, из камня строили дворцы, храмы, саркофаги. Он и в наши дни является замечательным, непревзойденным строительно-декоративным материалом.

На Украине в течение последних десятилетий были открыты ценнейшие кладовые и погреба со строительными, декоративными, полудрагоценными и драгоценными камнями. На Волыни, в Закарпатье, в Крыму и на Житомирщине оказались не только граниты и лабрадориты всевозможных цветов, но также яшма и мрамор, дымчатый кварц, золотистый и голубой топаз, опал, янтарь и драгоценные аквамарин и изумруд. При сооружении памятника В. И. Ленину в Киеве были использованы головинские лабрадориты и жежелевские граниты. Памятник Т. Г. Шевченко в Харькове сооружен из турчинских и головинских лабрадоритов. Станции Киевского метрополитена "Арсенальная", "Вокзальная" и "Университетская" облицованы закарпатским мрамором. По своему качеству закарпатский мрамор вполне пригоден не только на архитектурные декоративно поделочные работы, но и на барельефы и скульптурные изваяния. Некоторые поделочные камни Украины по своим качествам и красоте не уступают прославленным камням Урала, Финляндии, Лабрадора.

Всем известно, что прежде, чем приступить к созданию Мавзолея Ленина, строителям были предложены геологами сотни замечательных поделочно-декоративных камней, которыми столь богата наша необъятная Родина. Среди них были: узорчатая орская яшма, переливчатый уральский орлец, пятнистый халцедон и бледно — зеленый нефрит из Восточной Сибири. Были тут и замечательные граниты Ильменских гор, а также прекрасный темно — серый и розовый с прожилками грузинский мрамор. Среди всех образцов выделялся своей скромностью и величием украинский почти черный с синими искорками лабрадорит и строгий красный гранит Житомирщины. На этих двух камнях и остановились архитекторы. Стены Мавзолея были облицованы массивными плитами темно красного гранита из Лезниковского карьера, а на траурный пояс пошел полированный черный лабрадорит из села Турчинки Черняховского района Житомирской области. Итак, Мавзолей Ильича целиком создан из украинских поделочно-декоративных камней: благородный украинский гранит будет вечно охранять покой Владимира Ильича Ленина. Украина богата не только декоративно — облицовочными, но и драгоценными камнями. Ее изумруды, золотистые и голубые топазы, дымчатые кварцы и полуопалы по

своим качествам не уступают уральским самоцветам. О бесценном волынском изумруде, о талантливом юноше по имени Олесь рассказывается в одной из народных легенд...

Жил этот юноша в Карпатах. Еще мальчиком увлекся он резьбой по дереву. Сперва помогал своему деду куски корней, стволов и веток бука вырезать, а через год — другой начал сам ковши и жбаны с головами лебедей да оленей длиннорогих мастерить. Нравилось юноше, как под ножом дерево оживает, как птицы и звери с блюд и чаш на него, будто настоящие, глядят. А однажды вырезал Олесь орла с распростертыми крыльями и все перья и когти так мастерски выделал, что сам дед похвалил юношу и назвал его мастером. Иногда отец Олесья отвозил резные вещички на базар вместе с возом сена или хвороста, только платили крестьяне за деревянную утварь гроши, как бы хорошо она ни была сделана. Поэтому резьбой по дереву на Украине в основном занимались старики и подростки: искусство резчиков считалось больше забавой, нежели искусством. Вот почему, повзрослев, юноши оставляли работу скульпторов художников и превращались в хлебопашцев, косарей, сплавщиков леса и кузнецов. Лишь в преклонном возрасте они снова возвращались к своим заржавленным резцам и полуистлевшим чуркам.

Своим мастерством Олесь прославился по всей Верховине. Но минуло ему восемнадцать лет, и стал он подумывать, к какому труду свои руки приложить. Был у него глаз зоркий, рука точная, верная. Мог Олесь в егеря к помещику пойти, только жаль ему птицу беззащитную убивать, косолапого медведя собаками травить ради потехи барской.

Была у Олесья невеста — дочь мельника Оксана. Часто сиживал Олесь с Оксаной у мельничной плотины, слушал рокот старых жерновов, плеск реки. Им бы пожениться, да заупрямился отец Оксаны — богатого жениха для дочери приглядывал.

— Кабы имел ты, хлопец, пускай не такую мельницу, с каменной плотиной, как у меня, а хоть деревянную, тогда иное дело, — сказал он Олесью. — А пока твое звание — голь перекатная. Не сегодня — завтра в плотогоны пойдешь или на сезонные работы. Не пара тебе дочка моя! Понял?

— Как не понять. Все ясно.

Крепко задумался юноша, сложил пожитки в котомку, попрощался тайком с любимой и пошел из родного села в чужой город, силу свою продавать за гроши медные. Завербовался Олесь в городе каменотесом на шоссейные дороги, что прокладывались тогда в стране. Стал он высекать гранитные куски и подравнивать булыжники, чтобы камни один к одному поплотнее прилаживались. Трудная работа досталась парню. По целым дням ползает на карачках по камням острым: сверху солнце печет, а из — под молотка искры из гранита сыплются. Одно утешение, что платил подрядчик рабочим

аккуратно: по семь гривен в сутки. Стал Олесь откладывать каждый день по двугривенному на крылья мельничные, на закрома да на сита бронзовые, а по воскресеньям жернова мастерить. Трудно без сноровки два каменных круга вплотную подогнать, но мечта о любимой Оксане помогала.

Как-то сидел он на мостовой в праздничный день, работал над вторым жерновом. Вдруг при ударе молотка из гранита выпал камень зеленый, величиной с полмизинца. "Что за диво?" — думает Олесь. Поднял камешек, видит — прозрачный, словно леденец, играет на солнце, зелеными огоньками переливается.

Зашел под вечер к старику — односельчанину Панасу. Был он некогда колыщиком на одной из каменоломен Житомирщины, а теперь вот уже десятый год как стрелочником на ближайшем разъезде служит. Показал Олесь ему свою находку и спрашивает:

— Что за притча такая, что камень в камне замуровался?

Посмотрел Панас на камешек, потрогал его, на язык взял и говорит:

— Счастье тебе, Олесь, привалило большое. Камень этот зеленым изумрудом называется, и стоит он, может, целую тысячу целковых. Много на Украине таких дорогих камней в гранитных глыбах: и под Каневом на Днепре, и неподалеку от Житомира, и на Волыни, только сыскать их мудрено. Это не то, что на Урале. Там камешки эти в болотной тайге да под корягами спрятались, а на Украине в гранитную броню сховались. Не достать их без динамита. Дорого такая добыча казне обойдется. Оттого правительство и разрешило подрядчикам за явные и тайные подношения бить тот гранит на Волыни и вместе с вкрапленными в него изумрудами вывозить на прокладку дорог, что нынче тут строят. В прошлом году, рассказывают, один каменотес вот так же, как ты, первосортный изумруд нашел и продал его помещику за большие деньги. Поезжай-ка товарняком в город, там и на твою находку купец сыщется.

Сел Олесь на платформу проходившего мимо порожняка и поехал в город за своим счастьем. Походил по улицам, отыскал золотых дел мастера и предложил ему свою находку. Ювелир сквозь стеклышко внимательно осмотрел камешек и говорит:

— Не подходящий для меня товар. Изумруд твой с брачком: по краям у него с двух сторон трещинки. Если его отшлифовать как положено, то получится серединка целая, а края наподобие гребешка частого. Не будь этого изъяна, я бы большие деньги тебе уплатил, а так ни к чему мне твой самоцвет. И никто, парень, у тебя его не купит.

Огорчился Олесь, спрашивает:

— А не найдется ли где мастер — шлифовальщик такой, чтобы изъяны мог скрыть?

— Нет такого гранильщика, — отвечает ювелир, — может, в Антверпене или в Париже виртуоз такой имеется, а у нас еще не родился.

Уехал Олесь опечаленный. Хотел по дороге изумруд за шпалы в бурьян выкинуть, да пожалел и задумался: а что, если самоцвету придать форму крыла орлиного? Может, и купит кто для брошки? Крепко запала ему эта мысль в голову. Сидит на мостовой под солнцем палящим, бьет молотком гранит камень, а сам все думает, какую форму самоцвету придать, чтобы она естество предмета отобразила. День думал, другой, а через неделю взял расчет и в Житомир уехал. Там отыскал маленькую мастерскую, где украинские голубые и золотистые топазы, хрусталь да янтарь шлифовали, и в подмастерья нанялся. Поработал Олесь в этой мастерской месяца три — четыре, изучил огранное дело. А вечерами, когда в мастерской никого не было, шлифовал свой изумруд. И хотя огранка камней была значительно сложнее резьбы по дереву, но и в этом деле он оказался мастером: обрабатывая изумруд, Олесь превратил порок самоцвета в его достоинство. Все трещинки, расположенные по краям камня, он надпилил еще глубже, а верх самоцвета срезал на конус. Получился удивительно тонкой работы лист папоротника. Сбрав все свои сбережения, отдал Олесь ограненный изумруд, знаменитому в то время житомирскому ювелиру и граверу Натану Маршаку, а тот на брошь осып алмазную бросил, наподобие росы утренней, что лежит и сверкает в лучах солнца на листе папоротника. Прослышал о новой работе Маршака помещик — миллионщик уманский, граф Потоцкий и купил для своей Софии эту брошку за три тысячи серебром.

Вернулся Олесь в родное село богачом, женился на Оксане и мельницу, да не деревянную, а каменную, на реке поставил. Течет под колесом мельничным вода студеная, журчит день и ночь и рассказывает сплавщикам леса из сел ближних и дальних легенду про самоцвет зеленый, что нашел Олесь в волынском граните.

...Удивительным свойством обладает поделочный камень нефрит. Попробуем, к примеру, сравнить его с алмазом.

Алмаз — камень твердый, но хрупкий. Если ударить его молотком, алмаз может расколоться на мелкие кусочки. Если с той же силой ударить нефрит, то он не разобьется и не даст трещины. При очень сильном ударе молотка по нефриту на камне может образоваться лишь вмятина. Это свойство вязкости при сравнительно небольшой твердости нефрита объясняется особенностью его кристаллической структуры. Он состоит из тончайших волокон, переплетенных между собой. Поэтому нефрит при ударах более стоек, чем другие камни. Это удивительное свойство нефрита было оценено первобытным человеком, и в арсенале его орудий, вслед за кремневыми рубилами, появились нефритовые ножи, молотки, наконечники для пик и стрел,

а также топоры, не тупившиеся десятилетиями и переходившие по наследству подобно семейным драгоценностям.

Нефрит — камень непрозрачный. Лишь тонкие его пластинки просвечиваются. Большинство нефритовых глыб и галек имеет желтовато-зеленый цвет увядшей травы, но встречаются камни и темно-зеленые, серые, молочно-белые, а иногда и черно-зеленые.

С давних времен, но в ограниченном количестве, нефрит находили у берегов Карибского моря, в Новой Зеландии, в Новой Гвинее, а также в Индии, Туркестане и некоторых других странах. Лучшими мастерами по обработке и изготовлению статуэток, абажуров, ваз и других художественных изделий из нефрита были китайские резчики. Их не могли превзойти ни папуасские скульпторы, ни художники маори. Находки из древних захоронений служат бесспорным доказательством того, что за много веков до нашей эры люди пользовались нефритом в своем примитивном хозяйстве.

Очень красивые глыбы с ярко-зелеными прожилками и коричневыми пятнами добывались в Бирме.

Когда в спальне китайского богдыхана или индийского раджи вешали абажур из тонких пластинок такого нефрита и зажигали светильник, то на стенах и на потолке появлялись фантастические тени удивительных птиц, сказочных цветов и застывших в разбеге вздыбленных изумрудных волн. Бирманскому нефриту не уступает по красоте и наш нефрит — из недр Саянских гор. Этот камень был впервые найден у нас на Урале.

Первоначально добыча нефрита производилась, как в Азии, так и в Европе, примитивно — варварским способом: у большого нефритового валуна или глыбы разжигали костры, и когда камень накалялся, его обливали холодной водой. Затем растрескавшиеся куски выбивали ломами и кирками и отправляли в шлифовальные мастерские или на гранильные фабрики. От сильного нагрева нефрит становился рыхлым и часто терял свойственную ему яркость. Точно таким же способом добывался и замечательный небесно-синий лазурит Памира.

В Китае нефрит в течение тысячелетий служил предметом религиозного культа. Из него изготовлялись фигурки Будды, священные ковши и чаши. Благодаря чистоте его тонов, мягкости отлива, кажущейся глубине и спокойствию цвета, а также мелодичному звону тонких пластинок, изготовленных из этого камня, нефриту приписывались такие символические свойства, как познание бытия, добродетель, глубина разума, справедливость правосудия, стойкость воли. Мелодичные звуки нефритовых пластинок при прикосновении к ним деревянных палочек считали музыкой богов. Увлечение нефритом в Китае дошло до того, что из него стали делать деньги и знаки отличия для высших чинов богдыхана. За оскорбление словом виновный должен был внести в казну либо денежный штраф, либо кусок нефрита величиной с фарфоровую чашечку, или же

чашечку, выточенную из этого камня; за нанесение побоев — нефритовую табакерку, а за увечье — чайный сервиз или крупную хризантему из самого дорогого нефрита.

В России нефрит был найден весной 1825 года, когда одна из геологических экспедиций была направлена на изыскательские работы из Петербурга к подножию Саянских гор. В небольшой изыскательской партии находился студент последнего курса геологического факультета Борис Афанасьев. Был этот юноша по натуре мечтателем и художником. Уходя в глубь тайги на поиски руд и поделочных камней, он не брал с собой, как его коллеги, ни ружья, ни компаса, а довольствовался одним лишь молотком. Юноше нравилось забираться в лесную чащобу, бродить по бархатистому мшистому ковру, где между тяжелыми хвойными ветками, стволами берез и осин иногда проскальзывали, словно летящий серпантин, золотистые солнечные лучи. Блуждая по бескрайним просторам, Афанасьев подолгу останавливался, зачарованный, у тихого лесного озера, с улыбкой слушал щебетанье птиц, внимательно следил за удивительными прыжками рыжей белки.

Много разных зверьков и птиц встречалось Борису в тайге. Правда, бобры и горностаи редко попадались ему на глаза, а вот птиц он видел в тайге великое множество, и самых удивительных пород. Были тут синички — лазоревки, пеночки-зарнички, черные дятлы и снегири, клесты-кедровки, дрозды темнозобые и каменные, тетерева, глухари, совы. И у каждой птицы были свои песни, свои гнезда, свои повадки. Увлечшись однажды странными дневными перелетами мохноногого сыча, Борис забрел в незнакомую заболоченную местность и лишь к сумеркам выбрался из нее к каким-то валунам и скалам. Утомленный этим необычным путешествием, юноша разжег костер и тут же, у камней, уснул крепким сном. Проснувшись утром от гомона дроздов и ощутив голод, он заглянул в свою сумку, но не обнаружил в ней ничего съедобного.

Ни прошлогодних грибов, ни сухих ягод, ни кедровых орешков поблизости не было. Неожиданно из расщелины скалы вылетел дрозд. Борис понял, что у птицы там, в каменном дупле, гнездо. Возможно, в нем лежат яички, которыми можно подкрепиться. Подойдя к скале, Афанасьев попытался засунуть в расщелину руку, но дупло было слишком узким. Геолог вынул из-за пояса молоток и принялся стучать им по краю щели. Камень не поддавался. Тогда юноша изо всех сил ударил молотком. К его удивлению, на камне образовалась вмятина, а железная головка молотка — он не поверил своим глазам — треснула. Скала и близлежащие валуны оказались нефритом. Так был найден у Саянских гор этот замечательный камень.

Итак, в Сибири нефрит был обнаружен в 1825 году. В 1851 году были найдены большие глыбы нефрита на берегу сибирской реки Онот. Но все эти находки — позднего периода. Известно же, что

десятки веков тому назад сойоты Саян украшали свою одежду нефритовыми бляшками, что найденным в Восточной Сибири редким орудиям из нефрита много тысяч лет. Кстати, по сей день окончательно еще не установлено, из какого — русского или китайского — нефрита сооружена в Самарканде гробница Тамерлана.

Найденные в России глыбы и гальки нефрита свозились на Петергофскую гранильную фабрику, где и обрабатывались. Замечательные по своей красоте вазы, чаши, чернильные приборы и множество других предметов художественной работы создали русские умельцы. Некоторые из этих уникальных произведений хранятся в ленинградском Эрмитаже, в Лувре и других музеях.

По своей красоте нефриту не уступает прославленный малахит. Этот жизнерадостный яркий камень шелковисто — зеленых тонов с характерными темными и светлыми прожилками по праву считается русским самоцветом. Таких огромных залежей малахита, как на Урале, нет ли в одной стране мира. Об этом замечательном камне, о прославленных уральских мастерах сложено много легенд.

Малахитовые глыбы — монолиты весом в сотни тонн были найдены в первые десятилетия XIX века неподалеку от Нижнего Тагила в Меднорудянском руднике. Им украшен Малахитовый зал Зимнего дворца. Древние греки, филистимляне и другие народы также применяли этот красивый камень для декоративно поделочных работ. В Эфесе малахитом были облицованы колонны греческого храма богини Дианы. Позднее эти огромные колонны неведомо каким способом были перевезены в Константинополь для украшения храма Ая-София.

Новелла седьмая ЛЕГЕНДА И БЫЛЬ О РУБИНЕ

Рубин — кроваво-красный прозрачный корунд. Родным его братом является сапфир. С давних времен лучшие рубины добывались в Индии, на Цейлоне, а также в Бирме и Таиланде (Сиам). Русское название этого драгоценного камня — яхонт. У некоторых народов Востока он называется "лал". Возможно, что от "лала" произошло наше слово "алый". В Персии, Турции и в других восточных странах лалом называют также альмандин, гранат и другие красные и розовые камни. По своей твердости, а также ценности рубин стоит на втором месте после алмаза.

По поверьям народов Востока, "рубин придает его обладателю силу льва, бесстрашие орла и мудрость змеи. Он способствует чарам любви и страсти. Рубин не следует показывать детям и буйволам: ребенок может испугаться его яркого цвета, а буйвол — разъяриться". О рубине сложено немало преданий и легенд.

В бирманской легенде о происхождении рубина рассказывается об орле Лале, жившем за рекой Иравади, высоко в горах, в одной из кремниевых пещер. Лал был из очень красив и силен, и не только

птицы, но серны, джейраны и даже саблерогие антилопы избегали встреч с ним. А ночной разбойник — страшный когтистый филин — с утра до ночи отсиживался в дупле старого текового дерева, пока орел летал над горами. Шли годы, менялись русла рек, рушились в пропасти подточенные горными ручьями скалы, и на груди у орла появились предвестники старости — белые перья. Теперь он пролетал над горами, лесом и кунжутными полями уже не двадцать кругов, а всего лишь десять. С каждым годом Лал сокращал радиус своих полетов. А однажды, желая взлететь высоко в лазурное небо, расправил свои широкие крылья, но не смог оторваться от земли. И понял тогда Лал, что близится к концу его орлиный век. Теперь он уже не мог догнать серну или косулю и довольствовался тем, что залетал в лес и опустошал птичьи гнезда.

Как — то, возвращаясь в свою пещеру, Лал увидел на соседней скале филина. Тот даже не пошевелился, когда орел пролетел над ним. Гордый орел удивленно взглянул на обнаглевшую птицу, но промолчал. Филин же подлетел ближе к Лалу и обратился к нему:

— Послушай, дружище, давай поговорим как равный с равным. Ты уже стар. Тебе трудно добывать пропитание. Я согласен делиться с тобой пойманными мышами и землеройками, только не трогай моих птенцов.

Орел вспомнил вечно копошащихся в пыли грызунов, которых ему предлагали взамен горных джейранов и косуль, скачущих по скалам и прячущихся в изумрудной зелени, и содрогнулся. Лалу стало противно и стыдно. Ничего не ответил орел. А когда филин улетел, Лал, сидя на краю пропасти, долго смотрел, как алмазные звезды падают в бездну, и думал одну лишь думу: верно ли то, что сказал однажды ему ворон — лучше быть ползающим по земле муравьем, чем мертвым тигром?

"Нет, — решил Лал, — ворон не прав. Нужно вовремя родиться и вовремя умереть. Вот в чем основа основ бытия!"

Собрав последние силы, орел поднялся высоко — высоко в небо и там сложил свои крылья. И все птицы и звери видели, как озаренный первыми лучами восходящего солнца Лал упал на острую скалу и обагрил кровью берег реки Иравади. Брызги орлиной крови превратились в яркие прозрачные камни. Так появились лучшие в мире кроваво-красные благородные бирманские рубины.

Но вернемся к фактам более достоверным. Алые корунды — любимые камни царей и вельмож. Известно, что в 1777 году шведский король Густав III преподнес Екатерине II весьма крупный рубин отличного качества. Петр I подарил замечательный корунд курфюрсту Бранденбургскому. Сибирский губернатор князь Гагарин презентовал великолепный рубин князю Меншикову. Были отличные рубины у Ивана Грозного, который ценил их больше всех других драгоценных камней, так же, как и персидский шах Бахадур, владевший 175

каратным огненно — красным рубином. Исторически известны корунды Марии Медичи и королевы Виктории.

Последний находится ныне в британской короне. Но самым замечательным кроваво-красным рубином обладал один из Великих Моголов падишах Акбар. Этот самоцвет был найден в 1569 году, неподалеку от города Агры у подножия высокой каменной горы, и весил 240 ратисов, или 210 каратов. Попад к падишаху, рубин не был оправлен в золото, а служил талисманом Акбару, не расстававшемуся с ним ни днем, ни ночью. В честь замечательной находки и своих побед владыка Индии решил построить на вершине этой горы город, равного которому не было в мире. Собрав лучших зодчих Индии, он приказал им приступить к работе. Узнав от главного архитектора, что на по — стройку многоярусных зданий с фресками, колоннадами, мечетями, городскими триумфальными воротами и другими постройками понадобится сорок лет, властелин нахмурился:

— Город построить не позднее, чем через четыре года.

Главный архитектор пытался возразить, но Акбар не захотел его слушать:

— Если город не будет построен к указанному сроку, пусть каждый зодчий заранее сложит себе по своему вкусу гробницу.

На постройку нового города были направлены десятки тысяч рабов, солдат и пленных. Отсутствие на горе воды не смутило индийского владыку. Началась постройка действительно красивейшего в мире города, названного Акбаром Фатехпур-сикри, что в переводе с хинди означает "город побед". Народ же прозвал его Мертвым городом. Он строился из красного камня и белого мрамора под наблюдением самого властителя Индии Великого Могола падишаха Акбара. Город, говорил он, надо превратить в неприступную крепость, его четырехэтажные здания, мечети и панчмахалы [Пятиэтажные здания] должны быть видны за много километров.

Эти требования были воплощены зодчими. Все здания отличались легкостью, поразительным изяществом, величию и простотой. За время постройки Фатехпура Акбар успел покорить Мальву и Раджпутану, Парват и Гуджарат. Большинство побед он относил за счет магических свойств своего талисмана.

Увидев новый город, царь царей остался доволен: его мечта воплотилась в явь. Три дня пировал падишах.

За это время воду для омовения и питья носили на гору из колодца, расположенного у ее подножия.

Но фонтаны, в которые наливали воду, высыхали с поразительной быстротой. Каменные здания под палящими лучами солнца накалялись, как жаровни. Попытка посадить деревья ни к чему не привела. Они мгновенно сохли, как цветы в безводной пустыне. Только теперь Акбар осознал свою ошибку в выборе места для города Фатехпура.

— Пусть здесь живут люди! — приказал Акбар. — Воду им будут носить из колодца рабы и пленные.

Самолюбивый властелин больше всего опасался, что слух о Мертвом городе пойдет по стране и перекатится в другие страны, туда, где за Аравийским морем и Османским заливом была сказочная страна с прославленными городами Ширазом, Исфаханом, Керманом и Тегераном, с холодными ключами и прозрачной ледяной водой. Слава о Персии и богатствах ее шаха раздражала властолюбивого Акбара.

Каково же было его возмущение, когда он узнал, что один из персидских путешественников от имени шаха предлагал весьма выгодные условия индийским зодчим для постройки ими такой же, как в его новом городе, мечети на одной из площадей Тегерана. Нет, этому не бывать!

Акбар приказал отрубить головы всем зодчим и строителям Фатехпура. Всю ночь на главной площади Мертвого города продолжалась казнь, а на утро, когда первый луч солнца упал на каменные плиты, они были кроваво-красными, как рубин Великого Могола Акбара, покорителя бескрайних просторов Индии — от Гималаев до Индийского океана.

К сожалению, это уже не легенда, а история.

После смерти Акбара жители безводного Мертвого города покинули его. Придворные и приближенные Великого Могола похоронили Акбара с почестями неподалеку от Агры в местечке Сикандр, в четырехэтажной гробнице. И над саркофагом вмонтировали в мраморную стену знаменитый алмаз "Коинур", что в переводе с хинди означает "гора света".

С появлением в Индии англичан один из шотландских солдат штыком выбил из стены камень. После некоторого блуждания по рукам "Коинур" был отправлен в Англию.

Там "гору света" раскололи на две равные части и одну половину вправили в английскую корону, вторую передали в Британский музей. Что касается знаменитого рубина Великого Могола, то после похода в Индию в 1737 году шаха Надира камень этот вместе с другими драгоценностями попал в руки персидского шаха и был увезен в Тегеран. Его поместили в одной из бронзовых кладовых, рядом с 175 — каратным рубином Бахадур-шаха.

Прошло несколько веков. Уже не восточные владыки, а западно-европейские буржуа накапливали в своих сейфах драгоценности. Спрос на рубины по-прежнему превышал предложения. Человеческая мысль искала новые пути, и вот весной 1881 года в парижское центральное Бюро изобретений и открытий вошел скромно одетый человек среднего возраста. Назвав себя химиком — изобретателем Вернейлем, он попросил нотариуса принять и зарегистрировать пакет с пятью сургучными печатями, на которых рельефно выделялся

сфинкс, точно такой же, как на сердоликовом интальо в перстне неизвестного. На конверте, помимо фамилии автора — изобретателя, было написано:

"Вскрыть через десять лет". Получив квитанцию, клиент вышел из конторы и, не обращая внимания на свободные ландо, пешком направился в сторону одной из окраин Парижа.

Что находилось внутри конверта и какую цель преследовал загадочной надписью странный посетитель, не могли решить ни нотариус, ни клерки, ни маклеры Бюро. Все их предположения были далеки от истины.

Пока в центральном Бюро изобретений и открытий шел обмен мнениями по поводу предполагаемого содержания пакета, в маленьком провинциальном городке Сарсель, расположенном неподалеку от Парижа, в мансарде на одной из тихих улиц шла сложная и кропотливая работа. Трое друзей химика — изобретателя Вернейля устанавливали в наспех сконструированной лаборатории "Александр" цилиндрическую печь, могущую расплавить окись алюминия для последующего изготовления из нее искусственных рубинов, не отличающихся от настоящих ни твердостью, ни удельным весом. Тут же испытывался станок для огранки камней. Но первые опыты, как это часто бывает, не дали желаемых результатов. Расплавленная огненно-красная масса, накапливающаяся в форме леденца на тонком стерженьке, при неравномерном остывании лопалась и разлеталась на мелкие кусочки. Чтобы добиться медленного, равномерного остывания добытой массы корунда, понадобилось несколько месяцев упорной работы. Наконец дефект был устранен, и появились первые искусственные рубины, неотличимые от настоящих. Они имели такой же удельный вес и ту же твердость (по шкале Мооса — 9). Плавленные рубины здесь же ошлифовывали ступенчатой, или бриллиантовой, огранкой, обычно применявшейся при обработке цветных драгоценных камней. Но у помощников изобретателя возникли новые проблемы: какие лучше изготавливать камни для сбыта — мелкие или десятикаратники? Сколько корундов в месяц выпускать на продажу, чтобы не поколебать рыночной цены на рубины? В каких странах сбывать их? Было обращено должное внимание на то, что крупные корунды редко встречаются в природе без каких бы то ни было изъянов и что чистые цейлонские или индийские десятикаратники можно увидеть только в коронах королей, раджей, султанов и шахов. В общем, действовать надо было весьма осторожно и продуманно, чтобы и впредь сбывать поддельные камни как настоящие. Для этого, помимо всего прочего, требовалось время. Вот почему на конверте была надпись: "Вскрыть через десять лет". Надпись эта гарантировала изобретателю приоритет. Если бы кто-либо теперь сделал аналогичное открытие, то

право первооткрывателя осталось бы за Вернейлем, сдавшим конверт за пятью печатями.

Наконец все детали по сбыту фальсифицированных камней были тщательно продуманы и помощники изобретателя разъехались по странам Востока. В Стамбуле, Тегеране, Багдаде и Дамаске торговцы крупнейших фирм, старые ювелиры начали обхаживать "знатных купцов". Их приглашали в гости, в духаны, кормили изысканными блюдами и поили старыми дедовскими винами. Каждый из покупателей драгоценных камней старался понравиться "купцу", чтобы выторговать у него одну-две тысячи туманов, лир или динаров. Иногда это удавалось, и тогда хозяин провожал гостя с музыкой и всевозможными почестями.

Продав поддельные рубины как настоящие, "купцы" вернулись в Париж с солидной суммой денег. К следующей поездке была изготовлена партия крупных камней со специально созданными дефектами. Это была сложная ювелирная работа: частично просверливался "корунд" и в образовавшуюся дырочку вкрапливался кусочек антрацита или кристаллик какой-либо иной рудной породы. Затем отверстие заливалось той же изготовленной в цилиндрической печи кроваво-красной массой и тщательно зашлифовывалось. Этот способ продажи "дефектных камней" оказался самым надежным: он не вызывал никаких сомнений у опытных покупателей самоцветов.

Через несколько лет не только восточные рынки, но и европейские, были наводнены плавленными рубинами, ничем не отличающимися от индийских, бирманских и цейлонских корундов. В этой афере Вернейль участия не принимал. Он лишь саркастически улыбался и снисходительно относился к забавным авантюрам своих помощников.

В конце концов цена рубинов на европейских и азиатских биржах дрогнула и покатила вниз. Теперь второе почетное место среди драгоценных камней занял изумруд. Этот прекрасный зеленый самоцвет всегда высоко котиrowался в Англии и Скандинавских странах. На рубин же благодаря его дешевизне обратила внимание техническая промышленность, и в первую очередь часовые фирмы того времени: "Брегет", "Денис Блондель" и "Луи Одемар". Вскоре в продаже появились первые часы с механизмами на рубиновых камнях, усовершенствованные аптекарские весы и другие точные приборы.

Новелла восьмая ЛЕГЕНДА О ЯНТАРЕ

Янтарь — это окаменевшая смола хвойных и некоторых лиственных деревьев. На земле он зародился за несколько десятков миллионов лет до нашей эры. В те далекие времена у Фенно-Скандинавских гор был жаркий климат с густыми субтропическими и хвойными лесами. Бури, ураганы и штормы, налетавшие с Балтийского моря, ломали ветви, валили и вырывали с корнями

столетние деревья. В тихие дни под лучами палящего солнца в этом буреломе из деревьев выделялась смола. На месте погибших лесов вырастали новые. Так продолжалось на протяжении нескольких миллионов лет. Смола накапливалась, затвердевала и, смытая морскими прибоями в море, постепенно превращалась в янтарь.

В своем трактате "О слоях земных" М. В. Ломоносов пишет: "Кто таковых ясных доказательств не принимает, тот пусть послушает, что говорят включенные в янтарь насекомые:

— И так садились мы на истекавшую из дерев жидкую смолу, которая нас, привязав к себе липкостью, пленила и, беспрестанно изливаясь, покрыла и заключила отовсюду. Потом от землетрясений опустившееся лесное наше место вылившимся морем покрылось".

Балтийские месторождения — крупнейшие в мире. Кроме того, янтарь залегал у берегов некоторых северных рек и морей: встречается он на Печоре, на Южном Сахалине, на Урале и по берегам Днепра, а также в Дании, Польше, Англии, Франции, Германии. В природе янтарь бывает в мелких зернах и в крупных кусках, иногда достигающих нескольких килограммов. Он чрезвычайно легок, хрупок, легко поддается шлифовке и полировке. Некоторые народы приписывают этому камню лечебные свойства. Но верить в исцеление с помощью самоцветов так же нелепо, как и в приносящие счастье талисманы. После сражения при Ватерлоо на многих убитых прусских офицерах находили амулеты из полудрагоценных камней, а сам Наполеон, проигравший сражение, имел на груди талисман — бриллиант в тридцать четыре карата, который все же не избавил его от поражения.

О янтаре также сложено немало легенд. Эти золотистые камни называют то "солнечными бликами, застывшими на дне холодных морей", то "горячими слезами по погибшим героями. Одна из легенд очень близка по своему содержанию к известному древнегреческому мифу об Икаре.

В легенде об янтаре рассказывается о восковом ангелочке, который улетел с рождественской елки в открытую форточку и всю ночь парил над прибалтийскими странами. Увидев, как рыцари Тевтонского ордена глумятся над покоренными ими племенами, ангел заплакал. От его слез, от слез обездоленных вдов и сирот Балтийское море стало соленым. А когда наступило утро, ангел растаял в солнечных лучах. Восковые капли, упав в море, превратились в янтарь.

Янтарь-слово русское, но своему звучанию оно близко к литовскому названию этого солнечного камня — гинтарас. Встречается янтарь золотисто-желтого, апельсинового и светло-коричневого цвета. Янтарь бывает прозрачный, матовый и просвечивающийся. Последний ценится дороже первых. А самым же дорогим считается янтарь с включенными в него насекомыми.

Интересную историю, связанную с янтарем, рассказывают в Сенегамбии — стране, расположенной в Восточной Африке, между бассейнами рек Гамби и Рио-Качео, неподалеку от Казамансы.

В середине XIX века среди людей земли Хабу, мандингов и фулами, появился бледнолицый человек с волосами цвета сухого бамбука. Этот европеец, не знавший ни местных наречий, ни испанского, ни французского, ни английского языков, продавал туземцам маленьких слоников, буйволов и пятнистых пантер, выточенных из полупрозрачного желтого камня. Узнав о пришельце, вождь мандингов Фута-Джалон пригласил негоцианта в свое полуевропейское жилище, покрытое вместо черепицы позолоченными панцирями морских черепах. Накормив его изысканными блюдами Сенегамбии и угостив хмельным напитком, приготовленным из соков перистых пальм, Фута-Джалон произвел с негоциантом обмен. Вождь мандингов дал бледнолицему купцу четыре слоновых бивня, а в обмен получил гладко отшлифованный кабошон янтаря с включенной в него мухой. По уходе негоцианта Фута-Джалон показал приобретенный им камень жене и шестнадцатилетнему сыну по имени Бартутим. Последнему настолько понравился камень, что он осмелился попросить его у отца в обмен на золотой чеканный пояс. Фута-Джалон отказался от обмена. Положив янтарь на подоконник, где обычно находились сладости и разгуливали термиты [Белые муравьи], он лег на свою тростниковую циновку и уснул. А когда проснулся, то не обнаружил на подоконнике янтаря. Вождь удивился: ведь в Сенегамбии не существовало ни замков, ни самих дверей, здесь не знали воровства. Даже сенегальские цыгане-лахобе из Казамансы никогда не брали чужих вещей. Если путешественник терял что-либо, даже золотую монету, то нашедший ее туземец обязательно должен был возвратить находку чужеземцу. Так было в Сенегамбии испокон веков. К тому же во двор вождя мандингов никто не посмел бы войти без позволения хозяина или членов его семьи. Подозрение вождя пало на сына. Фута-Джалон призвал Бартутима и приказал ему положить на место золотистый камешек с включенной в него мухой. Юноша обиделся, взял свое ружье и навсегда покинул отчий дом. Год спустя, накануне месяца ливней, Фута-Джалон, выкапывая во дворе у своего окна арахис, разворотил лопатой муравьиную кучу и обнаружил в ней пропажу. Ворами оказались белые муравьи, унесшие с подоконника в свое жилище янтарь с вкрапленной в него мухой. Вождь мандингов отыскал в джунглях своего сына и дважды поклонился ему, как кланяются люди земли Хабу, допустившие непоправимую ошибку или несправедливость...

Добываемый на берегах Балтийского моря янтарь замечательные мастера прибалтийских стран еще с давних времен шлифовали и использовали для изготовления мундштуков, ожерелий и брошей, а

также делали из него фигурки всевозможных забавных зверюшек. Спрос на изделия из янтаря был большой. Зачастую его отыскивали тут же на берегу, но иногда янтарь привозили рыбаки, зацепив куски золотого камня в свои старые сети. Между "янтарных дел мастерами" и "поморами", плававшими на своих утлых суденышках за многие километры от берега в поисках косяков салаки и сельди, издавна велись раздоры: дело в том, что одним нужен был шторм, другие мечтали о штиле. Море нехотя отдавало людям свое сокровище, и гранильщики с затаенной надеждой поглядывали на тяжелые бурые тучи, на пенистые гривастые волны. А когда начинался шторм и море бурлило, как уха в котле, мастера радовались и с улыбками глядели на своих подмастерьев и мальчишек, бегущих навстречу бушевавшим волнам. В такие дни можно было прочесть в местных газетах о том, что "под Палмникеном и Кенигсбергом свирепствовавший целые сутки шторм произвел вдоль берегов страшные опустошения, причем прибоем была выброшена на берег такая масса янтаря, какой местные жители не собирали целыми годами... Во время шторма погибло шесть палмникенских рыбаков. Среди кусков вынесенного на берег солнечного камня обнаружены обломки рыбацкой лодки. Янтарные глыбы, поднятые с морского дна на гребни разбушевавшихся волн, были немymi свидетелями гибели отважных рыбаков".

Но не только ювелирные изделия изготавливались из солнечного камня-в самом начале XVIII века была создана так называемая янтарная комната. Об этом замечательном художественном произведении написано много интересных статей и книг. При каких же обстоятельствах зародилась сама мысль о создании янтарной комнаты? По-видимому, во все времена и во всех странах были свои Левши, способные "превзойти" иноземных мастеров. Нашелся такой умелец и в Пруссии. Был он уроженцем портового города Гданьска, носил немецкое имя и французскую фамилию — Готфрид Туссо. В своей маленькой полутемной мастерской он с немецкой аккуратностью и тонким французским вкусом вырезал и наклеивал на плоские деревянные ящички квадратики из светлого и темного янтаря. Туссо вручную изготовлял удивительные, не похожие друг на друга в каждом новом комплекте фигуры пешек, слонов и королей,

В те годы Пруссией правил король Фридрих I, любитель всяких европейских новшеств, балов и приемов. Мало заботясь о своей стране и народе, он развлекал себя музыкой и различными играми. Один из приближенных Фридриха преподнес королю янтарные шахматы работы мастера Туссо. Фридриху очень понравились фигуры, в особенности же двухцветная отполированная доска. Он вызвал своего придворного архитектора Андреаса Шлютера и приказал заменить в танцевальном зале дворца Монбизу дубовый паркет янтарными пластинками.

— Ваше королевское величество, — робко возразил архитектор, — янтарь весьма непрочен. Не лучше ли изготовить из него специальные панно и украсить ими кабинет в том же дворце?

Король согласился с доводами Шлютера, и архитектор приступил к работе. Он отыскал непревзойденного мастера, изготовил специальные рисунки и предоставил Туссо светлое помещение для шлифовки и подбора оттенков янтарных пластин. Так была воплощена в жизнь идея создания янтарной комнаты.

Работа над десятками художественных панно, сотнями композиций с изображением из разноцветного янтаря сказочных сюжетов и таблиц с выпуклыми, как на камнях, виноградными гроздьями и тонкими полупрозрачными листьями и резными гравюрами, продолжалась около трех лет. Для полноты ансамбля и увеличения масштабов будущей янтарной комнаты из Венеции были привезены массивные овальные зеркала в тяжелых позолоченных рамах. Когда подготовительные работы были закончены, король изменил свое решение и приказал установить янтарные панно со всеми композициями, деталями и зеркалами не во дворце Монбизу, где под облицовку был подготовлен специальный фундамент, а в потсдамском замке королевы,

Так появилась янтарная комната. Это произошло в 1709 году. Король, королева и вся придворная знать безмерно восторгались янтарным кабинетом, созданным Туссо и Шлютером.

А через две недели произошла катастрофа: не выдержав тяжести толстых венецианских зеркал и тяжелых позолоченных рам, янтарные стены рухнули. Часть пластин и зеркал превратилась в осколки, а уцелевшие пан — но и таблицы были сложены в ящики и сданы в военный цейхгауз.

Как у лесковского Левши, так и у янтарных дел мастера Туссо оказалась печальная судьба: обвинив Готфрида в государственной измене, его заключили в крепостной каземат, а Шлютера выслали за пределы Пруссии. Спустя год, по настоянию королевы, янтарные "гобелены" были снова восстановлены в одном из ее кабинетов.

Через несколько лет Фридрих I умер. На прусский престол взошел его сын Фридрих — Вильгельм I. А в конце 1716 года в Берлин прибыл с дружеским визитом Петр I. Осматривая потсдамский дворец, создатель гранильных мельниц и кунсткамер не мог не заинтересоваться янтарной комнатой и со свойственной ему прямолинейностью высказал мысль о том, что он "был бы премного доволен иметь в туманном Санкт-Петербурге сей солнечный кабинет". Фридрих Вильгельм, не знавший как и чем отблагодарить русского царя и великого полководца, разгромившего шведов под Полтавой и в морском Гангутском сражении, полководца, изменившего не только для России, но и для Пруссии соотношения военных сил и коалиций Европейских держав, охотно презентовал Петру I янтарный кабинет.

На торжественном обеде Фридрих — Вильгельм и Петр обменялись речами. Русский царь похвалил введенную Фридрихом в прусской армии железную дисциплину, а король говорил о величии России, об исторической роли царя — полководца и о русских воинах — богатырях, причем называл их почему-то не богатырями, а великанами, что вызвало у Петра улыбку.

В тот же день Петр I со своей свитой, в санях с медвежьими полостями, на тройках с валдайскими бубенцами умчался в свою столицу. Это было в январе 1717 года.

Через несколько десятилетий в Петербурге никто уже не помнил, откуда появился в Зимнем дворце "солнечный кабинет".

Некоторое время существовала версия, будто бы "янтарная комната" была подарена прусским королем Фридрихом — Вильгельмом I племяннице Петра I императрице Анне Иоанновне. Если вспомнить, что при ней фактическим правителем России был немец Эрнст Бирон, поддерживающий дружеские отношения с прусским королем, то эта версия казалась убедительной. Но во второй половине XIX века в одном из Санкт-Петербургских архивов было обнаружено письмо Петра I, отправленное из Амстердама на имя П. М. Бестужева — Рюмина. "Когда прислан будет в Мемель из Берлина от графа Александра Головкина кабинет янтарный (который подарил нам Его Королевское Величество прусской) и оный в Мемеле приими и отправь немедленно через Курляндию на курляндских подводах до Риги с бережением с тем же посланным, который Вам сей указ объявит, и придайте ему до Риги в конвой одного ундер-офицера с несколькими драгунами, також дайте тому посланному в дорогу до Риги на пищу денег, дабы он был доволен, и ежели будет требовать под той кабинет саней, и оные ему дайте". Это послание было написано 17 января 1717 года.

Из тех же архивных ведомостей стало известно о том, что янтарная комната была подарена Петру I Фридрихом — Вильгельмом I во время их встречи в Берлине при заключении союза между Россией и Пруссией против Швеции.

Однажды, вспомнив речь Фридриха о русских богатырях — "великанах", царь всея Руси, позднее ставший императором всероссийским, за янтарные дощечки соизволил отправить королю прусскому в июле месяце 1718 года с камер юнкером Толстым презент, состоявший из... 55 солдат гренадерского роста людей, оторванных навсегда по сумасбродной прихоти властелина от родины, от семьи, от полей и лесов русских. Такой ценой были оплачены янтарные дощечки, подаренные Фридрихом Петру I.

После доставки в Петербург янтарная комната первоначально была оборудована в Зимнем дворце, а при перестройке дворца в Царском Селе замечательный зодчий В. В. Растрелли перенес ее туда. Но это не было простым перенесением плиток из одного дворца в

другой. Для такой тонкой, ювелирно декоративной мозаики нужны были годы кропотливой, вдумчивой работы, талант и вкус большого художника. Этими качествами и обладал Растрелли, создатель дворцов Строганова, Воронцова, Зимнего и Екатерининского с парком, павильонами и знаменитой янтарной комнатой. Вот как ее описывает знаток итальянских и русских фресок антиквар Фелькерзам:

"Все стены комнаты сплошь облицованы мозаикой из неровных кусочков полированного янтаря... Эта декорация производит одинаково приятное впечатление как при солнечном, так и при искусственном свете. Здесь нет ничего навязчивого, крикливого, все скромно и гармоничное.

Во время Великой Отечественной войны, 17 сентября 1941 года, гитлеровские войска заняли Царское Село и по приказу гауляйтера Эриха Коха янтарный кабинет был демонтирован. С чисто немецкой аккуратностью все плитки были пронумерованы и уложены в деревянные ящики. По его же распоряжению, а возможно и Германа Геринга, "собиравшего", как и Кох, во время войны коллекции картин, ковров и фарфора, янтарная комната была перевезена в город Кенигсберг и помещена в одном из залов королевского замка, где пробыла несколько лет.

Несмотря на стремительное занятие советскими войсками Кенигсберга, где было взято в плен около 50 000 фашистских солдат и офицеров, гитлеровцы все же успели вторично демонтировать янтарный кабинет, находившийся в королевском замке, и ночью вывезти его из города. Тайник, где им удалось спрятать наспех сложенные в ящики таблички янтарной комнаты, отыскать пока не удалось. Можно лишь предполагать, что при поспешном отступлении фашисты опустили этот драгоценный груз в Балтийское море, в то самое море, где янтарь был некогда найден...

Надо полагать, что наши юные следопыты или опытные аквалангисты в недалеком будущем отыщут этот янтарный клад и он снова засверкает в бывшем Царском Селе.

Новелла девятая ЛЕГЕНДА О ПАВЛИНЬЕМ ТРОНЕ

В 1629 году по повелению шаха Джахана был сооружен Павлиний трон. Он олицетворял собою величие, мощь и богатство Моголов. Во все концы Индии разослал шах глашатаев на верблюдах и лошадях.

Они призывали лучших, прославленных художников явиться во дворец к шаху для выполнения мозаичной работы, требующей величайшего мастерства и знаний "цветов заката и новолуния, переливов морской воды и сумерек неба".

Перед явившимися художниками Калькутты, Пенджаба и самого Дели шах Джахан высыпал груды драгоценных камней и предложил

соорудить трон с верхушкой, неотличимой от настоящего павлиньего хвоста.

Мастера приступили к сложной, тонкой ювелирной работе. Они подбирали по тонам, полутонам и оттенкам цейлонские и кашмирские сапфиры, бенгальские и египетские изумруды, оттеняя их отборным жемчугом и алмазами. Иногда у художников возникали споры: какими самоцветами украшать подлокотники, спинку и ножки трона. После жарких дебатов умельцы приходили к заключению, что ценность Павлиньего трона должна заключаться не в стоимости камней, а в их художественном подборе. С этим мнением после глубокого раздумья согласился и шах Джахан.

По окончании работы во дворце Великого Могола был устроен пир и праздничное шествие по столице. На белого слона водрузили для показа народу сверкающий Павлиний трон, на котором восседал сам шах Джахан. Впереди, с боков и позади слона шли трубачи, барабанщики и свирельщики, а за ними, на разномастных лошадях, в высоких седлах ехали празднично разряженные вассальные князья, раджи и султаны. При виде такого шествия народ падал ниц и поднимал руки к небу, как бы прося у богов Тримурти благоденствия императору и его воинству.

Несомненно, Павлиний трон был шедевром ювелирного искусства.

Так же, как и прославленные памятники индийского зодчества, дворцы и храмы, воздвигнутые в Индии за много веков до появления там династии Великих Моголов, он является славой Индии.

И все же этот осыпанный драгоценными камнями трон сыграл весьма отрицательную роль: являясь в зал к шаху, восседавшему на сверкающем кресле, вассальные князья и придворные теперь унизывали свои пальцы золотыми кольцами с рубинами, изумрудами и другими самоцветами.

Вслед за ними в шахском и прочих гаремах бесчисленные жены и наложницы выпрашивали у своих повелителей старинные диадемы, колье и парюры, осыпанные алмазами и всевозможными драгоценными камнями. Не обладая достаточным художественным вкусом, красавицы одалиски ломали уникальные вещи и выковыривали из них камни для своих будущих вычурных серег и колец с поспешностью попугаев, вылуцивающих зерна из тропических плодов.

Каждая щеголиха кичилась перед другой своими новыми сережками с аляповатыми подвесками и кольцами, усыпанными разнокалиберными камнями.

Между женами и наложницами в гаремах развивалась зависть, вражда и ненависть.

В женские споры и ссоры зачастую вмешивались их повелители.

Особенно пышным цветком расцвело сибаритство при Аурангзебе и Мухаммад-шахе.

Происходившие в гаремах склоки отвлекали шахов, султанов и раджей от их прямых военных и гражданских обязанностей.

В строевых частях резко пала дисциплина. Разболтанность в войсках и чрезмерная роскошь военачальников и придворной знати пагубно отразились на всей некогда могущественной индийской армии.

Весть о замечательном Павлиньем троне шаха Джахана докатилась до одной из соседних стран, где люди вылавливали скатный жемчуг, ткали узорчатые ковры, грабили караваны и вели междоусобные войны. Атаман одной из разбойничьих шаяк Тахмаси-Кули-хан объявил себя шахом Надиром — властителем Персии.

Подчиняя своей диктаторской власти все разрозненные, враждующие племена, новоявленный вождь создал сотысячную армию и ограбил Грузию, Бухару и Хивинское царство.

Узнав о несметных богатствах и Павлиньем троне, "великий завоеватель" решил бросить свои вымуштрованные пехотные полки и легкую конницу к границам сказочной страны.

Как большинство падишахов, султанов и магараджей, Надир-шах был суеверен. Он повелел своим астрологам узнать счастливый день и точный час похода на Индию.

Звездочеты не заставили шаха долго ждать ответа. Они объявили:

— Ты должен сесть на своего боевого коня в праздник большого байрама, когда на юге в созвездии Змееносца появится Марс, а на востоке в созвездии Рыб ярко заблестит Венера. В то, что тебе посоветует мулла, ты не верь: мы ближе к звездам, чем все его минареты, поставленные один на другой. Да благословит тебя аллах и созвездие Скорпиона!

Летом 1738 года Надир-шах вторгся в Индию и наголову разбил войска Великого Могола — Мухаммад-шаха.

Из Кабула он направил побежденному Моголу свой ультиматум: "Я пришел сюда, чтобы присоединить к Персии провинции Пенджаб и Кашмир и получить Павлиний трон".

Своему войску шах Надир предоставил на разграбление Шахджеханабад, где было уничтожено почти все население.

Пока мулазимы, юзбаши и пятисотники [Мулазимы, юзбаши, пятисотники — воинские чины в персидской армии] занимались грабежами, насилиями и убийствами, а шах Мухаммад сочинял ответ на ультиматум, "всевеликий" шах Надир со своими эмирами, газиями и минбаши предавался буйному разгулу с изобильными возлияниями запрещенного мусульманам вина. Никто из правоверных не пожелал вспомнить изречения пророка о том, что "если в колодезь упадет капля вина, то надо этот колодезь засыпать. А если над ним вырастет трава и баран съест эту траву, то употреблять его в пищу правоверному нельзя".

Шах Мухаммад медлил с ответом. Великому Моголу было менее обидно потерять Пенджаб с его богатейшими пастбищами, сахарным тростником и рисовыми полями, чем расстаться с Кашмиром, где с незапамятных времен добывались лучшие во всей Азии сапфиры — те самые сапфиры, которые так сверкали в Павлиньем троне. Магараджа взглянул на свой чеканный перстень с темным, будто покрытым инеем, синим камнем, и новая морщина легла над переносицей Могола.

Ну что ж, в конце концов, обе провинции когда-нибудь будут отвоеваны у персов. Всему свой черед, свое время. Недаром бенгальцы говорят: "Выбитый из седла всадник остается воином, если он не потерял в битве свой меч". Нет, рука Мухаммада еще твердо лежит на эфесе.

Так и быть, он согласен лишиться двух богатейших провинций, но отдать Павлиний трон, на котором сидели отцы и деды, решая государственные дела Индии, — нет, на такую жертву и позор шах Мухаммад пойти не может. Нужно оттянуть время и изготовить копию Павлиньего трона...

И пока гонцы везли шаху Надиру согласие на ультиматум, из джайпурского каземата, по повелению Великого Могола Мухаммад-шаха, в делийскую тайную тюрьму под покровом ночи были доставлены три человека: золотых дел мастер, чеканщик по серебру и непревзойденный гравер, некогда выпускавшие фальшивые рупии, почти неотличимые от настоящих золотых монет.

Заклученным предложили в обмен на свободу изготовить копию Павлиньего трона. С этой целью им было оказано полное доверие и предоставлены сотни алмазов, изумрудов, сапфиров и других драгоценных камней. Тут же, в одном из караульных помещений, находился настоящий Павлиний трон, допуск к которому разрешался только трем фальшивомонетчикам и падишаху.

Мастера приступили к работе. С большим искусством подбирали они по цветам и оттенкам драгоценные камни и крепили их в подготовленные чеканщиком гнезда. Наконец второй Павлиний трон был окончательно отделан и поставлен рядом с первым.

Приглашенный для принятия работы Мухаммад-шах долго осматривал оба трона, но так и не смог отличить настоящего от копии. Затем Великий Могол приказал стражникам под усиленной охраной вынести из тюрьмы вновь изготовленную копию, а подлинный трон опустить в подземелье каземата вместе с тремя узниками — впредь до ухода последнего персидского воина с индийской земли.

Принимая "подарок" от магараджи, Надир-шах возложил на голову Великого Могола корону и торжественно объявил:

"Мы дарим падишахскую власть в Индии с короной и перстнем могущественному и славному Мухаммад-шаху".

Летописец, описывая этот исторический момент, патетически восклицает. "Они стояли рядом, как Луна и Солнце, облокотившись на ослепительно сверкавший Павлиний трон, из-за которого были пролиты реки крови" и который, в сущности, оказался копией, о чем не знал ни шах Надир, ни летописец.

Чтобы несколько смягчить впечатление от своего опустошительного набега на Индию, шах Надир решил породниться с Великим Моголом Мухаммадом. С этой целью он предложил бездетному магарадже выдать его племянницу замуж за своего сына — Насраллах-мирзу.

Великий Могол дал свое согласие, и вскоре начался пир.

Золотые ковши, блюда и кубки с инкрустацией из драгоценных камней были предусмотрительно припрятаны Мухаммад-шахом.

Столы ломились от яств. На серебряных подносах возвышались груды дымящегося мяса и бархатисто-нежных плодов. Из двух мраморных фонтанов били струи вина и кокосового молока. Свадьба была торжественной и пышной, с музыкой, пением и древнеиндийским танцем бхаратнатьям. Безудержное веселье во дворце, когда кровь погибших еще не была смыта с каменных стен и мощеных улиц, походило на пир во время чумы.

Наконец наступил час, когда персидская армия, разодетая в пестрые индийские халаты, цокая копытами коней и скрипя колесами походных повозок, переполненных трофеями, двинулась в обратный путь. Дойдя до Инда, где строились понтонные мосты, войска остановились. Первым на противоположный берег перевезли Павлиний трон вместе с шахом Надиrom. Здесь визирь доложил шаху о том, что многие пятисотники, юзбаши и эмиры без счета награбили драгоценных камней и золота. Шах Надир погладил сверкающий трон и ничего не ответил. "Что можно орлу, то нельзя фазану, — проговорил визирь и добавил: — Когда мы вернемся в Иран, может случиться, что ветер гордости и высокомерия проникнет в некоторые бритые головы и люди начнут искать смуты. Да и шахская казна во время войны оскудела. Подумай над моими словами, великий государь".

Надир-шах не сразу решился на ограбление своих соотечественников. Он хорошо помнил, как в предместье Хорасана, при дележе имущества, отобранного у проходившего каравана, главарь их шайки (Тахмаси-Кули-хан был его преемником) присвоил себе один — всего лишь один-лишний тюк шелка; в ту же ночь его нашли мертвым.

Правда, Надир теперь не главарь шайки разбойников, а шах, и никто из эмиров и минбаши не посмеет ослушаться его приказа, но подумать следовало.

Великий полководец вызвал писца и продиктовал ему указ: "Предлагаю всем моим воинам сдать в казну все ценности, взятые у

врага во время сражений и после боя. Мулазимы могут иметь при себе по 50 туманов, юзбаши — по 200, пятисотники — по 1000, минбаши — по 2000, эмиры и газии — по 3000. Всякий, кто не выполнит указ, не увидит Кермана, Шираза и Тегерана, о чем шах будет глубоко сожалеть".

Боясь обысков и казней, обозленные газии, эмиры и минбаши побросали в глубоководный Инд золотые изделия и драгоценные камни. Каждый из них знал: настанет час, и они расправятся со своим диктатором. Нужно лишь объединиться и выждать подходящий момент.

Узнав о потоплении ценностей, Надир-шах спокойно сказал: "Целью моей было отнять вещи у жадных воинов, поэтому безразлично, каким способом они стали неимущими".

Через двадцать дней изнурительного пути великий победитель вошел со своей армией в Тегеран.

Шах уселся на Павлиний трон и принялся решать государственные дела, а его армия разбрелась по стране до следующих набегов на соседние земли.

Время текло, знойный день сменял ночь, но злоба, застывшая в сердцах воинов, так и не оттаяла.

В назначенный день и час эмиры и газии тайно собрались у опушки леса. Никто из них не произнес имя узурпатора, но всем было ясно, о ком говорили вожди подчиненных шаху Надиру племен. Первым выступил гроза морей, бывший пират, старейший из рода белуджи — Хамзад.

— Нужно смотреть правде в лицо, — сказал старик.

— А что такое правда и какова она собой? — спросил молодой минбаши по имени Ашраф.

— Что ж, я расскажу вам, друзья, сказку о Правде, — ответил Хамзад. — Когда-то в Африке жил юноша по имени Ганар-Ида. И пожелал тот юноша настоящую Правду увидеть своими глазами. Взял Ганар-Ида копье и пошел на восток через Кайэс, Бафулаба, через Мигуэль и мыс Мезурадо. Смотрит, ищет — нигде Правды не видно. Переплыл юноша моря и океаны, но Правды истинной и там не нашел. И где она находится, и какова собою — ни арабы, ни индийцы, ни черные, ни белые не знают. На сто третьи сутки своего пути юноша дошел до густых, заросших лианами джунглей. Захотелось ему отдохнуть. Забрел он в непроходимую лесную чащу, нашел там огромный тысячелетний баобаб с таким дуплом, что в нем даже слон мог свободно уместиться. Залез Ганар-Ида в то дупло и заснул. Трижды солнце прошло по небу, трижды погасли звезды. На четвертую ночь взошла белесая луна. Через полянку возле чащи, постукивая копытами, пробежал жираф. От топота и треска пальмовых веток юноша проснулся и видит: идет по звериной тропе старая беззубая колдунья, вся в лохмотьях. Выскочил Ганар-Ида из

дупла баобаба, схватил ведьму за горло и говорит: "Покажи мне, старуха, Правду, не то — удушю тебя!" Прохрипела колдунья: "Отпусти меня, юноша, я покажу тебе истинную Правду". Выпустил Ганар-Ида старуху. Она поправила свои седые космы и сказала: "Погляди на меня: я и есть Правда. Только ты не говори людям, что я такая страшная. Скажи им, будто я молодая и красивая". Вот такая же правда и на нашей земле. А кто ее сотворил — сами знаете.

Затем вышел вождь курдов Аббас-Туман-оглы. Он был менее красноречив и произнес одну лишь фразу:

"Убей кобру, если не хочешь, чтобы твоя жена стала вдовой".

...И они убили шаха Надира.

Богатейшая казна и монетный двор были разграблены разноплеменными вождями и воинами. Курдам достался Павлиний трон. Они разломали его на куски и увезли в горы. Так закончил свое короткое существование поддельный трон.

Спустя столетие, когда Индия фактически превратилась в колонию Великобритании, англичане перебили всех отпрысков Великих Моголов, а восставшего в 1858 году последнего из них Бахадур-шаха сослали в Рангун, где он и умер.

Лишь через четверть века после смерти Бахадур-шаха англичане обнаружили настоящий Павлиний трон Великих Моголов. Скрыв от индийцев это событие, они тайно погрузили драгоценность на парусное судно "Гроусвинер", шедшее в Англию. По имеющимся сведениям, летом 1882 года "Гроусвинер" заходил в цейлонский порт Тринкамали, а 27 июня того же года у берегов Восточной Африки наскочил на коралловые рифы и затонул. Точное место гибели этого парусного судна не установлено, и великолепный Павлиний трон до сего времени покоится на дне Индийского океана.

Новелла десятая ЛЕГЕНДЫ О ГЕММАХ

Геммами называются резные камни и раковины с рельефными изображениями на них женских и мужских профилей, колесниц, звездного неба, зверей и птиц. Эти изображения обычно вырезаются на ониксе, сердолике, агате, опале и коралле, а также на полудрагоценных камнях: топазе, аметисте и даже на драгоценном — изумруде. Геммы с углубленными изображениями (обычно они являются печатками, вставленными в перстни) называются интальо; с выпуклым рисунком — носят название камей. Большинство дорогих камей режутся из слоистых камней: фон у них одного цвета, а изображение — другого. Наиболее ценны трехцветные камей. Поскольку резьба на камне сложнее, чем на раковине, последние стоят дешевле.

Геммы известны с глубокой древности. Еще до нашей эры интальо пользовались знатные люди Македонии, Египта, а также патриции Римской империи.

Предполагают, что глиптика, то есть резьба на драгоценных и полудрагоценных камнях, впервые была применена в четвертом веке до нашей эры этрусками. Отняв у умбров обширную область в Средней Италии, они поселились там и назвали свою страну Этрурия. В шестом веке до нашей эры этруски господствовали над большей частью Италии, в том числе и над Римом. Они обладали высокоразвитой материальной культурой. Ремесленники этого народа изготавливали гончарные, бронзовые и золотые ювелирные изделия, за которыми из Ливии и других стран приезжали купцы и посланники царей. Был у этрусков и свой властелин из рода Тарквиниев. Этруски оказали большое влияние на римскую культуру. Они имели свою письменность, которая до настоящего времени не расшифрована, хотя имеется около девяти тысяч надгробных и наскальных надписей [В Эрмитаже находятся две золотые чаши, очень похожие на эллинистические глиняные сосуды. На них — надписи, вычеканенные еще в III веке до нашей эры арамейским письмом. Надписи эти также до сих пор никем не прочитаны]. В пятом, четвертом и третьем веках до нашей эры этруски понесли несколько поражений: на юге — от греков, на севере — от галлов. Римляне изгнали Тарквиниев и подчинили себе этрусков, впитав всю их культуру, и с честью пронесли ее через все поколения. Вот почему до сего времени славятся камеи и интальо, изготавливаемые в Италии. Существует и другая версия: некоторые считают, что геммы впервые появились в эпоху эллинизма в Александрии за триста лет до нашей эры. Для подтверждения этой версии имеется достаточно оснований.

Замечательная коллекция гемм собрана и хранится в Эрмитаже. История сохранила имена некоторых древних резчиков гемм: Кромоса, Диоскорида, Геликона и знаменитого гравера — художника Пирготеля. Последний являлся придворным резчиком Александра Македонского. Только ему одному император разрешил, как искуснейшему мастеру — художнику, вырезать на интальо и камнях свое изображение. На печатке — талисмане римского императора Суллы был изображен побежденный им нумидийский царь Югурта. Разбитый Цезарем в битве при Фарсале римский полководец Помпей приказал вырезать на амулете картины трех своих победоносных сражений — в Европе, Азии и Африке. Однако талисман не спас его: Помпей бежал в Египет и был там убит. Как уже было сказано, интальо одновременно являлись и печатями. Ими скрепляли дикты и приказы императоров и королей. Мода на геммы то притухала, то вспыхивала, как костер, тлеющий на ветру. Забытая в одной стране, она возрождалась в другой, пересекала границы государств, преодолевала горы, моря и реки. И всюду, во всех европейских и азиатских странах, вместе со старинными монетами находят геммы различных эпох. Стоимость этих художественно обработанных камней была очень высока. По преданию, перстень Поликрата с интальо

работы Диодора стоил столько же, сколько весь остров Самое, на котором жили Поликрат и его мастер — резчик. Поскольку камеи и интальо являлись произведениями искусства, выполненными по заказам цариц, королей и придворной знати, то определенной, раз и навсегда установленной цены на них не существовало. Тонкая, трудоемкая работа скульпторов — резчиков на твердых и хрупких камнях оценивалась любителями — эстетам в зависимости от художественного выполнения гемм, от моды, от богатства покупателя. Вообще же за средне выполненные камеи обычно платили золотом по весу сардоникса или агата, на котором был вырезан поясной портрет царицы Савской, Венеры или Деметры.

В позднейшие времена, уже в конце XVIII века, помимо греческих и итальянских мастеров в России появилась целая плеяда замечательных русских умельцев: Есаков, Шилов, Клепиков, Алексеев, Раевский, Уткин, Доброхотов. Большинство из них учились в медальерном классе Петербургской Академии художеств. Что касается Доброхотова, то он, сын тульского оружейника, по окончании учения остался в училище преподавателем, а затем стал академиком. Из непревзойденных его работ известны: портрет А. В. Суворова и "Меркурий, дающий Парису золотое яблоко".

Во времена Елизаветы Петровны, и особенно Екатерины II, увлекавшейся камнями и собиравшей геммы, мода на античные резные камни появилась и в России. "Бриллианты, коими наши дамы так богаты, попрятаны и предоставлены купчихам, а взамен алмазов и самоцветов нынче у нас в моде античные камеи и интальо", — писала в дневнике одна из фрейлин Екатерины II.

Были у нас и на Урале прославленные мастера — резчики: Бояршинов, Бушуев и другие. Они гравировали целые сцены на охотничьих ножах и саблях, изготавливавшихся на Златоустовском заводе, где отливалась изобретенная русским инженером П. П. Аносовым замечательная булатная сталь, превосходящая по упругости и твердости золингенскую. Среди их учеников особенно выделялся резчик Василий Бубнов. Мы, вероятно, никогда бы не узнали его имени, если бы он не был замешан в уголовном деле, о котором рассказал на одной из своих лекций Анатолий Федорович Кони.

Слыл этот юноша парнем бесшабашным и непутевым, хотя его тройки, олени и егеря, выгравированные на ножах и саблях, намного превосходили схоластические рисунки немецких мастеров, приглашенных по недоразумению в Златоуст в качестве учителей — резчиков. Иностранцам платили в 8-10 раз больше, чем уральским умельцам. Это возмущало многих русских мастеров, большинство из них молчало, и только такой смутьян, как Бубнов, заявлял об этой несправедливости открыто. Не желая иметь неприятности от знатных чиновников, начальство предложило Василию покинуть завод. Бубнов покорился судьбе и уехал из Златоуста. В дальнейшем он работал на

реке Рудянке, где нижнетагильский крепостной Кузьма Кустов обнаружил богатейшие залежи медной руды. Затем Бубнов поселился близ Ильменских гор, построил там деревянную лачугу и жил по-прежнему своей бесшабашной, непутевой жизнью. Иногда, неведомо откуда, у него вдруг появлялись шальные деньги, и он прокучивал их с проезжавшими с ярмарки разорившимися купцами и неудачниками золотоискателями. После отъезда гостей Бубнов запирался на неделю в своей избе, никого не впускал во двор и что-то допоздна резал, пилил и выстукивал молоточком. А что делал — неизвестно. Не деньги ли фальшивые?

Жизнью юноши заинтересовалась екатеринбургская полиция. Однажды она арестовала Василия за дебош и, произведя обыск, ничего существенного не давший, сняла у него лишь дактилоскопический отпечаток пальцев и освободила Бубнова. Продолжая негласное наблюдение за подозрительным человеком, полиция установила, что деньги у Василия обычно появлялись после посещения его одним итальянцем, часто приезжавшим за пушниной на Ирбитскую и другие ярмарки. Охотой Бубнов не занимался, и полиции было непонятно, за что итальянец платил юноше такие крупные суммы. Стали следить за итальянцем. Оказалось, что иностранец продавал женам заводчиков и хозяевам золотых приисков отличные трехслойные камеи, вырезанные на сердолике и агате. Тут были изображения Эрота и Психеи, Геркулеса и летящей с факелом богини Селены, поясные портреты Фортуны и Дианы. Все камеи были выполнены с большим мастерством и по своим художественным качествам намного превосходили геммы французских и английских граверов. Итальянец рассказывал покупательницам, что камеи эти изготовлены непревзойденным миланским мастером Леонардом Чикони, в сравнении с которым европейские и заморские резчики — всего лишь подмастерья. И действительно, камеи, предлагаемые итальянцем, как-то особенно просвечивались, в них удивительно удачно сочетались природные теплые и светлые гаммы тонов сердоликов, яшм и агатов.

Однажды ранней весной, в пяти верстах от домика Бубнова, в оранжерее одного из золотопромышленников был обнаружен труп убитой женщины, оказавшейся женой купца первой гильдии Додонова. Вся полиция была поднята на ноги. В особняке золотопромышленника побывали следователи, приставы и даже сам полицмейстер. Полиции казалось удивительным то, что с убитой не были сняты ни бриллиантовые серьги, ни кольца, ни камея, недавно купленная потерпевшей у итальянца за двести рублей. Преступник не оставил никаких следов. Причину убийства было крайне трудно установить. Одни предполагали, что Додонова убита из ревности или мести, другие считали, что драгоценности не были сняты с купчихи в силу каких-то случайных обстоятельств, помешавших преступнику

воспользоваться ими. Произведенные следствием анализы обнаружили на камее, помимо отпечатков женских пальцев, оттиски двух пальцев мужской руки. Их сличили с дактилоскопическими отпечатками полицейской картотеки и установили, что следы на камее идентичны с оттисками большого и указательного пальцев левой руки Василия Бубнова. Юноша был немедленно арестован. Ему предъявили обвинение в убийстве купчихи Додоновой. Бубнов пытался отрицать, но доказательство было неопровержимо. Когда же Василию показали камею, он заявил:

— Ничего удивительного в том нет. Сия камей моей работы. Потому на ней, может, и остались следы моих пальцев.

Ему не поверили.

— Допустим, что так. Расскажи, как эта камей попала к госпоже Додоновой? — спросил следователь.

— Она камей продана через итальянца.

— Отчего же на камее отпечаток твоих пальцев имеется, а итальянец никаких следов на ней не оставил?

— Я ее в бархатку завернул.

— Почему же ты не сам продал эту камею, а через уехавшего итальянца?

— Мне, ваше благородие, никто за мою работу больше десяти рублей не дал бы, а итальянцу платили по две сотни и более, потому что наши господа страсть как обожают иностранные камеи... Я их делал, а итальянец продавал. И не только у нас, но и в других странах. В том была мне большая польза. Прикажите, ваше благородие, подать сюда мой инструмент и кусок трехмастного сердолика, и я изготовлю за пять — шесть дней точно такую же камею или другую, какую вы пожелаете.

Следователь передал этот разговор губернатору, и тот разрешил предоставить обвиняемому просимые им предметы. Через неделю Бубнов изготовил точно такую же камею, вырезанную на трехцветном сердолике, с поясным портретом Екатерины II. Экспертизой было установлено, что обе камеи работы одного и того же мастера и выполнены резчиком, обладающим большим художественным вкусом. Но это не являлось реабилитацией подсудимого. А через несколько дней к следователю явился отставной поручик Артемов и признался в убийстве из ревности госпожи Додоновой. Резчика из-под стражи освободили, и сам полицмейстер купил у Бубнова изготовленную им в тюрьме камею с портретом Екатерины II, заплатив за нее двести рублей серебром.

Некоторые античные камеи, так же, как и исторически известные драгоценные камни, имеют свои удивительные биографии. Весьма интересна судьба и знаменитой камеи Гонзаго, находящейся в коллекции гемм Эрмитажа. Эта камей была вырезана на трехслойном сардониксе одним из неизвестных нам замечательных мастеров в

эпоху раннего эллинизма. Предполагают, что она появилась в Александрии во времена первых Птоломеев, живших за несколько веков до нашей эры, когда Александр Македонский создавал свою мировую империю, простиравшуюся от Дуная до Инда. В отличие от большинства гемм, на камее Гонзаго не один, а два профиля: мужской и женский. Их приписывают Птолемею, Филадельфу и Арсиное, приходившейся Птолемею сестрой и женой. Кто и в каких странах носил на пышных придворных празднествах это замечательное произведение искусства на протяжении почти двух тысячелетий, нам неизвестно. Впервые об этой камее упоминается "в инвентарном списке кунсткамерных раритетов (редкостей) герцога Гонзаго в Мантуе в 1542 году". Вот почему она и называется камей Гонзаго. Переходя из поколения в поколение, эта камей вместе с другими драгоценностями герцога Гонзаго находилась в Мантуе до 1630 года, когда город был взят австрийскими войсками и разграблен ими. Камей увезли в Прагу, и она, вместе с бриллиантовыми и изумрудными диадемами и сапфировыми колье, поступила в богатейшую сокровищницу Рудольфа II. Через два десятка лет шведы ворвались в Прагу, и камей перекочевала в Стокгольм к королеве Христине. Эта эксцентричная правительница Швеции, ходившая в мужских костюмах и ведшая мужской образ жизни, носила камей как почетный орден на лацкане своего полувоенного мундира. Несмотря на все свои странности, королева обладала острым и проницательным умом. Она симпатизировала поэтам, художникам и собирала вокруг себя талантливых людей независимо от их происхождения. Королева тратила большие деньги на приобретение ценных художественных произведений.

Ее поведение и расточительность вызвали недовольство у аристократии и духовенства. Было раскрыто несколько дворцовых заговоров. Почувствовав шаткость своего положения, королева отреклась от престола и в 1654 году покинула Швецию. Оставляя Стокгольм, Христина увезла с собой лишь несколько драгоценных вещей, и в их числе камей Гонзаго. Живя в Риме на ежегодную ренту в 600 000 крон, экс-королева продолжала вести прежний образ жизни. Иезуиты распространяли слухи о ее предосудительном поведении. Заподозрив обершталмейстера Мональдески в предательстве, Христина приказала уехавшим с ней приближенным убить его. Немой свидетельницей этого была все та же камей Гонзаго. Умерла Христина в Риме в 1689 году, оставив мемуары, написанные на французском языке. Что касается камей Гонзаго, то она досталась герцогам Одескальки. Здесь камей находилась более ста лет. За это время род Одескальки обеднел, и один из разорившихся его отпрысков в 1794 году продал камей Гонзаго Ватикану. Через два года Рим был занят войсками Директории, и римский папа "уступил" камей командующему французской армии. Это произошло в тот год, когда

бывшая жена убитого графа Богарне Жозефина вышла вторично замуж за малоизвестного в то время генерала Бонапарта. Со своим новым супругом Жозефина вела скромный образ жизни. Когда же Наполеон стал первым консулом Республики, а затем императором Франции, Жозефина обзавелась пышным двором, стала капризной, прихотливой и расточительной. Именно в это время ею и была куплена за 1500000 франков камея Гонзаго. Ее расточительство — большие затраты на всевозможные броши, кулоны и диадемы, в частности на приобретение дорогой камеи Гонзаго — раздражало Наполеона, и у него с Жозефиной происходили частые размолвки. Императрица также была недовольна своим неверным честолубивым супругом. По настоянию последнего, в 1809 году они разошлись. Сохранив титул императрицы, Жозефина, окруженная своим прежним двором, поселилась вблизи Эвре во дворце Мальмезон, в связи с чем некоторые знатоки гемм называют камеею Гонзаго "Camee de la Malmason".

Наполеон, ослепленный собственным величием, стал готовиться к войне с Россией. С целью подрыва ее экономики он еще за два года до вторжения на русские земли тайно изготовил во Франции фальшивые ассигнации на сумму восемь миллионов рублей. В то время один рубль серебром был равен трем рублям ассигнациями. Там, где нельзя было по каким-либо причинам ограбить, украсть или реквизировать, французские фуражиры платили за товары фальшивыми ассигнациями. Естественно, что при такой оплате французские интенданты не останавливались перед повышенными ценами. Это незамедлительно отразилось на денежной системе России и привело к нехватке продовольствия. Для того, чтобы пущенные Бонапартом в ход кредитки не попадали обратно к "шаромыжникам", на изготовленных в Париже бумажках была умышленно допущена малозаметная опечатка: в слове "государственная" вместо буквы "д" стояла буква "л": "госуларственная ассигнация". По этой незначительной детали фальшивомонетчики отличали свою работу. Но ничто — ни талант великого полководца, ни огромная, отлично вымуштрованная французская армия, ни носимый в эфесе шпаги Бонапарта бриллиант — талисман, ни фальшивые деньги не спасли Наполеона от поражения в войне с Россией.

В 1814 году союзные войска вошли в Париж. Александр I побывал в Мальмезоне у Жозефины и отнесся к ней с большой предупредительностью. Благодарная Жозефина презентовала русскому императору камеею Гонзаго и попросила у монарха разрешения сопровождать Бонапарта на остров Эльбу. Александр подарок принял, но в просьбе Жозефине отказал.

По возвращении в Петербург император подарил камеею Эрмитажу, где она находится по сей день.

Новелла одиннадцатая ЛЕГЕНДА О "ХИНДИНУРЕ"

І. Из этой главы вы узнаете, о чем говорил старик с Ала-уд-дином Кхилджи, кто такой Рана Ратан Сингх и как в старину добывались в Индии первые алмазы.

Арабские кони, фыркая и косясь по сторонам, осторожно пробирались сквозь чащу лиан и папоротников. Охотясь на барсов, Ала-уд-дин Кхилджи заблудился со своим верным слугой в джунглях. Всадники долго блуждали по незнакомой местности среди пальм и бамбуковых зарослей.

Наконец им удалось выбраться из джунглей на извилистую дорогу, проложенную между скалами и пропастями.

Лошади, почувствовав простор, пустились вскачь. Вдруг арабский конь, на котором ехал Кхилджи, захромал и остановился.

— Что случилось, Чандра? — спросил Ала-уд-дин.

— О господин, — ответил слуга, осмотрев ноги неподкованной лошади хозяина, — я нашел в копыте бедного коня острую каменную занозу. Я никогда не видел таких сверкающих, как роса на солнце, заноз.

Кхилджи взял камень, осмотрел его и сказал:

— Ты прав, Чандра. Это и есть окаменевшая роса, и зовется она "алмас", что значит по-арабски — твердейший. Этот камень, вероятно, потерял здешний раджа, проскакавший по дороге раньше нас. Вот идет путник с посохом. Я расспрошу его о властителе здешних земель.

С этими словами Ала-уд-дин прищипорил коня и подъехал к старику.

— Скажи нам, путник, чья это земля, на которой стоит мой конь и по которой ты идешь со своим посохом?

— Земля эта, — ответил старик, — называется Раджпутана и принадлежит она вождю раджпутов — Рана Ратан Сингху.

— Не встретил ли ты его по дороге?

— Нет, господин. Я не мог встретить его по дороге, потому что великий раджа Рана Ратан Сингх вот уже четвертый год не выходит из своей крепости — города Читтора.

— Кого же он так испугался, что сидит взаперти?

— Вождь раджпутов никого не страшится. Даже великому властителю Дели он отказался платить дань, а крепость, в которой находится раджа, неприступна: стены ее — высотой в три коня, поставленных один на другого, и сверх того еще в два человеческих роста, а толщиной они в шестнадцать двойных кирпичей.

— Но почему же этот "храбрец" сидит в неприступной крепости, как рак отшельник в своей каменной норе?

— У нашего раджи есть красавица жена. Она так прекрасна, что равной ей нет ни в Индии, ни в Финикии, ни в Сирии. Три года тому

назад женился он на пей, и с тех пор ни на один день, ни на один чае не покидает ее.

— А чем еще богат твой повелитель? — с раздражением спросил Ала-уд-дин. — Разве есть у него такие дворцы и храмы, на стенах которых высечены изображения людей, животных, колесниц, всадников и диких зверей, как у великого властителя Дели? Или же он действительно так богат, что может купить тысячу слонов, верблюдов и коней?

— Может, — спокойно ответил старик. — Загляни в эту пропасть, всадник, и ты увидишь снопы света всех цветов радуги. В этой пропасти, принадлежащей моему повелителю, лежат в пепле изверженные из недр земли алмазы. Им нет числа и нет цены! Только трудно, очень трудно доставать их оттуда. Были смельчаки, которые пробовали спускаться в эту пропасть, но ни один не вернулся обратно. Некоторые срывались со скал и исчезали в бездне, а иные погибали от укусов ядовитых змей, которые кишат в пропасти, как муравьи в муравейнике.

— Как же достает твой повелитель эти сокровища? Или он довольствуется тем, что богатства его земли охраняют ядовитые змеи? — со смехом спросил Ала-уд-дин.

— Нет, господин, есть способ, благодаря которому каждый год, в первые дни после месяца ливней, казна нашего раджи пополняется крупными алмазами, добытыми со дна этой пропасти.

— Кто же их достает, если спуститься в пропасть, как ты утверждаешь, невозможно?

— Есть у Рана Ратан Сингха в Читторе мудрецы, а среди них один, мудрейший из мудрейших, по имени Харнби. Он стар, и очи у него затуманены, но разум его светел, как та звезда, что одна горит в предутреннем тумане.

— Что же он придумал, твой мудрейший Харнби?

— О, это произошло не так быстро, как тебе кажется, господин. Мудрейший из мудрейших думал над этим тридцать три дня и тридцать три ночи и, наконец, повелел нарезать самого жирного барана, освежевать его и бросить тушу в пропасть,

— Твой мудрейший из Читтора решил принести жертву богу Вишну?

— Нет, — ответил прохожий, — наш мудрейший из мудрецов решил, что если бросить тушу жирного барана в пропасть, засыпанную пеплом и алмазами, то камни прилипнут к жиру.

— Да, но если нельзя достать из пропасти алмазы, то как поднять баранью тушу вместе с прилипшими к ней драгоценными камнями?

— В том-то и дело, господин, что Харнби-мудрейший из мудрецов. Три года назад, в день свадьбы нашего раджи, в эту пропасть рано утром была брошена баранья туша, а к вечеру Рана Ратан Сингх подарил своей Падмини алмаз величиной с голубиное яйцо. Этот

алмаз сверкает так, как ни один камень в мире. Потому и назвали его "Хиндинур", что значит "свет Индии".

— Скажи мне имя храбреца, который вынес из пропасти драгоценную ноту.

— У него нет имени, господин. И вовсе он не храбрец: его вспугивают, едва только он поднимается на гору со своей тяжелой ношей.

— Но кто же он? Клянусь, кто бы он ни был, пусть даже презренный неприкасаемый [Низшая каста кожевников (чамар), прачек (дхоби), подметальщиков нечистот (чура или пария), дискриминированная высшими индусскими кастами: брахманами (служителями культа), кшатриа (воинами), вайсья (торговцами) и др], я водрузил бы в его честь мраморный памятник на бронзовом пьедестале.

— Ты можешь, господин, это сделать. Нужно только, чтобы каменотес высек из белого мрамора широкие крылья, а из черного — острые когти и загнутый клюв.

— Кто же это? Беркут или кондор?

— Ни беркуты, ни кондоры, ни орланы, ни серые и коричневые орлы не опускаются в эту пропасть за добычей, брошенной с горы. Только один белый орел, живущий на снежных вершинах далеких Гималаев, раз в году прилетает сюда. Заметив своим острым взглядом добычу, лежащую на дне пропасти, он поднимается высоко в небо, складывает свои широкие крылья и камнем падает в пропасть, а там, у самых нижних скал, разворачивает могучие крылья и останавливает свое бесстрашное падение.

— Благодарю тебя, старик, за то, что ты мне все это рассказал. Когда у меня будет время, я взгляну на алмаз твоего раджи и на его красавицу Падмини.

— Что ты говоришь, безумный! Разве ты не знаешь, что по законам раджпутов чужеземец, который посмеет взглянуть на жену раджи, должен быть обезглавлен до наступления утренней зари? Так было, так есть и так будет!

— Ваши законы не для меня.

— А кто ты такой, что так непочтительно говоришь о моем радже и о законах раджпутов?!

— Я — царь царей, властитель Дели, великий Ала-уд-дин Кхилджи!

С этими словами всадник прищипорил коня и ускакал вместе со своим слугой, а старик долго глядел из — под красного тюрбана вслед умчавшимся всадникам.

II. Из этой главы читатель узнает о нелепой причине, побудившей Ала-уд-дина Кхилджи напасть на раджпутов, и о самой несправедливой из всех войн.

Когда взмыленные кони, приустав, сбавили бег и пошли рысью, перед всадниками открылась сказочная панорама: вдали показались

вершины гор, сверкавшие в отблесках заходящего солнца так, словно были покрыты кашмирскими шелковыми платками, а внизу, под оранжевыми скалами, в изумрудной зелени пальм и папоротников, алели ярко — карминные канны, и казалось, что кто-то расстелил для молитвы огромный хорасанский ковер и позабыл его свернуть. А совсем рядом, в каких-нибудь пятистах шагах, за Южным холмом высилась крепость с зубчатыми стенами, окруженная глубоким рвом, наполненным прозрачной водой, в которой отражались разводной мост с ажурными перилами и бескрайнее бирюзовое небо.

"Так вот где живет со своей красавицей Падмини вождь раджпутов, непокорный и непокоренный Рана Ратан Сингх! — подумал властитель Дели. — Что ж, придет час, когда он узнает все могущество и величие Кхилджи!". Пришпорив коня, Ала-уд-дин галопом промчался мимо крепости со своим слугой Чандрой.

Долго ехали всадники по знойной пустыне Раджпутаны. Только изредка им попадались оазисы с глубокими колодцами и небольшими участками темной земли, на которой росли колючие кактусы, розовые олеандры и финиковые пальмы. Наконец путники прибыли в свою древнюю столицу Дели.

На другой день, по случаю благополучного возвращения Ала-уд-дина Кхилджи, в мраморном летнем дворце, среди хрустальных фонтанов и каменных скульптур, было устроено пиршество. В золотых чашах, усыпанных самоцветными камнями, слуги подносили придворным и гостям холодное кокосовое молоко и сладкий апельсиновый сок, а в бронзовых и серебряных хайдарабадских вазах — гроздья золотистых бананов, груды ананасов и самых нежных из всех тропических фруктов — розоватых плодов манго.

А когда над Дели опустилась вечерняя прохлада и в зал вошел Ала-уд-дин Кхилджи, начался бхаратнатьям — древнеиндийский танец, в котором жестами, мимикой, движениями плеч, кистей рук и гибких пальцев танцовщицы изображали то порхающих бабочек, то летящих птиц, то раскрывающиеся на утренней заре цветы лотоса.

Постепенно Ала-уд-дин Кхилджи забыл о своей встрече со стариком и о вожде раджпутов Рана Ратан Сингхе. Только лу — самум, прилетевший из Читтора, поднявший в Раджпутане тучи песку и обрушивший их на Дели и главный дворец Ала-уд-дина, — напомнил ему о красавице Падмини. Вспомнив о ней, он захотел взглянуть на женщину, о которой говорили, что равной ей по красоте не было и нет на свете.

Это желание возникло у него на закате солнца. Затем оно повторилось на заре следующего дня и уже не покидало его.

Но чтобы исполнить эту прихоть, нужна была война. Настоящая кровопролитная война с потерей части своего войска, боевых слонов и верблюдов.

Настоящего повода или даже значительной причины для объявления войны раджпутам у Ала-уд-дина Кхилджи не было.

Однако не было у него также ни одного случая в жизни, когда он — властитель Дели Ала-уд-дин Кхилджи — не исполнял самого невероятного, пусть даже нелепого своего желания или очередного каприза.

И если царь царей пожелал взглянуть на жену какого-то мелкого князька, то его желание будет исполнено даже в том случае, если в пустыне Раджпутаны и у крепости Читтор погибнут тысячи славных делийских воинов.

Впрочем, об этом Ала-уд-дин не думал. Он смотрел на свою затею, как на простой шахматный ход. Не смущало его и мнение придворной знати.

Если кто-нибудь осмелится спросить у него, почему властитель Дели идет войной на Раджпутану, Ала-уд-дин ответит: "Я так хочу!"

Призвав к себе военачальника Рамачандру, Кхилджи приказал ему подготовить к весне войско, состоящее из трех колонн всадников на верблюдах, шести колонн вооруженной пехоты, а также заготовить значительное количество провианта для длительной осады крепости.

III. Глава, в которой говорится о посылке в Дели крупнейшего алмаза "Хиндинур" и о разбойниках, напавших на караван.

В тот день, когда всадники умчались с дороги, ведущей к крепости, к главным ее воротам подошел старик с посохом и попросил начальника стражи доложить вождю раджпутов о том, что верный и преданный радже человек хочет говорить с ним о важном деле.

Рана Ратан Сингх принял старика в своем мраморном дворце и, узнав о злых намерениях делийского императора, созвал своих старейшин.

Большинство мудрецов высказалось против ведения каких бы то ни было переговоров с делийским императором, а посылку Ала-уд-дину Кхилджи любой дани старейшины сочли унижительным для раджпутов и всей Раджпутаны.

Тогда встал мудрейший из мудрецов — Харнби — и тихо сказал:

— Если ты хочешь усмирить злую собаку, брось ей кость, — так гласит арабская пословица. Я предлагаю послать Ала-уд-дину Кхилджи в подарок тот большой алмаз "Хиндинур", о котором он пронюхал, и пусть этот камень застрянет у него в глотке.

Рана Ратан Сингх согласился с мудрым советом Харнби и решил отправить в Дели со своим верным начальником стражи Венкаташваром и девятью воинами драгоценный алмаз, чтобы умиловить Ала-уд-дина Кхилджи.

А Харнби продолжал:

— Если о чем-нибудь знает один человек, это хорошо, если два — хуже, а если десять — значит, об этом узнает вся Раджпутана, и тогда

слух полетит по пустыне вместе с ветром и песком и долетит до ушей разбойников... Я прошу тебя, о великий раджа, подумай над тем, что я сказал.

Рана Ратан Сингх, отпустив старейшин, долго сидел один у зажженного светильника, смотрел на огонь и думал, думал...

К утру он пришел к такому решению: чтобы разбойники в пустыне не отняли у посланцев драгоценный камень, тайно схватить и посадить в подземелье четырех гранильщиков и держать их там до тех пор, пока они не отшлифуют из горного хрусталя копию несравненного "Хиндинура".

Через две недели поддельный камень был готов, и Венкаташвар с девятью стражниками, "Хиндинуром" и его копией двинулся в путь по безводной пустыне, имея с собой лишь двух навьюченных продовольствием и шелками верблюдов.

На третий день пути на караван напали разбойники, и их главарь потребовал у Венкаташвара драгоценный камень.

— Какой камень? — притворно удивился Венкаташвар. — Станный ты человек. Если бы ты потребовал у меня три тюка лучшего кашмирского шелка, я бы сказал тебе: "Возьми их, они лежат на втором верблюде". А ты требуешь то, чего у меня нет.

— Врешь, шакал! — закричал разбойник и пригвоздил копьем ногу Венкаташвара к земле.

С притворной грустью Венкаташвар вынул из-за щеки ограненный камень и подал его главарю шайки.

Внимательно осмотрев его, разбойник облизал камень и сказал:

— Он слишком холоден для алмаза, и грани его остры, а у алмаза они более покаты. Не пытайся меня обмануть, если не хочешь стать ниже ростом на целую голову.

Тогда начальник стражи понял, что кто-то из дворцовых слуг предал его вместе с бесценным "Хиндинуром".

Улучив момент, начальник стражи выхватил из окровавленной ноги копье и бросился на главаря шайки. Вслед за Венкаташваром в бой вступили и его воины.

Сражение длилось всего несколько минут. В неравном бою погиб храбрый военачальник раджпутов вместе со своими стражниками. Лишь одному из них, Сункару, удалось бегством спастись от неминуемой гибели.

Через пять дней, измученный и обессиленный, он добрался до каменных стен Читтора.

Попав во дворец, Сункар пал перед раджей на колени и рассказал о случившемся несчастье.

Рана Ратан Сингх, простив Сункара за малодушие, назначил его начальником каравана и приказал привезти в Читтор тело Венкаташвара.

Когда приказ раджи был выполнен, Рана Ратан Сингх повелел Сункару вскрыть кинжалом живот убитого разбойниками военачальника. В желудке Венкаташвара был обнаружен проглоченный им во время схватки с разбойниками знаменитый алмаз "Хиндинур", из-за которого погибли военачальник и восемь храбрых воинов.

Вторичную отсылку алмаза в Дели Рана Ратан Сингх отложил до весны, когда в пустыне еще не звенят колокольчики караванов и по сыпучим барханам не бродят шайки разбойников.

Но вскоре происшедшие события разрушили его благие намерения.

IV. Глава, из которой читатель узнает о стрелах с алмазными наконечниками и о том, как мудрец Харнби нашел выход из безвыходного положения.

Ранней весной 1303 года войска делийского императора Ала-уд-дина Кхилджи обложили Читтор. Неоднократные попытки штурмом овладеть столицей раджпутов не увенчались успехом. Войска Рана Ратан Сингха отразили все вражеские атаки и нанесли врагу значительный урон.

Военачальник делийских войск Рамачандра вынужден был перейти к длительной осаде крепости. Через два месяца в Читторе начался голод. Воины и жители города доедали последние горсточки риса и убивали случайно уцелевших голубей. Но и в делийских войсках началось брожение. Не понимая причин, побудивших Ала-уд-дина Кхилджи идти войной на раджпутов, воины роптали. Они изнемогали от нестерпимого палящего солнца, от знойного сухого ветра, обжигавшего их лица, шеи и руки.

Полуголодные, они поодиночке оставляли свои посты и уходили в пустыню на поиски караванов, с которыми можно было бы добраться до чужих земель.

Неожиданно из Дели прибыл сам император. Ознакомившись с положением, он приказал окрестным крестьянам носить землю на вершину Южного холма, чтобы поднять его высоту. Тогда делийские воины смогут расстреливать из луков и пращей находящиеся за зубчатой стеной форта раджпутов [Спустя 265 лет, при осаде того же Читтора, этот же стратегический маневр повторил один из Великих Моголов, властитель Дели, могущественный Акбар].

Узнав о наращивании холма, Рана Ратан Сингх, по совету Харнби, приказал выпустить в неприятеля сто стрел с алмазными наконечниками, полагая, что воины Ала-уд-дина передерутся между собой из-за драгоценных камней. И действительно, после первых пущенных из крепости стрел с алмазными наконечниками воины Кхилджи набросились на драгоценные камни, словно орлы стервятники на пададь. Из-за нескольких стрел, упавших в самую

гущу войска, произошли столкновения, перешедшие в настоящее сражение.

Воспользовавшись этим моментом, раджпуты бросились в атаку и нанесли сокрушительный удар делийским войскам, и только случайно прибывшее в этот момент подкрепление из Дели остановило натиск, и атака была отбита.

С помощью военачальника Рамачандры и прибывших из Дели войск Ала-уд-дин Кхилджи восстановил в своей армии порядок, а провинившихся воинов заставил вместе с крестьянами носить корзины с землей на вершину Южного холма. Когда холм поднялся выше всех башен крепости и форт стал доступен для камней и стрел, Ала-уд-дин Кхилджи послал к властителю Читтора своего безоружного гонца.

Явившись в крепость, гонец объявил Рана Ратан Сингху о том, что властитель Дели не требует от него никакой дани: ни алмазов, ни ключей от города, ни наложниц, а желает только взглянуть на супругу раджи — Падмини; и если его скромное желание будет исполнено, то он снимет осаду крепости и уведет свои войска обратно в Дели.

Считая подобное требование оскорбительным не только для себя, но и для всего народа раджпутов, Рана Ратан Сингх в первые минуты своего возмущения наглостью еще не победившего его и не покорившего Раджпутану Ала-уд-дина Кхилджи хотел было приказать палачу отрубить гонцу голову и выставить ее над крепостными воротами, но сдержался, памятуя о голоде и нечеловеческих страданиях, испытываемых мирными жителями Читтора.

Пообещав гонцу дать ответ делийскому императору на следующее утро, Рана Ратан Сингх пригласил к себе своих мудрецов. Все пришли к назначенному времени, и лишь мудрейший из мудрейших Харнби прибыл с некоторым опозданием. Его внесли в зал два воина в паланкине, так как старик уже не мог передвигаться без посторонней помощи.

Когда вождь раджпутов объявил старейшинам о дерзком требовании делийского императора, все стали хором проклинать Ала-уд-дина, а один из них даже сказал, что Кхилджи не индус, а выродок и ублюдок.

Затем воцарилось молчание, длившееся так долго, что никто не заметил, как за окном погасли звезды и в зал сквозь опущенные бамбуковые шторы проскользнули первые лучи восходящего солнца.

А во дворце королевы, — рани, как ее называли раджпуты, — на пушистых коврах и шелковых подушках всю ночь металась Падмини. Она не могла понять, почему ее возлюбленный и повелитель не пришел сегодня к ней — цветы лотоса так и увяли на коврах, не дождавшись его прихода...

Неожиданно без доклада в зал вошел военачальник и объявил, что вражеский гонец пришел за ответом.

Тогда приподнялся в своем паланкине мудрейший из мудрецов — Харнби — и сказал:

— Мы должны исполнить требование делийского императора Ала-уд-дина Кхилджи.

Услышав эти слова, все старейшины и сам Рана Ратан Сингх взглянули на Харнби и решили, что старик выжил из ума.

Но Харнби спокойно продолжал:

— Мы не покажем Падмини Ала-уд-дину Кхилджи, но он ее увидит,

Все снова, с еще большим удивлением, поглядели на Харнби, а один из старейшин тихо произнес:

— Надо не только вовремя родиться, но и вовремя умереть, иначе умный человек может превратиться в глупого верблюда.

— Прости меня, мудрейший из мудрейших, — обратился к Харнби Рана Ратан Сингх. — Насколько я тебя понял, ты предлагаешь обмануть делийского императора и показать ему вместо Падмини другую красавицу. На это я пойти не могу, так как раджпуты, как тебе известно, никогда не были обманщиками.

— О великий раджа, ты меня превратно понял. Я предлагаю не обман, а мудрость, которая спасет тебя и наш народ от позора и бесчестия.

— Тогда говори, Харнби, в чем заключается твоя мудрость.

— Надо сделать так, мой господин и повелитель, чтобы Падмини сидела перед своим мраморным дворцом... Чтобы с открытым лицом она сидела у хрустального фонтана. А напротив нее, на стене, мы повесим зеркало. Помнишь то большое зеркало в раме из черного дерева с перламутровыми драконами, которое ты выменял у ассирийского купца за горсть мелких алмазов?

— Значит, ты хочешь, — перебил его обрадованный раджа, — чтобы мы показали Ала-уд-дину Кхилджи не Падмини, а лишь ее отражение?

— Именно так, мой господин! Ала-уд-дин пройдет мимо Падмини и увидит ее отражение в зеркале, а это не позор и не бесчестие. Мало ли что может случайно увидеть человек в зеркале?

После этих слов все старейшины встали и низко поклонились радже и мудрейшему из мудрецов.

V. Из этой главы читатель узнает о благородстве Рана Ратан Сингха, о вероломстве Ала-уд-дина Кхилджи, а также о несчастной Падмини и о раджпутах, покинувших родной Читтор.

Красавица Падмини сидела в саду под пальмой со своей служанкой Радхой у хрустального фонтана и смотрела большими, как бездонные черные озера, глазами, на стайку золотых рыбок, весело снующих в прозрачной воде бассейна.

Увлеченная их забавной игрой, она даже не заметила, как мимо нее, у самой стены, прошел какой-то человек в желтом тюрбане.

Только когда он свернул к мраморным колоннам, за которыми находилась потайная дверь, Падмини увидела его и вздрогнула.

— Кто бы это мог быть? — спросила она Радху. — Как посмел этот человек войти в мой дворец?!

— Не знаю, не знаю. Может быть, это нам только показалось, — затараторила служанка. — Может быть, этот человек — как мираж, как водопад, приснившийся путнику в безводной пустыне. Может быть, он...

— Останови, Радха, водопад своего красноречия, пока я не прикрыла его своей ладонью... Проникни во дворец моего повелителя и узнай все об этом желтом тюрбане, который завтра не на что будет надевать.

Служанка пробралась во дворец раджи тем же потайным ходом, каким обычно пользовался Рана Ратан Сингх.

В саду Радха встретилась со своим возлюбленным — большеголовым Сункаром, тем самым воином, которому удалось в пустыне бежать от разбойников. У него она выведала то, о чем не знали воины и жители Читтора.

По приказу Рана Ратан Сингха через подземный ход, проложенный под рекой Гамбхири, в крепость с завязанными глазами были проведены два безоружных человека. Кто эти люди — Сункар не знал, но полагал, что они явились для переговоров о перемирии.

Так решил Сункар.

А служанка Радха, взглянув на него, подумала: "Можно иметь большую голову и быть глупее осла". Вспомнив о человеке в желтом тюрбане, она догадалась, что это был не кто иной, как сам властитель Дели — Ала-уд-дин Кхилджи в сопровождении одного из своих воинов. Иначе, конечно, быть не могло: разве позволил бы Рана Ратан Сингх простому парламентарю проникнуть во дворец королевы и расхаживать по ее саду, как у себя дома?

Поверив в правильность своей догадки, Радха ласково сказала своему возлюбленному:

— Ты очень мил, Сункар, но немного глуп.

— Кто? Я глуп?! — закричал воин.

— Не кричи, друг мой, — гласит восточная мудрость, — сказала Радха, — ибо если бы криком можно было построить дом, то осел имел бы по три дома в сутки... — И она, чтобы успокоить Сункара, нежно поцеловала его.

А теперь перейдем к одному из основных героев нашего повествования.

То, что он увидел в зеркале, превзошло все его ожидания. Не было ни слов, ни красок, чтобы описать всю прелесть, всю красоту недоступной, недостижимой, божественной Падмини. Особенно

запомнились Ала-уд-дину бездонные агатовые глаза ее и чуть припухшие коралловые губы на беломраморном лице.

Если бы отражение красавицы могло навсегда сохраниться в овальном зеркале, обрамленном перламутровыми драконами, он отдал бы за него половину своего царства. Но тень — есть тень, и отражение тает, как облако в лучах солнца, едва только человек отойдет от зеркала всего на один шаг.

И оно растаяло, это золотое облачко, вместе с каменным сердцем Ала-уд-дина.

Вернувшись к Рана Ратан Сингху, Ала-уд-дин Кхилджи поблагодарил вождя раджпутов за предоставленную ему возможность полюбоваться самым прекрасным из того, чем владеет раджа, — прелестной Падмини.

От предложенного ему алмаза, принадлежащего фактически Падмини, Кхилджи отказался, сославшись на то, что отобрать у женщины драгоценность — это все равно, что отнять у ребенка любимую игрушку.

Полюбовавшись игрой голубого "Хиндинура", Ала-уд-дин вернул алмаз хранителю ценностей и попросил Рана Ратан Сингха проводить его за ворота крепости.

Не подозревавший ничего дурного, Рана Ратан Сингх вышел вместе с Кхилджи и сопровождавшим его воином из крепости на разводной мост и вдруг почувствовал острую боль под левой лопаткой.

Он не сразу понял, что произошло. Падая, он ухватился за перила и в последний раз увидел клочок бирюзового неба, ажурный переплет моста и мгновенно порозовевшую, чуть зарябившую воду во рву, куда воин Ала-уд-дина бросил свой окровавленный кинжал.

Так предательски был убит вождь раджпутов — Рана Ратан Сингх.

Стража, не закрывавшая ворот крепости в ожидании возвращения своего повелителя, была мгновенно смята бросившимися в атаку воинами Кхилджи.

Делийские войска ворвались в Читтор. Город подвергся разграблению.

Узнав о случившемся, обезумевшая от горя Падмини, не желая стать наложницей победителя, совершила страшный обряд раджпутов — джаухар. Вместе с ней в пылающий костер бросилась и ее верная служанка Радха. В пламени они еще успели обняться и умерли, как подобает женщинам раджпутов, потерявших своих возлюбленных мужей.

Вечером после сражения Рамачандра доложил Ала-уд-дину:

— Враг бежал. Пленных нет. Раненых двести четыре. Убитых с обеих сторон — тысяча сто.

— Прикажи горожанам убрать мертвецов, — распорядился Кхилджи.

— Это невозможно сделать, мой повелитель, — ответил военачальник, — в Читторе нет ни одного жителя. Они бежали вместе со своими воинами по подземному ходу за реку Гамбхири и скрылись в джунглях.

Узнав о смерти Падмини, Ала-уд-дин Кхилджи не позволил грабить дворец шахини и приказал лишь взять для него голубой алмаз "Хиндинур" да овальное зеркало в раме из черного дерева с перламутровыми драконами, в котором он видел отражение прекрасной, словно цветок лотоса, красавицы, обратившейся теперь в пепел.

Вместо эпилога.

Бежав из родного города в леса и горы, жители и воины Читтора собрались на одной из полян, окруженных со всех сторон скалами и пропастями и принялись ковать оружие. Накопив его достаточное количество, они снова спустились к Читтору и ринулись на крепость. Самого Ала-уд-дина Кхилджи там уже не было: он отбыл со своими трофеями в Дели.

Рамачандра защищался с незначительным количеством оставленных ему воинов с умением и храбростью настоящего полководца.

Несколько раз крепость переходила из рук в руки, пока, наконец, раджпутам не удалось ее отбить у врага.

Через два с половиной столетия, в 1568 году, Великий Могол Акбар, властитель Дели, снова напал на мирный Читтор и, обстреляв крепость из появившихся к тому времени пушек, овладел ею. Тяжелые ядра Великого Могола разбили мраморные стены дворцов, разрушили башни крепости и превратили в осколки хрустальный фонтан, у которого некогда красавица Падмини любовалась веселой игрой золотых рыбок. Покидая город под натиском превосходящих сил противника, раджпуты дали клятву, что никто из них — ни их дети, ни внуки, ни правнуки не станут жить на одном месте, не будут спать ни на ложе, ни под кровлей, не станут есть горячей пищи до тех пор, пока их родной Читтор не будет свободным.

На просторах Раджпутаны началась кровопролитная война против войск Великих Моголов, не давшая все же раджпутам победы.

Уйдя от стен родного Читтора, они разбились на таборы и превратились в странствующих кузнецов. Раджпуты разбрелись по всей Индии и так кочевали сотни лет, ковали уже не военные доспехи, а простые серпы, лемехи, домашнюю утварь. И лишь в песнях вспоминали родной Читтор, горные хребты Араваллы, равнины Раджпутаны.

Но когда английские военные корабли бросили якоря у пустынного берега Бенгальского залива и, построив там форт святого Георга, начали захватывать индийские земли, раджпуты вместе со

всеми народами Индии вступили в неравную борьбу с колонизаторами за свою национальную независимость.

Почти два столетия на высокой мачте форта святого Георга, над многими индусскими городами, в том числе и над Читтором, колыхались флаги жестоких узурпаторов.

Колонизаторы расхищали природные богатства Индии, начиная от всемирно известного алмаза "Коинура" ["Коинур" прежде был огранен "розой" и весил 186 1/16 карата, но при вторичной отшлифовке потерял 80 каратов своего веса. Гранил его в городе Костере один из первых амстердамских шлифовальщиков Форзангер. после чего "Коинур" приобрел форму правильного бриллианта. Цвет этого камня голубовато-белый. "Коинур" считается самым старым алмазом. Найден в Гане 5000 лет тому назад. Когда-то он тоже принадлежал Великому Моголу. "Коинуром" назвал его шах Надир. В 1850 году он был "подарен" Ост-Индийской компанией королеве Виктории. С тех пор находится в английской короне (Примечание автора)], что означает "гора света", и кончая чаем, ананасами и кокосовыми орехами. Внимательно прислушивались они также к сказкам и легендам страны.

Прослышав о знаменитом алмазе "Хиндинуре", англичане с помощью дорогостоящих подъемных машин и целой системы кранов, тросов и канатов спустились на дно Алмазной пропасти. Несмотря на самые тщательные поиски, им не удалось найти ни одного драгоценного кристалла.

На дне ущелья были найдены лишь два хорошо сохранившихся скелета, пролежавшие там более трех тысяч лет: один из них принадлежал лошади, а второй — человеку индо-арийской расы, как установлено антропологами.

Вероятнее всего, что этот человек ехал верхом из Голконды или какой-нибудь иной алмазоносной местности с большим количеством алмазов и знаменитым голубым "Хиндинуром", найденным им в рудниках Партеала или в пещере Пастиль, но был каким-то образом убит, после чего испуганная лошадь бросилась в сторону и свалилась вместе со всадником и алмазами в бездну.

При исследовании человеческого черепа антропологами было установлено, что он имеет два небольших круглых отверстия — одно в затылочной части головы, второе — в лобной и что оба эти отверстия образовались вследствие прохождения сквозь череп металлического тела, подобного пуле крупного калибра.

В те далекие времена еще не был изобретен порох, и причина возникновения сквозных отверстий в черепе человека, погибшего более трех тысяч лет тому назад, остается неразрешенной загадкой.

Впрочем, судя по историческим храмам и памятникам старины, культура индусов в древние времена была на такой высоте, что,

возможно, в Индии будут сделаны еще самые невероятные археологические открытия.

6 апреля 1955 года, после изгнания англичан из Индии, Джавахарлал Неру, собрав всех раджпутов, торжественно ввел их в родной город.

Теперь над Читтором колыхаются трехцветные флаги независимой Индии, и уже ни раджи, ни магараджи и ни — какие великие Моголы и европейские колонизаторы не посмеют нарушить спокойной жизни освобожденного на — рода!

Новелла двенадцатая О ПРОПАВШЕМ АЛЕКСАНДРИТЕ И ОБ ОДНОМ НЕОСТОРОЖНОМ ШАГЕ

Осень еще не наступила, а лебеди уже летели на юг.

Тоскующим взглядом провожал их полковник Гафаров, начальник оперативного отдела разведки одной из стран Ближнего Востока. Вот уже восемь лет прошло с тех пор, как он переменял мягкий климат субтропиков на северный — Соловков.

Его появление в монастырско-тюремной обители осталось незамеченным в связи с чрезвычайным событием, происшедшим в тот день в Соловках.

Событие это взбудоражило спокойную жизнь не только монастырской братии и архангельского губернатора, но и самого архиепископа.

Дело в том, что из алтаря монастырского храма исчезла золотая митра, усыпанная крупным скатным жемчугом и самоцветами, среди которых находился огромный, редчайший по густоте окраски александрит. Этот уникальный уральский камень с переливами от изумрудно — зеленого до рубиново — красного цвета был отшлифован старым русским умельцем Прохоровым на Екатеринбургской гранильной мельнице и оценивался в сто тысяч рублей серебром.

Повальные обыски среди монастырской братии, аресты и пытки не дали никаких результатов; уникальная митра исчезла бесследно.

В постах, акафистах и колокольном звоне, в звяканье кандалов спрятанных в подземелья особо важных государственных преступников протекали дни, месяцы, годы, и о пропавшей драгоценности забыли и святые старцы, и сам настоятель монастыря.

Забудем на время и мы о ней и расскажем пока о полковнике.

Он живет в одиночной камере, бывшей монашеской келье, расположенной на первом этаже двухэтажного здания с ржавыми решетками на узких окнах.

Иногда, в особенно ясные дни, луч света точно украдкой проскальзывает сквозь решетку и освещает мокрый от вековой сырости угол каземата.

Полковник Рамазан Гафаров — высокий, худой сорокапятилетний мужчина с болезненным румянцем на щеках. По утрам он обычно

сидит у окна на деревянной скамейке, смотрит карими бархатистыми глазами на древние стены соловецкого кремля, на визгливых стрижей, чертящих по белесому небу дуги, тихо покашливает и думает одну и ту же невеселую думу.

До конца срока осталось два года, но вряд ли он, больной туберкулезом, проживет эти два года, и никто на его родине никогда не узнает, как попал в западню опытный разведчик, не раз засылавший шпионов на территорию России.

Там, далеко, на берегу тихой бирюзовой бухты, в беломраморном двухэтажном домике, где помещается центральное отделение его разведки, отлично знают об его исчезновении и, вероятно, имеют даже сведения, где он. Так почему же они молчат?

Почему родина, ради которой полковник Гафаров не раз рисковал жизнью, родина, которой он отдал всего себя, все свои силы, ничего не пожелала сделать для него, когда он очутился в беде?

А сколько друзей было у него... И все они остались там, в белом мраморном домике, утопающем в гуще мандариновых деревьев и вечноцветущих роз на берегу голубого моря.

Вот проплывает перед ним красивое лицо Сали Сулеймана, ловко разоблачившего одного из шпионов союзной державы. Вот улыбающийся остряк Хафыз, написавший сам на себя донос. А вот чья-то склоненная над письменным столом седая голова с орлиным носом и опущенными углами чувственных губ. Это его начальник — Музафар-бей, властный, самолюбивый старик, не допускавший ничьих возражений.

Но все эти лица вдруг заслоняет нежное женское лицо с темно каштановыми волосами, расчесанными на прямой пробор, и с огромными зелеными глазами. Это прекрасная Мерием... Ах, почему он тогда не пристрелил ее?! Стоило ему в тот роковой момент сосредоточить на ней внимание, он успел бы выхватить свой пистолет и всадить в это обласканное им тело всю обойму. Вот о чем теперь более всего сожалел полковник...

Внешне Гафаров всегда спокоен, но мысли, скрывающиеся за высоким лбом, обрамленным темными с серебристой проседью волосами, бурлят и клокочут, как в кипящем котле, и обжигают воспаленный мозг...

В первые три года пребывания в Соловках он каждую осень, перед отлетом птиц в теплые страны, надевал на лапки прирученным монахами и богомольцами чайкам жестяные кольца, на которых были нацарапаны "SOS", его старая кличка и координаты.

Но друзья молчали, словно опасаясь нарушить веками установившееся правило всех разведок мира: отказываться от своих "провалившихся" шпионов и лишь в редчайших случаях обменивать их на пойманных таких же "инкогнито" той страны, где томится в заключении особо нужный им человек.

Пять лет назад Гафаров начал кашлять, а в прошлом году ощутил на языке солоноватый привкус крови и понял, что это начало конца. И все же где-то глубоко в груди еще теплилась надежда.

В редкие дни, когда подле монастырской тюрьмы дежурил часовой татарин Хадзыбатыр, он разрешал полковнику выходить за ворота кремля к берегу моря.

Зная о тяжелом состоянии здоровья государственного преступника Гафарова, монастырско-тюремное начальство смотрело на эти "тайные" прогулки сквозь пальцы, так как было твердо уверено, что больной полковник "учинить утечки не может". Да и сам Рамазан понимал, что побег с Соловецких островов без специальной подготовки невозможен. Об этом свидетельствовали неудачные попытки бегства как в прошлом, так и в этом веке — и нижегородского посадского Дружинина, и матроса Куницына, и многих других заключенных.

Дойдя до берега и присев на обкатанный морем валун, Гафаров часами пристально смотрел на ажурные кружева холодного темно-стального моря, и порой ему казалось, что вот сейчас на горизонте появится присланная за ним канонерка. Но вместо нее неожиданно показывалась громадная спина белухи [Млекопитающее морское животное] и снова исчезала в пенных кружевах.

Слушая шуршанье волн, умирающий разведчик закрывал глаза и снова видел бирюзовую бухту с беломраморными дворцами, затерянными в изумрудной зелени листвы. А за ними, сверкая золотом и переливаясь всеми цветами радуги, поднимался купол величественной мечети с двумя вылепленными, словно ласточкины гнезда, минаретами. Справа от мечети, в европейской части города, виднелся отель "Золотой олень", где полковник так часто встречался с друзьями, и однажды, за день до своего несчастья, ужинал с коварной Мерием. Ее настоящее имя, конечно, Мария, а не Мерием. Это он понял еще там, в пограничном лесу, при первом и последнем их любовном свидании. Несомненно, эта красавица с беломраморным телом — не немка и не гречанка, а русская. И как он сразу не догадался! Если бы не она, не эта ужалившая его в самое сердце змея, он был бы свободным, счастливым, богатым человеком и не харкал бы по утрам кровью на затерянных где-то на краю света Соловецких островах.

За восемь лет пребывания в этой проклятой аллахом бухте Благополучия он изучил историю Соловков. Изучил досконально, как профессиональный разведчик.

Гафаров знал, что Соловецкие острова с расположенными на них тремястами озер находятся в Кемском уезде Архангельской области, что слово "Кемь" появилось якобы после того, когда взбешенный безобразным поведением своего денщика император всероссийский Петр I начертать соизволил: "Выслать полковника Сысоева к е. м. к

поморам". Что стены кремля начали строить в 1484 году и что Соловки в 1694 и 1702 годах посещал Петр Первый, предусмотрительно пожаловав монастырю двести пудов пороху.

Знал также Гафаров и то, что Соловки с незапамятных времен являлись местом заточения непокорных старообрядцев, попов-расстриг, провинившихся игуменов и некоторых особо важных государственных преступников, таких как Петр Толстой, Василий Долгорукий, декабрист Александр Горожанский...

В предпраздничные и праздничные дни, когда вся монастырская братия замаливала свои и чужие грехи в соборе, Гафаров выходил на главный двор Соловецкого кремля — "на прогулку". Здесь он не раз сидел и отдыхал на скамье у надгробной плиты из серого отполированного гранита.

Знал Гафаров и то, что Соловки с древних времен привлекали многие европейские государства, в особенности Великобританию. Пользуясь занятостью русского флота в Крымской войне и вступлением Англии в войну с Россией, 7-го июля 1854 года к бухте Благополучия подошли два английских трехмачтовых фрегата и с боем попытались овладеть Соловками. Открыв огонь по монастырю из тридцати пяти орудий, англичане потребовали сдачи "крепости", но игумен архимандрит Александр повелел имевшейся в кремле военной команде, состоявшей из одного сотника и пятидесяти казаков, принять бой.

Из восьми пушек, установленных в амбразурах кремлевских башен, было дано несколько залпов, не причинивших, однако, фрегатам никакого вреда.

Ядра английских батарей били по стенам кремля, попадали в Преображенский собор и во двор монастыря, а картечь крепостных орудий не долетала до английских кораблей.

Тогда игумен приказал выпустить из Головленковской башни и всех застенков монастырского каземата заключенных — расстриженных попов и монахов — и объявил им, что если под огнем "аглицких батарей" они выкатят за монастырские стены пушки, подведут их ближе к фрегатам и заставят врага отступить, то "родина не забудет своих сынов, защитивших отечество от супостата".

Заключенным терять было нечего, и они решили, что лучше умереть в неравном бою, чем сгнить в каменном мешке каземата.

Годами не видевшие дневного света, босые, лохматые люди в рваных подрясниках выкатили два полевых орудия за ворота кремля и, установив их на холмах, бесстрашно сражались с цивилизованными пиратами в течение девяти часов.

Англичане стреляли залпами из тридцати пяти орудий последнего образца, по всем правилам военной науки, стреляли по горсточке полутолых людей, прячущихся за двумя холмами.

В ответ на эти залпы попы — расстриги и монахи, осеняя себя двуперстным старообрядческим крестом, били прямой наводкой по качавшимся на волнах величавым фрегатам.

Во время этого боя на первом фрегате была сбита одна из мачт, на палубе второго взорвалась бочка с порохом, после чего английские корабли ушли в открытое море и уже никогда больше не подходили к Соловецкому архипелагу.

Победу над англичанами торжественно отпраздновали в монастыре.

К литургии ударили в большой тысячестопудовый колокол с двадцативосьмисаженной высоты главной колокольни, затем стали звонить во все тридцать пять колоколов, словно бы по числу пушек на ушедших вражеских фрегатах.

В большом Преображенском соборе был отслужен благодарственный молебен с песнопением и акафистом. Молились за всех "в бозе почивших убиенных" и за здоровье уцелевшего "христианского воинства".

Архимандрит Александр тогда же обратился в святейший Синод с ходатайством об освобождении из темниц заключенных героев и временно разрешил им поселиться в кельях. Через два месяца из Синода пришел строгий приказ о "водворении всех татей и богоотступников" в казематы, "в коих они пребывали до 7 июля сего года". Предписывалось "содержать оных в строгости и повиновении".

А через несколько лет у южной стены кремля одна за другой стали появляться скромные могилы забытых героев...

Дул холодный северный ветер. Рамазан взглянул на серый, как солдатская шинель, горизонт чужого, неприветливого неба и снова ощутил на языке привкус крови.

Вдруг Гафарову показалось, что валун под ним дрогнул и опустился. Рамазан вскочил и внимательно осмотрел гранитную глыбу. Убедившись, что камень по непонятной причине действительно осел, полковник взял палку и ковырнул порыхлевшую землю. В ту же секунду он услышал звон металла и увидел край золотого креста. Удивленный неожиданной находкой, Гафаров присел на карточки и, оглядевшись по сторонам, стал руками отгребать щебень и землю. Ломая ногти и царапая о щебенку пальцы, Рамазан отбрасывал комья суглинка, забыв о своей болезни, не слыша звона колоколов, не видя расстилавшегося перед ним моря...

Наконец находка была извлечена из-под валуна. Ею оказалась та самая осыпанная жемчугом, самоцветами и украшенная непревзойденным александритом некогда пропавшая из монастыря золотая митра. От долгого нахождения в земле жемчуг пожух, самоцветы, припорошенные желтоватой пылью, поблекли, и лишь огромный александрит сверкал своим ярким переливчатым блеском.

Не задумываясь, почти машинально, Гафаров начал отгибать острой галькой плоские лапки, охватывавшие александрит. Он понимал, что главную ценность представляет не золото митры с массивным крестом, не жемчуг и самоцветы, а этот изумрудно-зеленый камень.

И вот александрит оказался на ладони Рамазана. Что делать с митрой? Решение было найдено почти мгновенно: "преступник, оставляющий след, не преступник, а самоубийца".

Обтерев платком камень и заложив его за щеку, Гафаров взял митру и, подойдя к морю, швырнул ее в набежавшие волны. Митра упала крестом вниз, покачалась несколько секунд в мутной пене и исчезла под водой.

Слушая шуршание волн и глядя в даль, где плескались в дымке тумана неуклюжие, поросшие каким-то рыжим мхом тюлени, умирающий разведчик невольно сравнил их с грациозными дельфинами, играющими в солнечных лучах голубого моря. Мгновенно потускнела радость находки, и тотчас с удивительной ясностью вспомнил он всю историю своего падения в бездну...

Он познакомился с Мерием в высшем аристократическом обществе, в доме одного из членов правительства. Потом несколько раз Рамазан и Мерием случайно встречались то в театре, то в парке, и вскоре полковник почувствовал, что она — именно та женщина, которую он давно искал, о которой мечтал всю жизнь. Мерием при встрече всегда ласково улыбалась, обнажая свои чуть влажные жемчужные зубы, иногда позволяла Гафарову провожать себя, а при прощании как-то особенно дружески отвечала на его рукопожатие...

В тот роковой майский день, когда полковник выходил из одной подозрительной транспортной конторы, расположенной в порту и занимающейся, по имеющимся сведениям, контрабандой, он вдруг увидел Мерию в светлом спортивном костюме. Она непринужденно поднималась по трапу на сверкающую белизной яхту. Рамазан окликнул Мерию в тот момент, когда яхта собиралась отчалить от берега.

— Счастливого плавания, — сказал полковник.

— Благодарю, — ответила Мерию и помахала ему рукой.

— А может быть, и меня возьмете с собой на прогулку? — в шутку предложил полковник,

— Садитесь!

Рамазан прыгнул в яхту, и она с раздутыми паруса — ми понеслась по бирюзовому зеркалу бухты, мимо стоящих на якорях иностранных пароходов с разноцветными флажками.

Что же было дальше?.. В памяти остался удивительный полет чайки — словно пущенный бумеранг; кружева морской пены за кормой лодки и нежный, как лепесток розы, поцелуй.

Потом расшалившейся Мерием захотелось уплыть из бухты в открытое море. Там, в открытом море, к ним подплыла лодка, и сидевший в ней бородатый человек в зеленой фуражке с гербом потребовал предъявить документы. Гафаров показал таможенному чиновнику свой служебный пропуск. Человек кивнул головой и исчез со своей лодкой.

Потом Мерием почувствовала себя плохо и попросила подплыть к берегу. Все это полковник отлично помнил. Вот они вышли на берег. В поисках тени вошли в лесок. Там Мерием прилегла на траву и вдруг протянула к нему свои полуобнаженные руки. Все это было как во сне, а когда он очнулся, то увидел, что вокруг стоят с ружьями наперевес какие-то люди. Их было много, этих вооруженных людей. Пожалуй, более десяти, а он — один, если не считать отбежавшей в сторону Мерием. И все же полковник выхватил свой пистолет, но тут же сильный удар в голову свалил его с ног.

Потом солдаты набросили на Гафарова какие-то ковры и долго заворачивали его в эти пахнувшие нафталином и махоркой противные тряпки. Затем тюк опустили на дно фелюги. Помнил еще Гафаров, что его качало, как в люльке, и кто-то, издеваясь, пел над ним, изменяя слова, колыбельную песню.

Да готовясь в бой опасный,
помни мать твою...

И слышался хохот, похожий на лошадиное ржанье. А потом тюрьмы, допросы, этапы, пересылки. Неосторожный шаг полковника одной из стран Ближнего Востока, начальника оперативного отдела разведки Рамазана Гафарова, привел его на Соловки.

На первом допросе арестованный потребовал, чтобы пригласили прокурора. Его просьба была удовлетворена, и полковник высказал прокурору свое презрение к недопустимым методам русской контрразведки.

Ведь даже у цирковых борцов есть запрещенный прием "ключ", с жаром говорил Гафаров, а боксерам не разрешается наносить противникам удары ниже пояса. И то, что сделали с ним, профессиональным разведчиком, схватив его на чужой территории во время любовного свидания, он считает нечестным, недопустимым приемом борьбы со стороны уважающего себя государства.

Прокурор был предупредительно вежлив. Выслушав тираду полковника, он спокойно сказал:

— Видите ли, в вашем деле имеется акт, из которого явствует, что вас взяли на территории Российской империи. Возможно, это случилось вблизи границы, но суть дела от этого не меняется.

Отпив глоток воды из толстого граненого стакана, прокурор продолжал:

— В своих любовных отношениях, судя по тому, что указано в акте, вы зашли слишком далеко и, возможно, не заметили, как

перешагнули территориальную границу Российской империи. Что же касается приемов разведок и контрразведок, то они никогда не отличались кристальной чистотой. Говоря по существу поднятого вами вопроса, должен заметить, что он лишен необходимой аргументации... Если у вас будут какие-либо претензии, касающиеся неправильности ведения дела, я к вашим услугам.

На этом аудиенция была закончена, и прокурор, вежливо кивнув головой, удалился.

Гафаров понял, что апеллировать не к кому, что вся надежда — на счастливый случай. А случая этого в течение восьми лет так и не произошло.

Иногда по ночам Гафарова мучила мысль: что, если не Мерием, а кто-то другой предал его? Но нет, этого не могло быть! Кто еще знал о его прогулке по морю и откуда так внезапно в лесу появились русские солдаты и белобрысый подпоручик с наглой улыбкой?

Мысль эта лишала Гафарова сна, густая темень ночи незаметно превращалась в белесое утро.

Эти переходы света и тени — от дня к ночи — всякий раз напоминали полковнику о надежно спрятанном в трещине стены александрите. Рамазан любил помечтать о той перемене в жизни, какую может дать ему этот бесценный камень. Если все окончится благополучно и Гафарову удастся выжить и вывезти самоцвет на родину, какой фантастически сказочной станет его жизнь! Ведь на деньги, полученные за камень, можно будет купить любой дворец с мандариновой рощей, фонтанами и беседками. Не зря ведь так славятся уральские александриты.

Впервые этот редкий и красивый самоцвет был найден на Урале в слюдяном сланце при разработке изумрудных копей, в ста километрах от Екатеринбурга. Камень назван финским минералогом Н. Норденшильдом александритом в честь Александра II в связи с тем, что первый его кристалл был обнаружен в день совершеннолетия императора — 17 апреля 1834 года (если только эта дата не подтасована придворной камарильей, всячески угождавшей царю). И хотя камень молод, о нем уже сложено немало легенд...

Проснувшись однажды ночью в своей сырой узкой камере, похожей на каменный склеп, полковник зажег огарок восковой свечи, достал спрятанный камень и долго любовался его кроваво-красными переливами. Этот меняющий свою окраску самоцвет мог быть талисманом шпионов и актеров: как и они, он живет двойственной жизнью.

Гафаров вдруг вспомнил давний эпизод, ничем, в сущности, не примечательный, но оставивший в его юношеском сердце тихую печаль.

В то далекое время, когда он учился еще в корпусе, отец подарил ему мелкокалиберное ружье. Как-то ранней весной, когда неожиданно

выпавший снег еще не весь растаял, он услышал за окном в саду удивительно звонкое пение какой-то птицы. Схватив свое ружьецо, Рамазан выскочил на террасу и увидел птицу с зеленовато — голубыми перьями на крыльях и белой грудкой. Птица сидела высоко на дереве, пела и била крыльями, подзывая к себе серенькую, скромно оперенную самку. Рамазан прицелился и выстрелил. Самка мгновенно улетела, а красавец самец лишь покачулся на ветке, но не упал. "Должно быть, я промахнулся, а птица эта, как глухарь во время своей любовной песни, не слышала выстрела", — решил юноша. Но что это? Под деревом, на клочке нерастаявшего снега, зардела маленькая искорка крови, потом рядом заалела вторая, третья, четвертая, а птица, словно прикованная к ветке, все сидела не шевелясь, медленно истекая кровью. Потом она упала, как тряпка, в красную лужицу, и белая ее грудка окрасилась в ярко-рубиновый цвет, стала такой же, как александрит при свете огарка свечи. Рамазан не подошел к убитой птице, не поднял ее. На душе было какое-то гнетущее чувство, словно что-то омерзительно — гадкое совершил он: никому нельзя об этом рассказать, но и забыть невозможно,

Почему он вспомнил сейчас, через десятки лет, об этой птице, о кроваво-рубиновых каплях на снегу? Вероятно, потому, что полковник сам теперь, как та птица, умирает, истекая кровью. Еще месяц, два, три, в лучшем случае год, и не станет Рамазана Гафарова, Ведь чудес на свете не бывает.

Но чудо случилось.

В один из ничем не примечательных дней, перед заутреней, в камеру к больному Гафарову пришли сам настоятель монастыря и начальник охраны. Подойдя к краю топчана, игумен заговорил вкрадчивым голосом.

— Вас затребовали в Петербург, в Правительственную канцелярию. Умудренный опытом, склонен думать, что сие на предмет вашего обмена. Полагаю, что вы на нас не в обиде. Мы к вам относились с христианским милосердием, невзирая на ваше иноверие. Надеюсь, жалоб с вашей стороны ни в Синод, ни в канцелярию не последует.

И, не дожидаясь ответа, вышел из камеры. Поручик козырнул и, щелкнув каблуками, удалился вслед за архимандритом.

Рамазану захотелось вскочить с постели, выбежать во двор кремля и ходить, ходить быстрыми шагами вперед и назад, вперед и назад... Но он отлично понимал, что двигаться — даже на постели — ему нужно медленно, не напрягаясь, иначе может случиться...

Все может случиться с больным человеком, харкающим кровью.

А хочется, до безумия хочется еще хоть раз в жизни взглянуть на голубой зеркальный залив, на золотой купол родной мечети, узнать хоть что-нибудь о предавшей его Мерием.

Ах, если бы его только действительно обменяли! Он бы подлечился немного, поехал в качестве обыкновенного "купца" в Россию, отыскал

Мерием — хоть на дне моря — и задушил бы эту игравшую в любовь женщину.

Взбудораженный мозг вдруг обожгла шальная мысль: а что, если Гафарова хотят обменять на попавшую в тенета его разведки Мерием? Нет, такого совпадения не могло быть!..

Огромным усилием воли Рамазан заставил себя успокоиться, погасил нелепую мысль и уснул...

В день отъезда из Соловков Гафаров спрятал александрит в ломоть обгрызенного ржаного хлеба и положил его в котомку вместе с этапным пайком, полученным на дорогу.

Идя в порт в сопровождении вооруженных солдат, Рамазан невольно улыбнулся: эти тюремщики и не подозревают, что охраняют они не только его, но и драгоценный александрит, перед которым блекнут самые яркие самоцветы мира.

Нет, он не считает себя вором. Пусть вывозимый им из России уникальный камень будет хотя бы частичным вознаграждением за восемь тяжелых унижительных лет, проведенных в неволе, за потерянное здоровье, за ту омерзительную жизнь, которую ему уготовила несправедливая судьба.

Когда плыли в пароходном трюме в Архангельск, а затем с тем же конвоем ехали в пустом товарном вагоне, пахнущем сеном, Гафаров думал: почему именно теперь обе державы решили предоставить Рамазану свободу и вернуть ему родину? Может быть, это александрит, как талисман, принес ему счастье?! Нет, вероятнее всего в его стране произошли какие-то коренные изменения, а правительство России удостоверилось в том, что некогда грозный полковник, бывший начальник оперативного отдела одной из восточных разведок, превратился в безвредного, умирающего льва, которого теперь можно спокойно погладить голой рукой,

Вспомнил еще Гафаров, что когда он был совсем молодым офицером и интересовался архивом разведки, то обнаружил однажды в нем копию письма начальника Петербургского главного штаба Дибича, адресованного архангельскому губернатору Миницкому по поводу Соловецкого монастыря. Эта тихая обитель с расположенной внутри ее тюрьмой, по-видимому, заинтересовала палача декабристов Николая I, и Дибич запрашивал губернатора: "Сколько возможно будет в оной обители поместить арестантов офицерского звания?" Самодержец считал, что не только декабристы, но всякий инакомыслящий человек должен быть изъят из обращения, как фальшивая монета.

На другой день по прибытии в Санкт-Петербург Гафарову было предоставлено личное свидание с торговым атташе аккредитованного в России посольства.

Поздоровавшись с Рамазаном и назвав себя Мустафой Усмановым, атташе рассказал полковнику о переменах, происшедших в организации, в которой некогда работал Гафаров.

— Три месяца тому назад умер начальник разведки Музафар-бей, властный старик, неоднократно возражавший против вашего обмена, — заявил атташе.

— Конечно, я понимаю, — сказал Рамазан, — старик не мог простить мне мой неосторожный шаг.

— На место Музафар-бея назначили вашего старого друга — Сали Сулеймана. Он-то и потребовал вашего обмена.

— Так, значит, Сулейман начальник отдела! — обрадовано воскликнул полковник и закашлялся.

— Не надо так волноваться, — тихо произнес Мустафа Усманов. — У вас все плохое теперь позади, а впереди много светлого и радостного. Завтра утром мы с вами поедем в один из черноморских портов, а там на пароходе поплывем в нашу столицу. Вы ее теперь не узнаете.

"Неужели это не сон? — думал Гафаров. — Неужели я снова буду свободным человеком и смогу ходить куда захочу?! Буду, как прежде, бывать на банкетах, в театрах, ужинать в отеле "Золотой олень", спать на подогретых простынях и встречаться с женщинами?!"

От этих мыслей кровь ударила ему в голову. Рамазан улыбнулся и, чтобы не прерывать милой беседы, как бы между прочим спросил:

— А не скажете ли вы, уважаемый Мустафа, — если, конечно, это не секрет, — на кого меня обменивают?

— Извините, но обменивают не вас, а Османа Шерафеттина на Павла Каратомерова.

— В таком случае не понимаю, при чем тут я?

— Вы? Видите ли... Этот Павел Каратомеров — очень крупная фигура, и за него дают Османа Шерафеттина, ну и вас... если можно так выразиться... вместо довеска.

— Что?! — воскликнул Гафаров и, вскочив на ноги, заметался по комнате. Ему показалось, будто его ударили хлыстом по лицу.

— Нет! — вдруг закричал он. — Я никуда не поеду! Вы не посмеете обменять меня насильно!

— Что с вами? — спросил атташе и тоже поднялся.

— Ничего. Ровным счетом ничего, — сдерживая себя, ответил полковник. — Я прошу вас передать моим коллегам, что Гафаров — выжатый лимон, изношенная перчатка, труп. Его незачем и не для чего обменивать. Он не может уже дать родине ни грамма пользы... — И, припав к подоконнику, Рамазан закрыл лицо руками.

— Успокойтесь, успокойтесь же, — сказал атташе. — Нельзя в такой радостный момент впадать в истерику.

— Извините... Нервы... Восемь лет... Это слишком много для одного человека, — пояснил Гафаров.

— Простите, мне кажется, мы отвлеклись от основной темы, Итак, разрешите продолжать, На меня, как на официальное лицо, возложили миссию доставить вас на родину. Вы понимаете, что если мы поедem на одном пароходе, то будем находиться не только в разных каютах, но и в разных классах. Подходить ко мне во время пути не следует. Я думаю, это вам понятно. В силу некоторых, быть может, случайно сложившихся обстоятельств, мы стоим с вами в настоящее время на разных ступенях. Полагаю, мое предупреждение вас не обидело.

Эти слова окончательно вывели Рамазана из равновесия. Ему мучительно захотелось показать вывезенный из Соловков уникальный александрит этому жирному индюку и крикнуть, что Гафаров будет на родине богачом, а чиновник-лебезящим перед ним пресмыкающимся! Он взглянул на выхоленное лицо атташе, на его тонкие пальцы с выкрашенными хной ногтями и подумал: не сказать ли этой "важной персоне", что оба они — птицы одного полета?

— А не ответите ли вы мне, — спросил Рамазан, — почему некоторые аккредитованные полпреды и атташе могут безнаказанно заниматься шпионажем?

— Если в комнате нет часового, из этого не следует, что нас никто не слышит, — сдержанно произнес атташе.

— Почему эти счастливики, — все более воспламеняясь, почти выкрикивал Гафаров, — пользуются правом неприкосновенности личности? Кто придумал им эту бесчестную привилегию? Чем они лучше нас, профессиональных шпионов, рискующих жизнью?!

— Извините, господин полковник, я отказываюсь продолжать с вами беседу на тему, не имеющую никакого отношения к вашему личному делу. Меня на это никто не уполномочивал. — И, помолчав, добавил: — Судя по всему, вы отказываетесь ехать на родину?

— Да! И скажите моим друзьям, — задыхаясь, ответил полковник, — передайте им, что я, знаете, привык жить за решеткой, привык в тюрьме ходить на прогулку по кругу, как цирковая лошадь по манежу. Мне все это безумно нравится, и я не хочу расставаться с предоставленной мне "привилегией". Передайте им также, что когда человек умирает, не все ли ему равно, где умирать!

— Имею честь откланяться, — сказал атташе и вышел из комнаты.

...Обратно в Соловки Гафарова везли по этапам. По прибытии он был уже в безнадежном состоянии.

За день до смерти умирающий полковник попросил часового татарина Хадзыбатыра пригласить к нему игумена монастыря по весьма важному делу.

Святой отец не замедлил явиться.

— Вот тот драгоценный камень, — пробормотал умирающий полковник, — о котором говорили... А ваш церковный цилиндр лежит

на дне моря в семи шагах от берега... против валуна, на котором я обычно отдыхал.

Пораженный игумен схватил камень и зажал его в кулак, как ребенок, у которого хотят отнять игрушку.

— Неужели?! — воскликнул епископ. — Как же вам это удалось?! Впрочем, вы по сыскной части служить изволили, вам и карты в руки. Завтра же из схимников русалок сделаю, достанут со дна моря митру драгоценную! — И, помолчав, добавил: — А вор-то, ссыльный монах, Иуда, намедни в лесу удавился. Украсть-то сумел, а потери не перенес. О том ножичком, подлец, на березе начертал. На той, на которой, окаянный, повесился.

Поблагодарив Гафарова за неоценимую услугу и пообещав прислать кварту целебного церковного вина, его преосвященство удалился.

Утром полковник Гафаров умер в своей маленькой камере, похожей на каменный склеп.

Похоронили его у южной стены кремля, рядом с безвестными героями, попами-расстригами и монахами, некогда защищавшими родину от иноземных захватчиков.

А однажды, вместе с прибывшими в бухту Благополучия богомольцами, у стен кремля появился какой-то восточного типа человек в чалме. На закате солнца он расстелил у могилы Гафарова старую черную бурку, стал на колени, поднял руки к холодному небу, и стены православного монастыря впервые за сотни лет услышали молитву правоверных:

"Ашхаду ан ла иллаха илла аллах. Уо шхаду анна Мухаммедан расулу аллах" [Нет бога, кроме аллаха, И Магомет — его пророк].

Юность Рассказ)

Вам, славной украинской девушке, я посвящаю этот рассказ о нашем путешествии по астраханской степи. Вы, вероятно, помните о нем столько же, сколько и я. Неизвестным осталось вам лишь одно обстоятельство. Обстоятельство, из-за которого ваша жизнь могла тогда легко оборваться. К счастью, случаю угодно было пощадить вас...

Конечно, эту тайну я должен был открыть вам если не тогда же, то давным-давно, но годы мчались, как всадники, и некогда было обернуться. Лишь теперь, спустя полвека, вспомнилась мне до мельчайших подробностей наша давняя случайная встреча.

Когда я думаю о вас, милая Лида, мне совершенно отчетливо представляется бескрайний океан золотого песка, оранжевое солнце, кутающееся в мохнатую тучу, и веселый калмык, едущий рядом с нашей повозкой на низкорослой лошаденке и поющий одну и ту же песенку:

Ах, как низко летит стая гусей!
Побегу, догоню последнего,

Выву перо белое,
Пошлю весточку любимой...

Когда калмык с трудом перевел вам слова этой песенки, вы заплакали. Ваши слезы не удивили меня. Я считал себя уже вполне взрослым мужчиной (так как я еще в прошлом году окончил реальное училище), вы же только что оставили дортуар Института благородных девиц, забыв там томик сентиментальных повестей Чарской и навсегда распрощавшись со своими милыми наивными подругами. Ваш институт, заброшенный вихрем революции из Полтавы во Владикавказ, должен был эвакуироваться в Сербию от "страшных" большевиков. Вы, конечно, хорошо помните необычный разговор в тот январский день с вашей начальницей и случайную встречу со мной. Как могло случиться, что вы, такая тихая, скромная девушка, с двенадцатью баллами по поведению, вышли вдруг из повиновения и наотрез отказались покинуть родину?! Но не будем забегать вперед — начнем все по порядку.

В середине января 1920 года я бродил по городскому саду маленького приветливого городка Владикавказа. Городок этот расположился на обоих берегах шумного Терека, ворочающего огромные валуны и несущего из Дарьяльского ущелья обломки скал, сорванных мощным потоком необузданной, вечно пенящейся горной реки.

На окраине города, за чугунным мостом, Молоканской слободкой и кадетским корпусом, начиналась Военно-Грузинская дорога, связывающая Предкавказье с Закавказьем. Город Владикавказ был построен в 1784 году на месте осетинского селения Дзауджикау и фактически являлся крепостью и форпостом для продвижения русских войск в глубь Кавказа.

В годы, когда я учился в реальном училище, город Владикавказ представлял собой сплошной зеленый сад: огромный трек с двумя прудами и тополевыми аллеями примыкал к самому Тереку, за которым сверкали ажурные окна персидской мечети, увенчанной бирюзовым куполом. Городской сад с ротондой и летним театром, фруктовые сады, скверы и бульвар главного проспекта, начинающийся от памятника Архипу Осипову и кончающийся у Осетинской слободки, — все это было украшением Владикавказа. Большинство "отцов города" были отставные полковники и генералы, а также состарившиеся петербургские и московские чиновники, накопившие за свою трудную жизнь скромные капиталы и удалившиеся от суетного света в тихую предгорную обитель. Кроме небольших капитальцев, отставные генералы и чиновники привезли с собой в провинциальный городок дородных Татьян Кузьминичных и Полин Дормидонтовных с целыми выводками Олечек, Манечек, Лизочек, Володей и Шуриков. Молодое поколение, поступив в

женские и мужские гимназии и реальные училища, задавало тон в городе и увлекалось поэзией, театром и Шопенгауэром.

В трудные дни революции город, состоящий из центральных улиц, Шалдона, Осетинской и Молоканской слободок, как упавший наземь праздничный пирог, расслоился и распался на куски.

Пролетарский Шалдон и Осетинская слободка всеми своими помыслами и деяниями примкнули к большевикам, а центр города и Молоканская слободка, которую населяли в основном владельцы фруктовых садов и легковых извозчицких фаэтонов, оставались верны "единой неделимой".

То, что полгорода, где был лишь один медно — цинковый завод со считанным количеством рабочих, безоговорочно примкнуло к большевикам, являлось заслугой С. М. Кострикова (Кирова) и его русских и осетинских друзей — убежденных революционеров, живших в те годы в тихом заштатном городке Владикавказе и накапливающих силы для борьбы с самодержавием.

К этому времени Олечки, Танечки и Лизочки, закончив свои гимназии и епархиальные училища, повыходили замуж — кто за талантливого присяжного поверенного, кто за блестящего офицера, а кто даже за сына нефтепромышленника, случайно посетившего Владикавказ как раз в пору расцвета Олечек и Танечек. Что же касается Володей и Шуриков, то они, возмужав, разошлись разными дорогами: одни пошли в юнкера, другие к большевикам. Прежние одноклассники стали непримиримыми врагами.

Итак, я продолжу свое повествование. Гуляя по городскому саду, я встретил Костю Гатуева. Мне хорошо было известно, что старший его брат Николай работал вместе с Кировым в газете "Терек" и что Сергей Киров часто бывал как в нашем, так и в их доме. Вспоминаю курьезный случай из жизни этих двух журналистов. Газета "Терек" была либерально — прогрессивной. Издателем и редактором ее был Казаров — малограмотный, но весьма изворотливый делец, обладавший недюжинным умом и приличным капиталом.

Основными сотрудниками газеты "Терек" были Сергей Киров и Николай Гатуев. Киров писал главным образом политические и экономические статьи, а также литературные и театральные рецензии. Николай Гатуев специализировался на очерках и фельетонах. Оплата за статьи, очерки и фельетоны была мизерной, и лишь заметки в рубрике "Убийства и грабежи" оплачивались по повышенному тарифу.

Интерес к этому разделу был на Кавказе велик еще со времени Зелимхана, знаменитого абрека, терроризировавшего в течение нескольких лет имущее население Владикавказа, Грозного и полицию аулов и городов. Этот атаман, принимая в свою шайку новых абреков, требовал от них клятвы в известной степени революционного содержания: "Клянемся, что белое — черное, а черное — белое и что реки текут не вниз, а вверх". Этой фразой Зелимхан, видимо, хотел

сказать, что построение существующего государственного строя считает неправильным и что его нужно перекроить до основания. Зелимхан совершал дерзкие налеты и однажды ограбил Кизлярское казначейство. За его голову царское правительство предлагало большие деньги, но абрек был неуловим.

Позднее, уже после революции, я видел у Константина Гатуева найденную им в одном из чеченских аулов печать Зелимхана. Знаменитый абрек был достигнут отрядом подполковника Кибирова и убит в неравной схватке.

Получив шесть ранений, абрек продолжал отстреливаться, и лишь седьмая пуля сразила его.

Позднее Константин Гатуев стал профессиональным писателем, автором книг "Гага-аул", "Осада Найората", "Ингуши" и др. Он написал и сценарий о Зелимхане. Картина, заснятая "Мосфильмом", прошла на экранах с большим успехом.

Так вот, однажды, явившись в редакцию, Киров и Гатуев потребовали у издателя увеличения авторского гонорара на две копейки за строчку. Казаров категорически отказался. Тогда наши юные газетчики, зная, что если они не напишут статьи и фельетоны, то завтра газета ни при каких обстоятельствах не выйдет, — объявили забастовку. Каково же было их удивление, когда на следующий день "Терек" вышел с прекрасной передовой статьей, отличным фельетоном, и даже "Убийства и грабежи" были занимательны. Забастовщики с повинной вернулись в редакцию на работу, и Казаров, смеясь, рассказал о том, что передовую он перепечатал из "Самарских ведомостей", фельетон из саратовской газеты, а "Убийства и грабежи" выдумал сам.

Но вернемся к повествованию.

Константин Гатуев, шатен с бледным лицом, высоким лбом и ясными серыми глазами, был старше меня лет на десять. Подойдя ко мне в городском саду, он спросил:

— Ну, что поделываешь и как жить думаешь? Этот вопрос меня озадачил — уже несколько месяцев я думал над тем, что же будет со мной дальше, что мне предпринять...

— Полагаю, в ближайшие дни меня мобилизуют в армию, — ответил я.

— В Добровольческую армию, так нужно понимать?

— А в какую же, Костя, если я нахожусь на территории белых?

— Пойдешь воевать против своих, за романовское дерево, сгнившее на корню, и за "единую неделимую"?

— Не от меня же это зависит. Сам понимаешь, какое сейчас время.

— Вот что, дружище. Ты знаешь мои убеждения или, возможно, догадываешься о них. Болезнь не позволяет мне делать то, что должен делать большевик. ТБЦ сковывает меня. Нужно махнуть через всю астраханскую степь, а степь эта голая, пустынная, голодная...

— Ты хочешь, чтобы я?..

— Необходимо срочно выполнить одно задание Сергея Мироновича. Я говорю с тобой так откровенно потому, что оба мы осетины, а наш народ никогда никого не предавал... У тебя в Саратове мать и младший брат Ростислав, поезжай к ним.

— Как, через фронт?!

— Вот именно, через фронт. По пути выполнишь поручение Сергея Мироновича. Правда, для такого шага необходима некоторая подготовка...

— А именно?

— Тебе нужна будет попутчица, у которой якобы погиб брат — офицер за Георгиевском, где-нибудь в районе Святого Креста. Она едет на могилу брата. Ты — жених и сопровождаешь свою невесту. Это очень важно — чтобы была девушка. Белые могут тебя обыскать, а женщин без дела они не трогают. "Вежливенький" народ — белогвардейские офицеры.

В тот день была решена моя судьба, а на другой — и ваша, милая, славная Лида.

Вы помните, мы познакомились в городском саду. Вы сидели одна на скамейке и тихо плакали. Я поинтересовался, что у вас за горе, и вы рассказали мне, что отказались эвакуироваться в Сербию со своим институтом, а начальница поставила вопрос о вашем исключении.

— Куда же вы хотите ехать? Или думаете остаться здесь, в этом городе? — спросил я.

— Я хочу домой, в Полтаву! Свою родину я не променяю ни на какие блага, — ответили вы и разрыдались.

Вечером мы опять встретились. Я предложил вам идти со мной через фронт и пятисоткилометровую степь в Астрахань, а затем в Саратов, откуда вы уже сравнительно легко могли добраться до Полтавы.

Эту ночь мы провели в уютной квартире Кости Гатуева. И пока вы спали, жена Константина зашила в ваше пальто план расположений войск на территории белых и доклад о военно-политических событиях на Северном Кавказе. Вот о чем я хотел рассказать вам, дорогая моя сообщица. В то время, милая Лида, вы оказали революции немалую услугу! Мне в Астрахани, в политотделе 11-й армии, выдали тогда о моих заслугах официальную бумагу за подписями Кирова и Квиркелия, а о вас забыли. Это, конечно, несправедливо. Ведь если бы вас обыскали в Георгиевске, где на станции курсировал бронированный вагон — штаб генерала Эрдели, или же тот офицер, выскочивший без шапки из окопа под Воронцово-Александровском, заподозрил бы неладное, то на первой же березке или яблоне... Но нам посчастливилось благополучно пересечь линию фронта и попасть в объятия златокудрого Хаджи-Мурата Мугуева.

Вспоминаю наш ночной переход через линию фронта у старой мельницы: помните, мы дождались, когда луна зашла за тучку, и пошли по шаткому скользкому мостику, у которого не было даже перил. Вы шли впереди со своей шкатулочкой, в которой хранили свои сокровища: письма от гимназиста Васи Голубева и две секретки, переданные вам на балу кадетом Алмахситом Хуцистовым. Странная память — она хранит такие мелочи: письма были перевязаны розовой, а секретки голубой ленточкой.

Неожиданно луна вышла из-за облачка, с бугра нас заметили казаки и открыли по движущимся через мостик мишеням сначала ружейный, а потом пулеметный огонь. Пули, просвистев над нашими головами, с хрустом врезались в тонкую ледяную корку, покрывавшую речонку. Но вы шли гордо со своей драгоценной ношей — шкатулкой и даже не попытались вернуться под защиту старой мельницы. Наконец мы перешли мостик и перебежали мимо штабелей бревен в улочку села, занятого красными. Нас окликнули часовые и повели в штаб. И вот тут-то нас встретил Хаджи-Мурат Мугуев. Он, как и я, был уроженцем станицы Черноярской. Этот веселый коренастый человек с копной золотых волос на голове и в очках держал тогда в своих руках пульс всей астраханской степи, Кизляра, Георгиевска и других пунктов по линии фронта. Были у него люди, работавшие и за пределами Одиннадцатой армии, в тихих казачьих станицах и хуторах. Все сведения стекались к нему, как ручьи в полноводную речку, и маленькая карта, лежавшая у Мугуева на столе, была, пожалуй, самой точной и верной. От Мугуева мы узнали, что 19 января передовые части Одиннадцатой армии заняли Святой Крест и что находившийся там отряд под командованием полковника Панченко разгромлен, и теперь путь на Георгиевск для Красной Армии открыт.

Позднее Хаджи-Мурат Мугуев, как и Константин (Дзахо) Гатуев, стал писателем и в одной из своих книг описал это наступление. Встретил нас Хаджи-Мурат радушно, я бы даже сказал, ласково. Вероятно, он уже знал о цели нашего путешествия, поэтому ни о чем меня не расспрашивал. Сказал лишь, что насчет подводы уже распорядился и что на каждом этапе нам будут менять лошадей и верблюдов.

Но прошел час, другой, а обещанной Хаджи-Муратом подводы все не было. Вы, милая Лида, за это время успели подружиться с хозяйской дочерью и, сбросив пальто, пошли с ней в ее комнату. Воспользовавшись удобным моментом, я распорол по шву подкладку, вынул заветный пакет и переложил его в свой боковой карман. Аккуратно, насколько это мне удалось, я зашил подкладку вашего пальто и пошел в штаб к Мугуеву узнать насчет подводы. Где-то вдаль гремели одиночные выстрелы, иногда переходившие в недружные залпы. Вдоль заборов и хат гуськом бежали красноармейцы с винтовками наперевес. Положение было серьезное: еще в Нинах мы с

вами знали, что Святой Крест неоднократно переходил от белых к красным и от красных к белым.

Но вот и штаб. Воспользовавшись отсутствием часового, вхожу в сени и попадаю в просторную комнату, похожую на зал. За одним из столиков сидит машинистка и стрекочет кузнечиком. У второго, спиной ко мне, стоит огромный детина в поддевке и с маузером в деревянной кобуре.

Мельком я взглянул на стены и замер: прямо напротив меня висит портрет генерала Май-Маевского, слева — Корнилова, справа — Каледина. Я машинально хватаюсь за боковой карман и нащупываю пакет. Мысли несутся с невероятной быстротой. Ведь если только этот человек обернется — обыск, а там и виселица неминуемы.

Под портретами генералов какие-то надписи. Я напрягаю зрение и читаю: "Генерал Май-Маевский — чистый вес двенадцать пудов..." Что это: бред, сумасшествие? Смотрю на портрет Корнилова: "Хоть и Лавр, а погиб бесславно". Под Калединым тем же каллиграфическим почерком выведено: "Хоть и генерал, а молодец: сам застрелился!"

— Сволочи — юмористы! — шепчу я, вытирая со лба пот.

— Что вы сказали? — спрашивает огромный человек и поворачивается ко мне всем корпусом. Теперь я ясно вижу, что он без погон.

— Мне нужен Мугуев, — говорю я.

— Хаджи-Мурат в той комнате.

Я исчезаю за дверью, а через час мы с вами, милая Лида, уже едем по бескрайней степи и слушаем заунывную, монотонную, как здешний ветер, песню калмыка — возчика.

Сначала мы ехали лошадьми, а потом наши брички и арбы везли верблюды через какие-то села со странными названиями: Олениково, Яндыки, Басы...

Что за странные животные, эти верблюды?! Они идут по степи пять километров в час и ни шагом больше, независимо от того, бьют их или нет, кормят или морят голодом. И на всем пути по этой рыжей безводной пустыне из барханов то тут, то там выглядывают белые, омытые песками черепа людей и лошадей-следы прошлогоднего отступления той же 11-й армии из-под Кизляра. А теперь эта армия опрокинула полчища бело — гвардейцев и победоносно вышла на Кубань и Северный Кавказ.

На первом кумачовом плакате, который я тогда увидел, меня поразила надпись: "Прочь с дороги, глушители революции!" Сознайтесь, Хаджи-Мурат, это вы придумали столь пафосный клич? Вы тогда были молоды и, вероятно, мечтали стать поэтом.

Почти всю астраханскую степь мы проехали при благоприятной погоде, и только где-то уже под Яндыками нас захватил самум.

Небо внезапно потускнело. Солнце, похожее на огромный медный таз, нырнуло в черно-бурую тучу, и сразу же по пескам побежали серо

— лиловые тени. Откуда-то издалека долетели резкие порывы ветра, крутящие гигантские столбы больно хлещущего песка, и вся пустыня погрузилась в рыжую мглу... Но так же неожиданно, как и налетел, смерч вдруг стих. Исчез оранжевый занавес песка, и совсем неожиданно из тучи выплыл медный таз.

И только новые серповидные барханы свидетельствовали о недавно пронесшейся буре.

Но вот, наконец, и Астрахань. Я, уже заболев тифом, но еще не зная об этом, пошатываясь, вхожу в кабинет Кирова и передаю заветный пакет.

Сергей Миронович разрывает конверт, быстро скользит взглядом по четко исписанным листам, затем вместе с Квиркелия переходит к противоположной стене, к огромной карте, унизанной красными флажками, и делает какие-то записи в своем блокноте. Я смотрю на Кирова: обожженное ледяными ветрами лицо, утомленные бессонными ночами глаза... Вспоминаю Владикавказ. Это уже не тот Сергей Миронович, от которого в детстве получал я в подарок цветные карандаши и переводные картинки.

Точно такие же карандаши и картинки дарил мне и другой замечательный человек — Евгений Багратионович Вахтангов.

Женя, как называли его мои родители, в свои юные годы увлекался идеей создания "Радужного" театра.

Киров бывал на спектаклях Владикавказской любительской труппы, созданной Вахтанговым в 1907 году. Это были пробные шаги Евгения Багратионовича. В его "театре" шли инсценировки маленьких рассказов Чехова. Уже тогда Сергей Миронович предвещал Вахтангову большую театральную будущность.

Лишь через двенадцать лет в Москве Вахтангов осуществил свою мечту.

У отца Евгения Багратионовича в центре города была маленькая табачная фабрика, и когда у "блудного сына" в Москве случались материальные затруднения, он слал во Владикавказ стереотипные телеграммы: "Хожу лаковых вышли сто Женя". Отец понимал, что если сын ходит в лаковых ботинках, предназначенных для сцены, то дела и впрямь плохи, и скрепя сердце посылал Жене половину просимой суммы.

Вспоминаю о Кострикове еще один эпизод. О нем рассказала мне тетя Саша — сестра моего отца. В начале своей журналистской деятельности пришел к нам как-то на огонек Сергей Миронович и за чашкой чаю стал советоваться с моими родными о литературном псевдониме.

Моя мать оторвала от календаря листок и, прочитав в числе святых имя Кир, сказала:

— Подписывайтесь Киров.

Сергею Мироновичу псевдоним понравился, и он стал под рецензиями и статьями подписываться: С. Киров.

...Наконец Сергей Миронович отошел от карты и, задав мне несколько незначительных вопросов, сказал:

— Иди отдыхай. Паек тебе и твоей спутнице доставят на дом.

Вечером я почувствовал озноб, а ночью уже бредил и метался по постели. Киров дважды приезжал к нам с врачом, присылал какие-то редкие медикаменты, но вся тяжесть моей болезни легла на ваши хрупкие плечи, милая Лида. Сколько бессонных ночей провели вы у моей постели! Если бы не вы, вероятнее всего, я бы остался навсегда в Астрахани или погиб под Георгиевском, где меня обыскивал белогвардейский офицер, а вы лепетали какие-то французские фразы, желая показать, что у нас не может быть ничего общего с большевиками.

Помню, как этот контрразведчик с наманикюренными ногтями, расшаркавшись перед вами, сказал:

— Оревуар, мадемуазель! — и, прекратив обыск, вышел из теплушки...

Но не будем вспоминать трудные минуты нашего путешествия.

Из Астрахани до Саратова мы ехали, если помните, две недели. На больших станциях пассажиры выходили из теплушек и пилили дрова для паровоза и для своих "буржук". Солнце светило уже повесенному, в кустах чирикали воробы, и все вспоминалась знакомая песенка:

Ах, как низко летит стая гусей!
Побегу, догоню последнего,
Вырву перо белое,
Пошлю весточку любимой...

Если вы живы, милая, славная Лида, отзовитесь!

1965 г.

Без промаха (рассказ)

Оскар Ларсен, розовощекий двадцатисемилетний детина с голубыми глазами и копной золотых волос, зачесанных на косой пробор, работал в Стокгольме шофером ночного такси. Это занятие с четким, раз навсегда установившимся ритмом жизни было не слишком утомительным для такого энергичного парня, как Оскар, жаль только вот, что прибыльным его не назовешь. Редко кто из пассажиров давал приличные чаевые, а простаивать у ночных ресторанов и кабаре в ожидании подвыпивших гуляк приходилось часами.

Часто, сидя в своей кабине и слушая монотонную дробь осеннего дождя, Ларсен глядел на яркий фейерверк неоновых реклам, на

гаснущий свет в окнах многоэтажных домов и думал: почему все, кто прячется за этими шторами, занавесями и жалюзи, всякие там маклеры, коммивояжеры, чиновники банковских контор имеют право на уют, на семейную жизнь, а он, шофер такси, должен жить бобылем, не имея ни дома, ни семьи?

Правда, вот уже полтора года Оскар вносит в одно из отделений Лионского банка — там начисляют шесть процентов годовых — свои мизерные сбережения.

Но это гроши в сравнении с той суммой, которая нужна для свадьбы и постоянного поддержания семейного очага.

От этих мыслей Ларсену становилось особенно грустно, и он включал радио. В кабину врывались звуки веселой песенки, и чей-то приятный грудной голос пел о счастье, о радостях любви, о нежности женского сердца.

Но, как нарочно, в такую минуту сразу же находился пассажир, дверца машины распахивалась, и вваливался подвыпивший гуляка.

Еле ворочая языком, он требовал выключить радио и называл адрес. Оскар включал фары, и машина плавно скользила по мокрому асфальту...

И так изо дня в день, вернее, из ночи в ночь. И не было никакого просвета в жизни шофера ночного такси Оскара Ларсена.

Однажды, стоя у фешенебельного шантана с громким названием "Северное сияние", Оскар обратил внимание на то, что среди примелькавшихся уже ему "неоновых вывесок, рекламирующих шведские спички, рафинированный рыбий жир и репертуар кинотеатров, появилась новая — мигающая цифровая реклама. Она назойливо лезла в глаза и вызывала недоумение. Что бы могла означать эта странная цифра 033/91388? И вдруг Ларсен услышал из рупора уличного радио: "Если ты интересуешься сельскохозяйственными работами в Конго, звони по телефону 033/91388. Мы платим 600 долларов в месяц". "Шестьсот долларов?! Может быть, я ослышался?" — подумал Ларсен и включил приемник в автомашине. И снова тот же голос громко повторил: "Если ты интересуешься сельскохозяйственными работами в Конго, звони по телефону 033/91388. Мы платим 600 долларов в месяц". "Нет, тут что-то не так, что-то не то", — пробормотал Оскар, записывая странную цифру в свой блокнот.

Над автомобилем снова зажглась рекламная спичка, принадлежавшая некогда "королю шведской спички" Ивару Крегеру.

Оскар вспомнил его биографию, которую прочел недавно в календаре.

Не выдержав конкуренции с "русской спичкой", он застрелился, этот миллионер Ивар Крегер. В сейфе у него осталось всего лишь семь миллионов. Перед смертью он успел шепнуть своему секретарю, что больше других цветов любил гелиотропы...

За год до смерти шведский спичечный король купил у какого-то скромного немца-изобретателя патент на выпуск "вечной спички" и тут же уничтожил его. Скромный немец погиб через два дня после смерти Ивара Крегера.

Да, умеют коммерсанты устраивать свои дела!..

Очередного пассажира долго не было, и под тихую музыку "Норвежского вальса" Оскар размышлял о том, что он сделает, если проработает целый год в Конго и действительно получит семь тысяч двести долларов. То, что Ларсен женится, не подлежит сомнению. Затем он купит в рассрочку домик с небольшим садиком на южной окраине города и как полагается обставит его. Машину он приобретет старенькую: "рено", "оппель" или "мерседес". За каких-нибудь сто-двести крон он приведет ее в надлежащий вид... Увлеченный этой мечтой, Оскар по окончании своих ночных разъездов не поехал, как обычно, в гараж, а, дождавшись утра, созвонился по телефону и отыскал контору, предлагавшую сельскохозяйственную работу за 600 долларов в месяц.

— Раненько вы явились, — встретил его лысый толстяк, не выпуская изо рта сигары. — Впрочем, это не удивительно... Судя по вашей шевелюре, вы уже отмаршировали в армии положенную порцию шагов... Вы награждены какими-нибудь медалями или знаками отличия?

— Увы, одним только значком — за револьверную стрельбу по летающим тарелочкам.

— Отлично! Разденьтесь до пояса.

Оскар удивленно взглянул на лысого господина.

— Живей, живей, — поторапливал его толстяк, — пока не явились табуны портовых молодчиков. Шестьсот долларов, знаете, это сумма!.. Согните руки в локтях. Бицепсы хороши... Теперь откройте рот и покажите зубы... Великолепно! Можешь одеваться. Годен.

— Простите, — сказал Оскар, натягивая рубаху, — я хотел бы знать, когда я должен ехать в Конго и что я там обязан делать?

— Не надо, молодой человек, быть любопытным. Вы не сразу попадаете к черту в пекло!.. Разумеется, я говорю об африканской жаре. Сперва вы прокатитесь на комфортабельном американском пароходе по Атлантическому океану и Гвинейскому заливу и высадитесь на одном из замечательных островов. Там пальмы, лианы, баобаб и как его... канделябровидный молочай!

— Вы говорите, на остров? На какой остров? — снова удивился Оскар.

— Э, да не все ли равно, на какой именно: на Фернандо-По или Сан-Томе?.. Там вас кое — чему обучат. А через два месяца вы приступите к делу. Если работа вам не понравится, задерживать вас не станут и с первым пароходом отправят обратно в Стокгольм... Положите на стол документы. Мы наведем о вас кое-какие справки, а в

четверг приходите за авансом, но больше чем на сто долларов не рассчитывайте.

Через две недели Ларсен с группой таких же, как и он, парней был доставлен небольшим американским судном на один из безымянных островов в Гвинейском заливе. Там Оскара и его товарищей принялись обучать дисциплинам, не имеющим ничего общего с сельским хозяйством. Преподавателями были, судя по выправке и чеканному шагу, два отставных офицера. Первый, усатый и лысый, — неизвестно какой национальности, а второй — немец: на груди его постоянно красовался гитлеровский орден — железный крест 1-го класса.

Усатый в течение двух месяцев рассказывал парням о флоре и фауне Конго, о ведении войны в заболоченных и лесных местностях и о том, что, кроме Леопольдвилья, Стэнливиля и Браззавиля, в Конго есть еще много замечательных городов с роскошными ресторанами и веселыми кабаре.

Что, кроме кофе, чая, какао и риса, у этих "проклятых черномазых" имеется еще и каучук, табак и сахарный тростник и, что самое главное, в Конго добываются алмазы, уран, золото, медь, кобальт, а также каменный уголь, марганец, цинк и олово.

Закончив свои лекции и практические занятия по рекогносцировке местности, усач обучил новобранцев нескольким десяткам фраз на основном языке конголезцев-банту: "Неси мои вещи, черная обезьяна!", "Где скрываются партизаны?!", "Ты мне нравишься, красотка", "Еще полстакана рому!"

Впрочем, эти "фразы победителей" многим ученикам не понадобились. Несколько парней, прибывших из Стокгольма, были убиты повстанцами в первые же дни сражений, трое пропали без вести, а сам Оскар... Но не будем забегать вперед.

Второй лектор, узколобый, широкоплечий верзила с изрытым оспой лицом, обучал белых легионеров именно тому, за что заокеанские хозяева платили им шестьсот долларов и за что его самого Гитлер наградил железным крестом.

Вначале стрельба по неожиданно появляющейся мишени, изображающей негра, не приносила Оскару желаемых результатов: пули пробивали картонные шеи, уши и даже плечи, а требовалось абсолютно точное попадание: только в лоб.

К концу второго месяца пребывания на "чертовом острове", как его прозвали легионеры, Ларсен в совершенстве овладел снайперским искусством: на второй секунде после появления мишени он вскидывал винтовку, на третьей и четвертой прицеливался, на пятой нажимал на курок. Все попадания были точны: пуля проходила между глаз, чуть повыше переносицы.

Ларсен, да и все легионеры отлично понимали, что им предстоит убивать конголезцев, которые вот уже много месяцев борются за свою

свободу и независимость своей родины, и заливали нехоти пробуждающуюся совесть двойными порциями виски.

Но однажды, когда двойная порция почему-то не подействовала, Оскар отправился к главному начальнику лагеря Фрэнку и сказал:

— Я не стану их убивать. Слышите, не стану!

— Никто тебя, младенец, и не заставляет убивать. Можешь стрелять мимо.

— Да, но тогда убьют меня.

— Ставлю сто долларов против одного. Подстрелят, как куропатку.

— Я требую, чтобы меня отправили на родину.

— Сейчас я нарисую пароход, и можешь плыть... Перестань валять дурака. Прочти седьмой параграф заключенного с тобой договора. Там черным по белому написано: "В случае одностороннего расторжения контракта вторая сторона освобождает себя от каких бы то ни было обязательств".

Увлеченный этими мыслями, Оскар не заметил, как попал в людской водоворот и очутился у "Колизея".

Из цирка доносился веселый военный марш, возбуждая толпу оглушительным ревом медных труб.

Публика сплошным потоком двигалась по бульвару, вливаясь в небольшой скверик, расположенный у входа в цирк, и исчезала за тяжелой бархатной портьерой.

Ларсен попытался было выбраться из толпы, но хромота помешала ему, и его увлекло к дверям "Колизея".

Попав за красную бархатную портьеру, он увидел в коридоре небольшую обитую войлоком дверь и, решив, что это запасный выход, распахнул ее и перешагнул порог.

Помещение, в котором Оскар случайно очутился, оказалось кабинетом директора. За письменным столом в позолоченном бутафорском кресле сидел пожилой мужчина в черном вечернем костюме. Вся стена за его спиной была сплошь увешана пестрыми афишами. На диване, обитом оранжевым атласом, полулежал сероглазый блондин с острыми, как стрелки часов, усиками. Он удивленно взглянул на вошедшего Оскара, а мужчина в черном произнес густым басом:

— В чем дело, молодой человек? Ларсен слегка смутился, но затем неожиданно для самого себя сказал:

— Я ищу работу. Может, у вас найдется хоть какая-нибудь, пусть даже временная, работенка?

— Поль, вы слышите? У нас в программе еще не было хромого канатоходца.

Блондин нехотя улыбнулся и с деланной наивностью спросил:

— Вы кто: эквилибр, наездник, жонглер?

— Я снайпер. Могу двадцатью пятью выстрелами разбить двадцать пять летающих тарелочек. И ни одной меньше.

— Cest tres interessant! [Это очень интересно! (Фр.)] — воскликнул человек с усами, мгновенно вскакивая с дивана и подставляя Ларсену табуретку.

— Вы, дорогой Поль, кажется, собираетесь в цирке устроить тир?

— Нет, мосье директор, Поль знает, что такое цирк, чем дышать публик и какой сбор давайт аттракцион!

— Тарелочки — это бред, хотя вообще можно подумать над каким-нибудь эффектным номером, — задумчиво проговорил директор.

— Эврика! — опять воскликнул блондин и вскочил на табурет. — Ми будем показать партер и галерк "Вильгельм Телль двадцатого век"!

— Пожалуй, вы правы. Это может пощекотать нервы.

— Особен, если яблок будет лежать на голова полуголый tr es jolie [Очень красивая. (фр.)] девчонка!

Поль Бертье был незаурядным режиссером. Он придумывал эффектные трюки и новые номера для воздушных гимнастов, партерных акробатов и даже для знаменитого старого клоуна Чико-Чиколлини.

Это он, выходец из Прованса, с чисто французской изобретательностью придумал для наездницы Генриетты Берн кольца, затянутые бумагой: пролетая сквозь них, наездница за три — четыре секунды раздевалась до возможного предела и вновь облачалась в прозрачные туники и восточные халаты.

Директор высоко ценил режиссерский талант Поля и платил ему больше, чем самому популярному цирковому артисту.

— Попрошу вас завтра в 11 часов явиться за кулисы к господину Полю Бертье, — сказал директор, поднимаясь со своего позолоченного кресла. — Он займется вами. А пока пройдите вот этим ходом в литературную ложу и посмотрите нашу программу.

Ларсен поклонился и окрыленный вышел из кабинета директора.

В коридоре тускло светила матовая лампочка, едва освещая узкий проход, заставленный старыми шкапами и каким-то, по-видимому, никому уже не нужным бутафорским хламом.

Дойдя до двери, Ларсен приоткрыл ее и инстинктивно отпрянул. Ему показалось, что на него с невероятной скоростью, шипя и стуча колесами, мчится курьерский поезд. Затем раздался гром аплодисментов, и Оскар понял, что это выступает какой-то виртуоз — звукоподражатель.

Войдя в ложу, Ларсен взглянул на арену. Там, на пестром коврикe, освещенная лучами прожектора, стояла стройная женщина в сиреновом платье, расшитом черными и серебряными блестками, сверкающими при каждом ее движении.

Оголенные плечи, лицо и руки актрисы были светло-шоколадного цвета. Это была мулатка — она напомнила Ларсену одну из стюардесс, с которой он познакомился во время перелета в Конго.

Оркестр заиграл под сурдинку какую-то странную мелодию, актриса грациозно подняла обнаженную руку и прикрыла ладонью чуть приплюснутый нос и полные чувственные губы. И тотчас зазвенела "гавайская гитара", а по куполу цирка, по ложам и галерке заскользили лучи всех цветов радуги. Звуки и свет прожекторов словно переплетались, сливаясь в какой-то удивительный светозвуковой аккорд. Но вот замерла музыка, погасли прожекторы, и оглушительный гром аплодисментов прокатился по всему цирку. Люди вскакивали со своих мест, и со всех сторон неслось: "Санга! Браво, Санга, бис!"

Мулатка улыбалась, кланялась и убегала за кулисы. А публика неистовствовала, рукоплескала и вновь и вновь вызывала Сангу.

Казалось, возбужденную толпу невозможно успокоить. Но вот из-за кулис вышел старый любимец публики рыжий клоун Чико-Чиколлини с намалеванным вишневым носом и бессмысленной улыбкой, и шум постепенно утих. Он сделал двойное сальто и, подражая Санге, попытался изобразить шум паровоза, но вдруг, зацепившись одной ногой за другую, плюхнулся на тырсу. Вскочив на ноги, Чико-Чиколлини застенчиво пролепетал:

— Я, кажется, чуть — чуть не упала.

Публика захохотала и тотчас же забыла о Санге.

Оркестр заиграл галоп. Молодцеватые шталмейстеры в синих фраках, красных рейтузах с золотыми позументами и коричневых ботфортах выкатили на арену огромную клетку со львами и тиграми. Из-за кулис вышел укротитель Бен-Али в голубом трико и красном мундире, с шамберьером и хлыстом в руках. Музыка внезапно оборвалась. В партере, ложах и на галерке сразу воцарилась гробовая тишина. Тысячная толпа с волнением и трепетом жадно следила за каждым движением Бен-Али. Вот он отодвинул задвижку и смело вошел в клетку. Рыжая тигрица зарычала, а старый лев лег у ног укротителя. Бен-Али, не поворачиваясь к зверям спиной, закрыл клетку и щелкнул шамберьером. Послышались звуки марша. Львы и тигры, как по команде, встали. Еще щелчок, другой, третий — и вот звери вскочили на тумбы и один за другим начали прыгать сквозь обруч, который Бен-Али держал в вытянутой руке. Музыка снова прекратилась, а львы и тигры, усевшись на тумбы, застыли в живописных позах. Вдруг укротитель ударил хлыстом самого большого льва с косматой гривой, лев раскрыл страшную пасть с огромными клыками, и Бен-Али сунул ему в пасть свою гладко выбритую голову. Цирк замер. И лишь в оркестре литаврист трепетно выбивал барабанную дробь.

Но вот укротитель высвободил голову и попятился к дверцам клетки. На ходу он зажег бенгальские свечи, рассыпавшие брызги холодного огня, и выскочил из клетки.

Рыжая тигрица рванулась к дверцам, но они уже были плотно заперты на железный засов.

И в ту же секунду на галерке что-то грохнуло, перекатилось в ложи, потом в партер.

Это публика аплодировала знаменитому укротителю Бен-Али.

В антракте Оскар вышел в скверик и, решив не возвращаться в цирк, побрел по бульвару. Ему хотелось простора. Завтра он шагнет в иной мир — в мир блесков и мускулов, невероятного напряжения воли, аплодисментов и вечного риска...

На другой день Ларсен пришел в цирк намного раньше назначенного времени. С любопытством новичка рассматривал он красивых темно-шоколадных пони, стоявших в чистой и светлой конюшне, весело улыбался мартышке, игравшей мячом, и осторожно обходил клетки со львами.

Репетиция у Оскара началась ровно в одиннадцать утра, хотя по расписанию это время до половины двенадцатого отводилось для артистки Санги. Поль знал, что Санга не репетировала в цирке. Обычно она отправлялась на берег беспокойного озера Мелар и там, под шелест волн, готовила свой нелегкий номер.

Иногда Санга приходила в цирк днем — шла за кулисы и подолгу простаивала у клетки, где метался еще не обученный, недавно пойманный молодой африканский лев.

Санга заглядывала в его огненно-искристые глаза, и ей вспоминалось далекое детство: знойный золотой песок, грохот серебристого водопада и гигантские пальмы, заслонявшие широкими своими веерами чистое бирюзовое небо.

На глаза Санги навертывались слезы, и она, опустив голову, молча отходила от клетки. А когда, идя по полутемному коридору, проходила мимо гримерных, ее всякий раз встречал старый клоун Чико-Чиколлини и удивительно смешно говорил:

— Ви моя маленький чоколад. Я в вас всегда влюбленный.

Санга улыбалась, обнажая крупные жемчужные зубы, и исчезала в конце коридора за бархатной портьерой...

Поль передал Оскару семизарядный наган австрийского образца и сказал:

— Я придумывал ваша номер, мосье Ларсен. Ви будет стрелять через плечо назад, глядя на манекен в ручной зеркал. Там, у кулиса, ми поставил щит, а вместо яблок пока положим на деревянный голова шарик пинг-понга. Давайте начинать!

Оскар по привычке проверил в барабане патроны, затем, став у барьера спиной к манекену и глядя в поданное Полем старинное ручное зеркало с перламутровой ручкой, стал целиться.

— Cjmmencez! [Начинайте!] — властно крикнул Бертье. Ларсен нажал на курок, и шарик пинг-понга разлетелся вдребезги.

— Tres bien! [Очень хорошо!] — Режиссер положил на манекен второй шарик. Оскар снова прицелился.

— Реи! Огонь! — скомандовал Поль, и пуля снова раздробила целлулоидный шарик.

— Теперь я буду класть шарик один за один, и вы без всякой команды стреляйте.

Оскар, не снимая с плеча револьвера, выпустил подряд все семь пуль.

— О-ля-ля! — воскликнул француз. — Ваша номер через неделя будет la grande attraction du jour! [Гвоздь сезона! (фр.)] Ми его называйт: "Без промах!" Я закажу дваметровый афиш. Там будет женщина, пистолет и яблок. — И, помолчав, добавил: — Завтра repetition [Репетиция (фр.)] в то же время. Адье!

С этого дня каждое утро, ровно в одиннадцать, в цирке гремели выстрелы. Обычно на репетициях Оскар разряжал три барабана, но Поль сказал снайперу, что в день дебюта и во все время гастролей Ларсен будет производить лишь семь выстрелов, с перерывом после каждого в полминуты.

Накануне первого выступления с Оскаром был заключен контракт на крупную сумму, и в тот же вечер он увидел расклеенные по городу пестрые афиши со своим именем.

Буквы на афишах были огромны, и это льстило самолюбию Ларсена. Проходя мимо зеркальной витрины цветочного магазина, он самодовольно улыбнулся своему отражению.

Кто будет его партнершей, Оскара не интересовало, — этим вопросом занимался сам Поль Бертье. Режиссер побывал в ателье парижских мод мадам де ля Гар и условился там с изящной манекенщицей мадемуазель Анель о ее разовых выступлениях в цирке.

По решению директора и режиссера номер снайпера шел во втором отделении, после воздушных гимнастов и борцов, завершая вечернюю программу.

В день дебюта Оскара Поль, как обычно, перед началом второго отделения проверил наличие всех актеров и борцов. Увидев в партере мадемуазель Анель, он тотчас же забыл о ней, так как никаких дополнительных указаний или замечаний ее присутствие на арене не требовало. Стой, как манекен, и только-вот и вся роль.

Каково же было удивление режиссера, когда перед самым выступлением снайпера он вдруг узнал, что "девица-манекен" ушла из цирка, сказав старшему шталмейстеру, что выступать она не будет, так как в цирк пришел ее жених и заявил, что он хочет жениться на манекенщице, а не на акробатке. Выслушав тираду старшего шталмейстера, Поль сказал директору:

— Прощу меня извинять. Я буду ходить за кулисы искать женщина. Через три минут слушайте выстрел мосье Оскар Ларсен.

Дирижер, почувствовав какую-то заминку, взмахнул своей палочкой, и оркестр заиграл старинный гавот. На манеже неожиданно, вне программы, появилась скачущая на пони маленькая обезьянка. Проскакав несколько кругов, лошадка вместе со своей лохматой наездницей исчезла за бархатной портьерой, а на арене появилась актриса в сиреновом платье с блестками в сопровождении двух жонглеров. Они подбрасывали и ловили под музыку яблоки, то увеличивая, то уменьшая их число. Внезапно музыка умолкла. Клоуны перестали жонглировать. Один из них положил на голову актрисе яблоко.

В оркестре раздалась тревожная барабанная дробь, и в ту же минуту с противоположной стороны арены появился Оскар Ларсен в полувоенном костюме, с револьвером в руках. Тысячная толпа замерла,

Оскар поставил хромую ногу на барьер. Стоя спиной к партнерше, взглянул в зеркальце, прицелился и выстрелил через плечо.

Кто-то хлопнул в ладоши. Барабанная дробь неожиданно смолкла.

В цирке воцарилась гробовая тишина. И вдруг в эту тишину ворвался ураган.

До сознания Оскара донеслись какие-то непонятные, нелепые и страшные слова: "Убили! Ее убили! Обезоружить убийцу!"

Ларсен быстро обернулся и увидел на коврике лежащую с распростертыми руками женщину. Опилки вокруг ее головы все больше окрашивались в ярко-красный цвет.

Люди с искаженными лицами бежали с балкона по узким проходам вниз, к арене, а им навстречу стеной вставали неведомо откуда появившиеся борцы и шталмейстеры.

Казалось, через мгновение верхние и нижние волны людей схлестнутся и арена превратится в живое месиво, в груды борющихся тел.

Но в это мгновение Поль Бертье вскочил на барьер литерной ложи бельэтажа и, балансируя на нем, как на канате, крикнул:

— Свет! Выключайте свет!

В ту же секунду цирк погрузился в темноту. Кто-то взял Оскара за рукав и сказал:

— Идите со мной за кулисы к клеткам. Иначе вас растерзают двуногие.

Ларсен сразу узнал спокойный голос Бен-Али и пошел за ним в темноту по мягкой тырсе.

Не успели Оскар с укротителем дойти до конюшни, как снова вспыхнул свет. Войдя в гримерную, Ларсен услышал отдаленный гул покидающей цирк толпы, свистки полисменов, гудки авто.

Через несколько минут к нему в гримерную вбежал запыхавшийся директор.

— Как могло случиться, Ларсен, что вы промахнулись? — спросил он взволнованно.

— Я не промахнулся, господин директор. Я стрелял по всем правилам.

— Несчастный! Вы не понимаете, что говорите! Вы попали ей в лоб, чуть повыше переносицы!

— Проклятый рефлекс! — воскликнул Оскар. — Ах, если бы Санга не была черной.

— Сумасшедший! — крикнул директор и попятился от Ларсена к двери, как профессиональный укротитель, покидающий клетку хищного зверя.

Когда Оскар в сопровождении полисмена проходил по коридору, ночной сторож уже гасил за кулисами огни. На арене было темно, лишь кольца, турники и трапеции, поднятые под самый купол, чуть светились холодным мертвым блеском.

В цирке стояла тишина. Только за кулисами, почуяв запах свежей крови, металась в клетке тигрица да тихо плакал в своей гримерной старый клоун Чико-Чиколини.

1965 г.

Талант и доллар (рассказ)

[Этот рассказ написан в соавторстве с писателем Ростиславом Валаевым]

Ричард Уайтинг шел по Бродвею. В этой части Нью-Йорка вечером, не глядя на часы, невозможно даже приблизительно определить время — поздняя ночь сейчас или ранний вечер. Улица залита светом. Неба не видно. Ослепительные лучи световых реклам, пересекаясь яркими снопами, скрещиваются над головой. Названия боевиков и имена кинозвезд ежесекундно меняют цвет. Синие, красные и зеленые лучи взлетают в небо, порой закрывая слова, написанные в воздухе мощными прожекторами: "Пейте кока-колу". Свет рвется из витрин, струится из небоскребов, течет из многих плоскостей, углов, точек. Его слишком много, и, пожалуй, чтобы читать вечернюю газету, надо надеть темные очки.

Манхэттен — центральная часть крупнейшего в мире города — имеет и свой центр, называющийся рокфеллеровским. Манхэттен по-индийски означает — "там, где нас обманули". Несколько веков тому назад остров Манхэттен был куплен ловкими дельцами у вождей ирокезов за бесценок. В Манхэттене сосредоточено множество контор — знаменитая Уолл-стрит. В узеньких улицах рокфеллеровского центра назначают встречи деловые люди, люди большого бизнеса.

Порой тут решаются судьбы целых государств. Каждый метр земли здесь так дорог, что все дома растут вверх. Только достигнув головокружительной высоты во много десятков этажей, небоскреб становится рентабельным. Есть тут здания и по сто этажей, и более, но это уже следствие гигантомании. Ею заражены некоторые деловые люди Нью-Йорка.

Из-за этих гигантских домов улицы центра похожи на горные ущелья, по обеим сторонам которых сгрудились скалы-небоскребы. Где-то далеко вверху видна узкая полоска неба, если ее не скрывает от глаз молочный отсвет реклам. С утра до позднего вечера эти ущелья запружены машинами различных марок, движущихся одинаково медленно. Машин так много, что они не могут развить сколько-нибудь заметной скорости и пешеходы передвигаются здесь быстрее, чем машины.

У Ричарда Уайтинга не было ни хорошего автомобиля, ни даже приличного костюма. Жил он довольно далеко от рокфеллеровского центра, но любил этот "деловой" воздух, потоки света, сверкающие авто. Любил смотреть на изящных женщин, хорошо одетых мужчин, мечтая о том, что, быть может, и ему когда-нибудь повезет. Но пока фортуна не улыбалась Ричарду. В редкие хорошие дни, заработав случайно несколько долларов в порту или на вокзале, он позволял себе потолкаться с полчаса на Бродвее, поглазеть на счастливых, подышать воздухом большого делового города.

Отсюда Уайтинг ехал домой — в район, где жили такие же бедняки-неудачники, как он, перебивающиеся в эти трудные времена случайными заработками. Когда приходили тяжелые мысли, Ричард утешал себя тем, что все же ему легче, чем многим его знакомым. У него нет семьи, детей, и он должен думать только о себе... Кроме того, в душе Ричарда жила тайная надежда. Иногда по ночам он писал небольшие рассказы. Правда, пока Ричард не заработал на этом ни одного доллара, но как знать, — а вдруг когда-нибудь придет удача? Думая так, он всегда вспоминал своего любимого героя Мартина Идена. Кто знает, не выпадет ли счастье и ему, Ричарду Уайтингу? Есть на что надеяться, а это — самое главное.

Занятый своими мыслями, Ричард машинально свернул в узенький дворик, окруженный многоэтажными домами. В одной из квартир на двадцатом этаже он снимал у хозяйки-польки небольшую, очень скромно обставленную комнату. Всего в квартире было шесть комнат. Две занимала хозяйка с дочерью, служившей продавщицей в большом галантерейном магазине. Дочь Зося, двадцатилетняя девушка, всегда со вкусом одетая, вежливая и приветливая, как и большинство полек, с неизменной улыбкой на пухлых, чуть подкрашенных губах, была гордостью матери, пышногрудой варшавской пани. Ходили слухи, что в отсутствие дочери к ней иногда приезжает какой-то крупный бизнесмен на своем "кадиллаке".

С квартирантами хозяйка была приторно любезной, если они вовремя платили, и резкой, грубой, если у жильцов в день платежа не оказывалось денег.

Остальные три комнаты пани Ядвиги снимали одинокие жильцы: студент Джек Вурворт, Джо Паркер, человек лет тридцати пяти без определенных занятий, и Зосина подруга — продавщица Бетти.

Все жильцы были молодыми, здоровыми людьми, кое-как сводившими концы с концами. Вечерами в небольшой кухне, когда все приходили с работы и подогревали себе еду, часто слышался звонкий, веселый смех. Присутствие двух девушек заставляло мужчин придумывать занимательные истории, острить и каламбурить.

По вечерам, возвратясь домой, Ричард всегда с удовольствием присоединялся к веселой компании. Но сегодня он вернулся днем, так как денег на обед у него не было. Даже на чашку кофе и кусок яблочного пирога. "Пока соседи не пришли с работы, напишу немного", — решил Ричард. Он уже давно усвоил, что на голодный желудок пишется лучше, чем на сытый.

Уайтинг взглянул на жалкую мебель, увидел в помутневшем старом зеркале отражение своих взъерошенных волос, синеву усталых глаз, и чувство озлобления и безнадежности поднялось в душе. На письменном столе лежали пачки исписанных листков, а среди них большой конверт. Ричард тотчас понял, что в нем, очевидно, находится одна из возвращенных рукописей.

Надорвав конверт и вынув рукопись, Ричард прочел на приклеенной к ней бумажке: "Для нашего журнала Ваш рассказ не подходит. Мы, к сожалению, лишены возможности рекомендовать его редакции "Кураре" для публикации. Примите уверения в глубоком к Вам уважении..."

Обычный стереотипный, безжалостный ответ: смесь равнодушия и крокодильих слез. И какое неприятное название журнала! Ведь кураре — это яд, употреблявшийся индейцами для отравления стрел.

А в другой редакции лежат непрочитанными его рукописи уже целых три месяца. Это четверть года!

Сколько сокровенных мыслей рождается в голове, взвешивается и отбрасывается, пока оттачивается и гранится фабула нового рассказа; с какой ювелирной тщательностью слова — жемчужины нанизываются на сюжетную нить. А когда, наконец, рассказ окончательно отшлифован, Ричард четко переписывает его и отправляет в одну из редакций. Затем в другую, третью...

"Неужели все, что я пишу, — размышлял Ричард, — все мысли и слова мои действительно бездарны? Нет, не может быть. Так в чем же дело?.. В имени?" — Уайтинг вздохнул тяжело и безнадежно.

Вынув из стола последний номер журнала "Кураре", он перелистал его от первой страницы до последней и, убедившись в бездарности

набивших оскомину комиксов и детективных рассказов, швырнул его на подоконник.

Что же делать? Ведь если положить его "Кусты и зайцы" на чаши весов рядом с любым произведением из журнала "Кураре" или "Таванвач", то повесть его несомненно перетянет. Так почему же слабые, сомнительные в литературном отношении произведения печатаются, а его рассказы не видят света? Все решают родственные связи, приятельские отношения и, конечно, деньги. В Америке как в Америке: все продается и все покупается!

Так что же делать?

Снова посылать повесть в другой журнал и ждать, ждать, ждать...

"Но ведь я не могу больше ждать! Завтра не на что будет купить бумаги. А что, если пойти, встать на Бродвее и крикнуть разряженной толпе сытых бездельников:

"Помогите бедному литератору, у которого редакторы не хотят читать рассказов!"

Рассмеялся. По крайней мере оригинально! Вспомнив, что хозяйка квартиры пригласила его на чашку чаю, подумал: "Пойти, что ли? Все равно писать не на чем. Хоть бисквитов поем. Но что за идиотизм угощать молодого, здорового парня чаем с бисквитами! Никогда не догадаются предложить что-нибудь посущественнее. "Ох, уже эти мне пожилые дамы с загадочными улыбками и томными взглядами! Заранее знаешь, о чем они будут болтать:

— Ах, как я люблю литературу! Какое блаженство творить!

— Вы счастливый человек, Ричард! Ах, как я вам завидую! Помните "Викторию"? Вот только забыла автора... Какая прелесть!"

Впрочем, кто родился в болоте, тот по крайней мере обязан уметь квакать, — вспомнил Уайтинг старинную пословицу, быстро переоделся и вышел из комнаты.

Гости уже собрались. В теплой, залитой светом гостиной на диванах и в креслах, сверкая фальшивыми бриллиантами и нитками искусственного жемчуга, сидели близко друг к другу молодые и старые, красивые и некрасивые, но одинаково чего-то ждущие женщины. Мужчины в вечерних темных костюмах, прилизанные, с цветочками и жетонами в петлицах, изо всех сил старались развлечь дам.

Молодые девушки, пытаясь показать свою эрудицию, вспоминали, в каком году была битва при Трафальгаре и которым по счету сыном был у Рембрандта Титус.

Хозяйка подвела Ричарда к сидевшим на диване гостям и представила:

— Молодой литератор Ричард Уайтинг.

Дамы ответили обворожительными улыбками.

— Вы писатель? Очень приятно! Я так люблю литературу, поэзию, — томно произнесла немолодая пышная блондинка. — Кто

вам больше нравится: Поль Верлен или Верхарн? Помните, это, кажется, у Верлена: "А пока я пью вино и сдуваю пудру с белых плеч..." Тра-та-там, тра-та-там, тра-та-та. Ах, как назло, забыла слова. Но изумительно! Не правда ли? Какое счастье творить!

Девушки ушли на кухню, а хозяйка, как шарик, подкатилась к Ричарду и тихо сказала:

— Мистер Уайтинг, прочтите что-нибудь свое. Вы так прелестно пишете. Кроме того, скажу вам по секрету, у меня сегодня важный гость. Он очень интересуется вашим творчеством.

Ричард вежливо поклонился и решил не упускать благоприятного случая.

— Хорошо, я прочитаю, как только Зося и Бетти вернутся.

Вскоре в гостиной действительно появился пожилой мужчина в добротном сером костюме. Он внимательно взглянул на Ричарда и первый поклонился ему, что слегка смутило Уайтинга: пожилой джентльмен был очень похож на известного бизнесмена Говарда Фрома, одного из книжных королей Америки. Но разве мог Говард Фром оказаться в этом простом, ничем не примечательном обществе?

Стенные часы пробили девять. Зося и Бетти вернулись в гостиную. Ричард сел за низенький столик и, вынув из кармана рукопись, начал читать. Гости сразу притихли. Тишина вызывала приятное чувство, и Ричард искоса взглянул на слушателей. Мужчина в сером по-прежнему пристально и внимательно смотрел на него, словно не только слушал рассказ, но и изучал, быть может, даже характер самого писателя. Это заставило Ричарда следить за своими жестами и как можно отчетливее произносить слова, то понижая, то повышая голос в нужных местах.

Когда была произнесена последняя эффектная фраза, все гости дружно и искренне зааплодировали. Лишь джентльмен в сером костюме откинулся в кресле и задумался.

— Прелестно! Вы нам доставили большое удовольствие, — пролепетала хозяйка.

Гости хором выражали Ричарду свой восторг. Чувствуя себя победителем, он слегка поклонился и пересел на диван к молодому пижону в голубом, великолепно отутюженном костюме.

— Как вам понравился рассказ нашего молодого друга? — спросила подошедшая к дивану Зося.

Парень, небрежно закинув ногу на ногу, сказал нарочито громко и явно рисуясь:

— Что же, рассказ в общем неплохой, но в деталях есть кое-какая недоработка. Небрежен язык, не совсем понятна символика... В конце концов, думаю, каждый из нас, если бы захотел, мог написать не хуже. А так вообще рассказец сносный.

Уайтингу показалось, что его хлестнули по лицу.

— Вы находите? Советую вам как-нибудь на досуге попробовать. Мне кажется, у вас это отлично может получиться, — отпарировал Уайтинг, едва сдерживаясь от резкого ответа. За Ричарда мгновенно вступились Зося и Бетти.

— Не волнуйтесь, Ричард... Не обращайтесь внимания.

— У каждого может быть свое мнение.

— Конечно, — согласился Ричард, понимая, что юный пижон критиковал его так нахально лишь потому, что отлично видел тщетно скрываемую бедность автора, а сам был, по-видимому, обеспеченным бездельником, живущим на средства богатых родителей. Ричард знал также, что парень этот не посмел бы сказать ничего подобного, будь автор рассказа известным писателем.

В разговор вмешался джентльмен в сером.

— Чтобы создать повесть, роман, пьесу или поэму, кроме вечного пера, нужен еще один незначительный пустячок: талант.

Девушки рассмеялись, а хозяйка, взяв пожилого гостя под руку, пригласила всех к столу.

Чаепитие проходило как обычно: гости пили чай с ромом, ели бисквиты и какие-то сладкие кексы с цукатами, каламбурили и повторяли газетные новости.

К концу ужина появились соседи: студент Джек Вурворт и Джо Паркер.

Пока они извинялись за опоздание и усаживались за стол, Ричард незаметно вышел и уединился у себя в комнате.

Сев за письменный стол, он задумался. Крайне неприятный осадок оставил в его душе этот нахальный парень. Впрочем, стоит ли нервничать из-за какого-то невежды...

В дверь тихо постучали. "Наверное, Зося", — подумал Ричард и крикнул:

— Войдите!

К его удивлению, в дверях показался человек в сером.

— Простите, — сказал он. — Нас не представили на вечере друг другу. Мое имя Говард Фром.

— Вы издатель Говард Фром?! — удивился Уайтинг, вскакивая с плетеного кресла. — Садитесь, пожалуйста.

— Благодарю, — усмехнулся Фром, усаживаясь на единственный стул с выцветшей обивкой.

— Ваш визит так неожидан. Прошу извинить за беспорядок.

— Пустяки. Я человек деловой и никогда не обращаю внимания на мелочи. Главное — дело, а детали — вещь второстепенная.

И, помолчав, добавил:

— Мне бы хотелось, чтобы этот вечер не был у нас потерян.

— Пожалуйста, если это зависит от меня, я к вашим услугам.

— Итак, разрешите приступить к делу, — продолжал Фром. — Скажу вам откровенно, прошло уже более полугода, как я обратил

внимание на вас, вернее, на ваше творчество. И пришел к заключению, что вы, несомненно, талантливый человек. Но в наше время, время космических исследований, невероятного взлета и падения акций, весь мир занят только бизнесом, и одного таланта недостаточно, чтобы выбиться на широкую дорогу. Времена Джека Лондона отошли в область преданий и не повторятся никогда.

— К сожалению, это так, — с грустью подтвердил Уайтинг.

— Надеюсь, — продолжал посетитель, — что о нашем разговоре, чем бы он ни завершился, никто никогда ни при каких обстоятельствах не узнает. Если вы дадите мне слово джентльмена, я изложу свое предложение.

— Конечно, — согласился Ричард.

— Тогда начнем с главного: я, будучи культурным человеком, люблю, ценю и уважаю литературу, а как бизнесмен, естественно, интересуюсь прибылью от нашего крайне трудного коммерческого дела. Мы, издатели, должны не только знать конъюнктуру литературного рынка, движение цен на бумагу, процент брака и макулатуры, спрос и так далее, но и конкурировать между собой. Последнее обстоятельство заставило меня задуматься над отношением писателей к издателям. Оговорюсь заранее: меня, Говарда Фрома, нисколько не интересует литературная слава. Если бы в один прекрасный день я стал бы вдруг известным беллетристом, это нисколько не привело бы меня в восторг. А вот заработать на издании чужих рукописей тысяч десять долларов я бы, разумеется, не отказался и искренне прославлял бы талантливых авторов...

— Простите, я не совсем понимаю. Вы хотели говорить о каком-то предложении... — перебил Уайтинг.

— Да. Разрешите мне довести свою мысль до конца, — бросив пристальный взгляд на Ричарда, продолжал издатель. — Чего жаждет каждый литератор? Славы и долларов. Вы согласны со мной?

— Ну, да... предположим...

— А нам, издателям, нужен только презренный металл. Это, так сказать, преамбула. Теперь, разрешите, я перейду к сути дела. Писатель к писателю относится всегда по-дружески, а к издателю с явной неприязнью, как к торгашу, спекулирующему на его таланте. Не так ли?

— Допустим.

— Вот я подумал: если я стану литератором, отношение авторов ко мне в корне изменится. Я войду в среду писателей как свой человек. Буду пользоваться доверием и уважением не только у пишущей братии, но и у читателей. Кроме того, приобрету авторитет у самих издателей, и мне легче будет конкурировать с ними. Надеюсь, вы уже догадались, о чем пойдет речь.

— Не совсем.

— Будем откровенны: судя по вашей обстановке и по имеющимся у меня сведениям, вы находитесь в весьма затруднительном положении.

— Да. К сожалению, в нашей благословенной стране с самым лучшим в мире, как утверждают многие, образом жизни все покупается на доллары и все продается за доллары: жизненные блага и даже мысли.

— Вот именно. Вы прекрасно знаете, каких нечеловеческих усилий стоит молодому литератору без средств пробить себе дорогу. Это почти невозможно. Многие талантливые писатели живут у нас впроголодь, а иные кончают жизнь самоубийством или начинают писать для газет и в погоне за сенсационными новостями совершенно распыляют свой талант. Такая участь, поверьте мне, — а я редко ошибаюсь, — ждет и вас. Даже более сильные, чем вы, люди кончали тем же. Это неизбежно.

— Так что же вы предлагаете?

— Повторяю, я прежде всего бизнесмен. И могу предложить вам бизнес. Слава — это, говоря откровенно, нечто эфемерное, а доллары — вещь реальная. На них можно купить все, даже ту же славу.

— Мне кажется, в этом вы ошибаетесь.

— Не будем спорить. Пишете вы достаточно хорошо. Так вот — за ваши произведения я предлагаю вам пятикратный журнальный гонорар. За те, что уже написаны, и за те, что вы напишете в будущем. Это даст вам весьма приличные средства. В зависимости от вашей работоспособности, они могут увеличиться. Вы станете богатым. А что еще нужно человеку в наш век? Это ведь самое главное. Поверьте, что все с гораздо большим уважением относятся к богатому идиоту, чем к нищему гению. Хотя вам до гения еще очень далеко... Я даю вам деньги, а все ваши рукописи превращаются в мою собственность. Я могу их переделать, порвать, сжечь, уничтожить. Могу выпустить под каким угодно именем, в общем, сделать с ними все, что захочу. Понятно? Итак, перед вами дилемма: существование без имени и средств, может быть, даже голодная смерть, или богатая, красивая полная удовольствий жизнь. Кроме этого, я предоставляю вам право после моей смерти разгласить эту тайну.

В комнате воцарилась тишина, только слышно было, как между оконными стеклами билась большая муха.

— Ваше предложение, мистер Фром, — заговорил наконец Ричард, — весьма заманчиво, но я, к сожалению, не бизнесмен. Я могу продать свой старый пиджак или еще что-либо, но свои мысли, свой талант я, нищий писатель Уайтинг, никому ни за какие блага мира не продам! — И, помолчав, добавил: — Вы меня извините. Наше джентльменское соглашение остается в силе, но вы обратились не по адресу...

— Как вам угодно, но полагаю, что вы поторопились с ответом. Если передумаете, мой адрес вам известен, — сухо сказал Фром и, поклонившись, торопливо вышел...

Наступила серая дождливая осень. Каждое утро Ричард уходил в порт и там, на ветру, в холодных брызгах свинцовых волн, бившихся у причала, грузил и разгружал прибывающие и уходящие суда, а по ночам писал рассказы.

Из всех его последних произведений более всего нравились Ричарду три вещи, особенно повесть "Кусты и зайцы". Он считал ее лучшей из всего им написанного.

Пять рассказов уже были отклонены разными редакциями, а на остальные два и на повесть уже три с лишним месяца он не получает никакого ответа. Порой это выводило его из терпения, но писать в редакции запросы казалось ему унижительным.

А как было бы здорово, если бы хоть один из его рассказов появился в иллюстрированном еженедельнике "Нейшен гардиан" или еще лучше в толстом двухнедельном журнале "Лук"! О "Лайфе" и "Атлантике" и думать не приходится. Там свои постоянные авторы с громкими именами.

За целых два года кропотливого и упорного труда лишь один небольшой рассказ Уайтинга был напечатан в молодежном альманахе, но редакция не уплатила ему ни цента. А когда Ричард послал письмо редактору, то незамедлительно получил ответ следующего содержания:

"Наше издательство не преследует никаких меркантильных целей. Все средства, поступающие от продажи альманаха, идут на улучшение журнала. Публикуя вашу рукопись, мы знакомим вас с читателями и тем самым создаем вам популярность. Поэтому мы считали и считаем целесообразным исключить из нашей практики выплату гонорара начинающим писателям как старомодную затею наших либеральных предшественников. Печатая ваш рассказ, мы полагали, что все это вам известно. Если условия нашего альманаха для вас приемлемы, присылайте нам свои новые произведения по тому же адресу.

Примите уверения в высоком к вам уважении..."

Как-то поздним ноябрьским вечером, вернувшись домой усталым, мокрым и полуголодным, Уайтинг долго согревал дыханием окоченевшие пальцы, прежде чем зажечь свет. А когда загорелась тусклая лампочка, он увидел на письменном столе три запечатанные бандероли и сразу ощутил дрожь во всем теле, словно при приступе малярии.

Не тронув конвертов, Ричард медленно опустился в кресло и заплакал. Слезы лились по его щекам, и он, как мальчишка, лишь вытирал холодным рукавом мокрые щеки.

"Ну что ж, — с грустью думал он, глядя на бандероли, — значит, не судьба мне стать писателем". А сколько надежд он возлагал именно на эти три вещи! Ричард вспомнил, как на почте, при их упаковке, он случайно склеил уголки шестнадцатой и семнадцатой страниц "Кустов и зайцев", как хотел ножом счистить капельку клея, но, отвлекшись какой-то мыслью, забыл это сделать и долго потом упрекал себя в неаккуратности.

Ричард осторожно распечатал все три конверта и, прочитав стереотипные, банальные ответы, задумался.

"А что, если... что, если согласиться на предложение Говарда Фрома? Нет, нет, ведь это значит продать свою надежду, свою душу... Ведь в этих рассказах — часть меня самого, мои сокровенные мысли, и продать их только потому, что у меня больше нечего продать?.. Но ведь нет больше сил так мучиться — мерзнуть, голодать, ходить в потертых брюках, ждать по три месяца ответа из редакции. Во имя чего? Во имя какого-то эфемерного будущего?.." Взяв со стола свою повесть, Ричард задумчиво перелистал ее, затем принялся читать вслух. Дойдя до семнадцатой страницы, он вдруг увидел, что уголок ее по-прежнему склеен с уголком шестнадцатой. Кровь бросилась ему в лицо, он вскочил и в бешенстве заметался по комнате, "Значит, повесть даже не читали! В лучшем случае, редактор просмотрел начало и конец, вот и все!"

— К черту, довольно, хватит быть наивным идиотом! — с неистовой злобой выкрикнул Ричард. С лихорадочной поспешностью он стал выдергивать из письменного стола ящик за ящиком и укладывать стопками все свои рассказы. Если живешь среди акул, нужно быть хотя бы колючим ершом, иначе не заметишь, как тебя слопают. Да и чем он, Уайтинг, хуже других, хотя бы того же Фрома? Только тем, что у Фрома есть деньги, пачки долларов, а у Уайтинга их нет? Но они будут! Будут эти проклятые доллары, на которые покупается честь, совесть, роскошь и независимость!

Связав рассказы в две кипы, Ричард, не раздеваясь, прилег на диван и, свернувшись калачиком, заснул.

Когда Уайтинг переступил порог редакции, секретарша удивленно взглянула на пачки рукописей, на измятый костюм Ричарда и ледяным тоном проговорила:

— Сегодня приема нет. Зайдите завтра с двенадцати до двух. Мистер Фром занят...

— А вы все — таки доложите. Мое имя Ричард Уайтинг! — независимым тоном промолвил Ричард.

— Уайтинг? Никогда не слыхала. — Секретарша манерно повела плечиками и исчезла за массивной дверью, обитой желтой кожей.

Оставшись в приемной один, Ричард сбросил маску гордого героя, грустно взглянул на свои рукописи и вслух сказал:

— Слава так слава, деньги так деньги. Глупо не иметь ни того, ни другого...

— Редактор просит вас пройти к нему, — мило улыбаясь, объявила, вернувшись, секретарша.

Уайтинг вошел в кабинет, плотно притворив за собой дверь,

— Мистер Фром, если вы еще не передумали — я согласен на ваше предложение, — твердо сказал он.

— Вот и отлично! Правда, я тогда, пожалуй, слишком много предложил, но слово есть слово. Могу вас заверить: такого гонорара не получал даже Джек Лондон. Но тут уж ничего не поделаешь, за язык никто меня не тянул. Давайте рукописи.

Бегло посмотрев пачки и пересчитав обложки, Фром спрятал рукописи в сейф.

— Итак, за четырнадцать рассказов и две повести... Ого, какая сумма! Сразу богачом стали. Да, я забыл еще об одном выгодном для вас условии: новые вещи начинайте писать завтра же. Норма — не менее тысячи слов в неделю.

— Тысяча слов? Это не так много.

— И не удивляйтесь, если в "Кольерсе", "Фарм джоурнэле", "Пипл уорлде" или еще в каком-нибудь журнале вы встретите знакомый вам рассказ в несколько измененном виде: вместо врача героем будет адвокат, а расклейщица афиш превратится в танцовщицу варьете... Получите! — Фром протянул Ричарду хрустящий чек.

Уайтинг неловко поклонился:

— До свидания.

— Желаю успеха. Пишите. Теперь это в ваших интересах.

Выйдя из издательства, Уайтинг не ощутил никакой радости. На душе стало вдруг тоскливо и противно.

"Все кончено. Торг состоялся. "Товар" продан. Ну что же: кути, Ричард, напивайся, хватай жизнь полными пригоршнями, только пиши тысячу слов в неделю, именно тысячу слов, и ни одним меньше. Больше ничего!"

Дул холодный северный ветер. Уайтинг попытался потеплее укутаться шарфом, "Да ведь теперь я могу купить себе хорошую одежду, — подумал он. — Ну конечно".

В магазине долго выбирал и примерял модные пальто. Наконец остановился на реглане с шалевым воротником. Заплатил в кассу одну ассигнацию крупной купюрой и получил кучу денег сдачи. Как пьяный, в мальчишеском азарте ходил по этажам, покупал все, что попадалось на глаза. Продавщицы смотрели на него с изумлением. Взял такси, навалил на сиденье свертки. Усталый, поехал домой. Бросил все на диван, а сам, как мешок, повалился в свое плетеное кресло. Но заснуть ему не дали хозяева и соседи. Они собрались у

дверей, а когда Ричард пригласил их, с завистью смотрели на пальто, костюмы, рубашки, шляпы, модную обувь.

Из Ричарда он моментально превратился в мистера Уайтинга. Зося спросила:

— Мистер Уайтинг, вы выиграли по лотерейному билету?

— Угадали, милая Зося.

— Сколько?

— Пять тысяч долларов! Все ахнули.

— Пять тысяч! Какое счастье! — Зося и Бетти маняще улыбались.

— Теперь вы на нас и смотреть не будете, — пролепетала Бетти.

— О нет, напротив. Я приглашаю вас всех сегодня вечером в ресторан "Большие устрицы".

— Прямо как в сказке, — шептала Зося.

— О-ля-ля! — воскликнула Бетти.

Мужчины — Джек Вурворт и Джо Паркер — искренне поздравляли Ричарда и жали ему руки.

Попав в один из фешенебельных ресторанов, вся компания в течение первых минут была несколько растеряна и чувствовала себя стесненно: мягкий свет неоновых ламп, льющийся из замаскированных ниш, удобные кресла, хрусталь, приглушенные звуки оркестра и услужливость официантов заставляли каждого из ресторанных новичков сдерживать свои движения и громкий смех. Но после первых бокалов вина, после омаров и устриц огромный зал с облепленным ракушками потолком вдруг показался всем давно знакомым и обычным. Бетти начала тихо подпевать в такт оркестру, а Зося задорно смеялась над остротами Паркера.

Но непринужденнее всех чувствовал себя виновник торжества Ричард Уайтинг. Легким кивком головы он подзывал официантов, заказывал самые разнообразные блюда и вина. Пил умеренно и думал, что доллары, несомненно, доставляют счастье и радость тем, кто их имеет. И все же это, вероятно, не та радость и не то счастье, которое приносит литературная слава!

Вся компания вернулась домой под утро на двух такси и разбрелась по комнатам. После роскошного ресторанного зала маленькая комнатка с обшарпанными обоями показалась Ричарду лачугой, и он подумал, что завтра же надо переменить свою убогую каморку на комфортабельную квартиру.

Время быстро уходило в бесконечность. Каждый месяц Уайтинг сдавал Фрому свои рассказы, получая взамен чеки. Переехал на новую квартиру. Откуда-то вдруг появилась масса друзей. С утра до вечера беспрерывно звонил телефон, сыпались приглашения в гости, на вечера, на премьеры. Положительно не хватало времени. Еле — еле выкраивал в день два — три свободных часа, чтобы к сроку написать нужную тысячу слов. А когда под последней строкой ставилась точка,

Ричард сам звонил кому-либо из своих новых друзей и отправлялся в ресторан, где учтивый официант сервировал его постоянный столик,

Плотно позавтракав и выпив изрядное количество вина, Уайтинг ехал на бега или в варьете, где выступала нравящаяся ему испанская танцовщица.

Возвращаясь домой поздно ночью, Ричард иногда пытался припомнить, как был проведен сегодняшний день, но все события путались в его затуманенном мозгу, и он засыпал тяжелым, пьяным сном.

Проснувшись утром с головной болью, Уайтинг выпивал рюмку виски и, усевшись за стол, писал положенные ему на день полтораста слов.

Буквы укладывались в неровные, неряшливые строчки, но Ричард, не задерживаясь над образами, метафорами и сравнениями, строчил фразу за фразой, отлично зная, что как бы ни написал он свой новый рассказ, его все равно безоговорочно примут.

По воскресеньям Уайтинг, не подходя к письменному столу и не прикасаясь к рюмке, отправлялся с утра пешком по Бродвею, Манхэттену на Уолл-стрит. По дороге заглядывал в зеркальные витрины книжных и букинистических магазинов, рассматривая новинки и старинные издания в кожаных тисненых переплетах.

Однажды в окне одного из таких магазинов Ричард увидел яркий плакат:

"Поступил в продажу первый сборник рассказов Говарда Фрома. Готовится к печати повесть "Игра без джокера". Эти слова резанули по сердцу. Уайтинг зашел в магазин.

— Дайте, пожалуйста, мне сборник...

— Какой именно? — засуетился продавец. Ричарду хотелось крикнуть: "Моих рассказов! Сборник рассказов Ричарда Уайтинга!..." Но вместо этого он произнес ненавистное ему имя Говарда Фрома.

— На ваше счастье, остался еще один экземпляр. Последний.

— Хорошо идет книга?

— Отбоя нет, — ответил продавец. — Я пятнадцать лет работаю в магазине и не помню такого спроса. Талантливый писатель, что и говорить. Во всех журналах самые лучшие отзывы. На днях выйдет второе издание. Разрешите завернуть?

— Нет, я так возьму, — сказал Ричард, взглянул на обложку и спрятал книгу в карман. Выйдя из магазина, он подошел к киоску. Купил все вышедшие в этом месяце журналы и поехал домой. Попросив горничную никого не принимать, заперся в кабинете, выключил телефон и сел читать. Критика тщательно разбирала каждый рассказ. По адресу автора высказывались десятки комплиментов. В толстом ежемесячнике был помещен портрет Фрома во всю страницу. Тупо заныло в груди... "Вот она, справедливость! Когда я, голодный, обтрепанный, приносил и рассылал эти же

рассказы в редакции, мне возвращали рукописи, зачастую даже не читая, а теперь те же рецензенты пишут о тех же моих произведениях хвалебные статьи... "

В хорошо оформленном сборнике были напечатаны рассказы, любимые его рассказы! Те самые, над которыми Ричард работал по ночам в течение двух долгих, полуголодных лет. Лишь некоторые заглавия и имена героев были заменены незнакомыми, а сюжетные линии остались неприкосновенными. "А что, если, — вдруг подумал Уайтинг, — взять да и написать рассказ на эту тему? На тему о плагиате". И тут же с лихорадочной поспешностью схватил со стола ручку и четко вывел заголовок "Афера". Строка бежала за строкой, вбирая в себя всю горечь, всю накопившуюся обиду и боль Ричарда.

"Вот тебе в счет тысячи слов, в счет наших взаимных расчетов... Полюбуйся, прохвост, на свой портрет".

Ознакомившись с "Аферой", Говард Фром спокойно сказал Уайтину:

— Я вижу, мой успех вас расстраивает. Совершенно напрасно. Поверьте, вы бы не имели его. Этот успех стоит мне очень дорого — сотни долларов. Вы не могли бы платить за эти статьи такие большие гонорары, значит, вам не о чем жалеть. Вот получайте за рукопись. А это отдельно, за добросовестное отношение, — он протянул два чека. — Хотите, поедете со мной в ресторан, в ваш любимый ресторан, на Семнадцатую авеню, завтракать? Не удивляйтесь моей осведомленности. Теперь я всю жизнь обязан интересоваться вами. И не надо сердиться. Это чувство раздражает печень и кладет на лицо преждевременные морщины.

Во время завтрака к их столику у окна все время подходили изысканно одетые люди, почтительно кланялись и одними и теми же словами начинали разговор с Говардом Фромом:

— Мистер Фром, надеюсь, следующий сборник вы дадите выпустить нам. Он не должен попасть в другое издательство...

— Я предлагаю вам гонорар в два раза больший, чем заплатит "Нью рипаблик" или "Атлантик". Вся страна ждет от вас великих произведений... А это ваш племянник? Нет? Похож. Есть какое-то отдаленное сходство.

Журналисты тут же интервьюировали Фрома, интересуясь его взглядами на искусство, расспрашивали о предполагаемом выходе в свет нового журнала, о прибылях и убытках известных издательств.

Ричард встал и сухо сказал:

— До свидания!

Фром, пожимая ему руку, тихо произнес:

— Не надо горячиться, Уайтинг. Самое главное в жизни — спокойствие и бизнес, бизнес и спокойствие. Это мой девиз.

— Вы можете не тревожиться, мистер Фром. Слово свое я сдержу, что бы ни случилось.

Ричард крепился и старался быть внутренне и внешне спокойным. Больше всего его злило то, что Говарда Фрома сравнивали в печати с Кипплингом и Голсуорси — с такими, в сущности, совершенно разными по силе, стилю и языку писателями. В газетах все чаще и чаще появлялись статьи о Фроме. Он стал популярным, модным беллетристом. Чтобы как-то забыться, Ричард стал проводить ночи в кабаках.

Днем он старался не ходить по тем улицам, где были расположены книжные магазины, чтобы не видеть в окнах кричащих плакатов с ненавистным ему именем. А с друзьями даже избегал разговоров о литературе.

Но почему-то собеседники обязательно спрашивали:

— Вы читали Говарда Фрома?

"Схватить бы все эти рассказы да в печку, в громадную печку пачками, тысячами экземпляров, чтобы и следа не осталось..."

Проходили месяцы. Уайтинг неизменно писал свою тысячу слов в неделю. Однажды не удержался и заглянул в газету, в отдел критики. Словно в насмешку, бросилось в глаза: "Рассказ Говарда Фрома "Афера". Статья начиналась словами:

"Нельзя не прийти в восхищение от изумительного рассказа мистера Фрома "Афера". Автор с удивительным мастерством описывает эпизод из времен своей молодости". Скомкав газету, Ричард с болезненной злобой разорвал ее в мелкие клочья. Схватил несколько листов бумаги и стал писать письмо в редакцию:

"Считаю своим долгом сообщить следующее:

Все рассказы и повести, вышедшие в свет за последний год под именем Говарда Фрома, принадлежат мне, Ричарду Уайтину. Для установления этого факта предлагаю устроить конкурс, где в присутствии жюри я и Говард Фром обязаны будем написать на любую заданную тему каждый по рассказу, после чего можно будет установить авторство рассказов, выпущенных под фамилией Фрома. Это без особого труда члены жюри смогут определить по стилю, языку и манере самого письма.

Ричард Уайтинг Нью-Йорк. Октябрь 1959 года".

Боясь раздумать, сейчас же отнес письмо на почту. На другой день город был поражен сенсацией. Тираж газеты, опубликовавшей письмо Ричарда, увеличился вдвое. Многие газеты Нью-Йорка и Вашингтона в тот же день перепечатали письмо Уайтинга, сопроводив его комментариями, портретами Фрома и кричащими названиями статей и статей о плагиате в разные века и о данном в частности.

К Уайтингу приезжали журналисты, расспрашивали и выпытывали. Предлагали свои услуги писатели, обиженные издательством Говарда Фрома. Газеты были испещрены подробностями скандала. В одной из них сообщалось, что якобы, встретив Уайтинга в ресторане, Фром предлагал ему написать опровержение, обещая уплатить за это десять тысяч долларов. Издатели радостно потирали руки, репортеры изощрялись в догадках и вымыслах. На всех улицах и перекрестках, в будуарах, ресторанах и театрах только и говорили, что о литературном скандале.

Ричард знал, что встреча с Фромом неизбежна, но никак не ожидал, что без всякого предупреждения и даже без телефонного звонка опороченный бизнесмен явится к нему на квартиру и просто, без возмущения станет спокойно объясняться с ним, словно речь идет не о чести издателя Фрома, попавшего в грязную историю, а о незначительной ошибке Уайтинга, которую тот несомненно исправит.

Появившись в квартире Ричарда, Фром спросил:

— Скажите, мистер Уайтинг, кто из моих конкурентов надоумил вас написать разоблачение в газету?

— Я сам, — с достоинством ответил Ричард.

— И знаете, к чему это привело? Мне пришлось выключить все мои телефоны. Звонили из десятка издательств, не только Нью-Йорка и Вашингтона, но из Филадельфии и Сан-Франциско. Все наперебой просят разрешить переиздать оба сборника в небывалых тиражах. Предлагают за рассказы баснословные цены... Нет, вам следовало родиться бизнесменом, а не писателем. Вы создали сенсацию номер один, превосходящую все известные мне коммерческие комбинации. Поздравляю вас с гениальной идеей. А гонорар мы поделим с вами поровну.

— Простите, — сдержанно сказал Уайтинг, — я считаю, что ваши коммерческие сделки могут продолжаться, но только без моего участия.

— Почему? Разве вас перестали интересовать мои доллары, на которые вы кутите и содержите вашу танцовщицу?

— Думаю, что разговаривать больше не о чем: ведь вы читали мое письмо?

— Читал. Но я нисколько не обижен. Теперь вы напишете опровержение, сошлетесь на пари или что-нибудь другое, и мы с вами отхватим солидный куш.

— Нет! Этому не бывать, мистер Фром.

— Что? А где же ваше слово джентльмена?

— Я, конечно, перед вами виноват, мистер Фром, но я не знал самого себя. Я переоценил свои силы, и нервы мои не выдержали.

— Нервы тут ни при чем. Это зависть. Зависть к той славе, которую я себе создал! Итак, конкретно: что вы хотите?

— Вернуть вам в течение нескольких лет все полученные от вас суммы. Я буду писать, печататься, и вы понимаете, что я смогу не только рассчитаться с вами, но и возместить тот материальный ущерб, который, возможно, причинил вам своим газетным разоблачением.

— А честь? Имя? Фирма? Это, по-вашему, ничего не значит? Или, быть может, на вашей писательской бирже такие понятия не котируются? Нет, мистер Уайтинг, мы будем с вами бороться, бороться до конца! Я принимаю ваш вызов.

Членами суда согласились быть три известных литератора. Уайтинг отлично понимал, что этих прославленных писателей никто не сможет подкупить ни за какие доллары, и тем не менее волновался.

Он беспокоился, что Фром, набив руку на переделке его произведений, сможет написать что-то, отдаленно похожее на какой-нибудь из его рассказов. Но то, что члены третейского суда — известные писатели, успокаивало Ричарда. Эти столпы литературы несомненно сумеют отличить подделку от подлинника, как отличают эксперты антикварного магазина Рембрандта или Ван-Дейка от самой совершенной копии. Иначе и не может быть!

Переполненный зал гудел, словно улей. Журналисты, сидя на стульях, подоконниках и верхом на скамейках, что-то быстро записывали в свои блокноты. Сверкали очки. В проходах сновали люди, вперед-назад, вперед-назад. Тут же заключались пари, как на скачках:

"За Уайтинга — 50. За Фрома — 100".

Всюду шум, гам. Кто-то отвечал за Ричарда тройным кушем. Шуршали бумажные доллары, звенели центы. Лихорадка охватывала зал. Но вот появился Уайтинг, а следом за ним Говард Фром. Раздался свист, и сразу же все смолкло. Соперников пригласили в соседние залы. Уайтинг взгляделся. Квадратная комната, красивые обои, холодные, мраморные подоконники. От прикосновения к одному из них вдруг задрожали руки. В голове у Ричарда ни одной мысли, как у новорожденного младенца. Перед глазами листы белой бумаги с печатями. Зубы вгрызаются в ручку. Взглянул в трюмо. Под глазами круги — следы беспутно проведенных ночей. Сердце чугунной гирей колотится в груди. Злоба комком застряла в напряженном горле. Раздался звонок.

Да, да, это им дан старт. Как на бегах. Ну что ж, начнем. Два часа писать. Скорее... Только писать... Здесь-то он на коне...

"Ночь тупо смотрела черной впадиной. За окном летели ветер и тьма..." Ветер и тьма... Нет, это все банально, и, кажется, в каком-то из моих рассказов уже были эти фразы, — подумал Ричард. — Если это так, их теперь припишут Фрому, а меня обвинят в плагиате. К черту! Начну иначе: "Алмазные россыпи звезд плескались в изумрудной синеве моря". Слащаво до приторности. К черту! "Ночь наступила

неожиданно. Яркие звезды одна за другой загорались в синем небе". "Почему в синем, а не в лиловом, не в темном?.."

И вдруг Уайтинг почувствовал себя жалким и беспомощным, как бродячая собака, с трудом разгрызшая кость. А в кости-то весь мозг давно высох! Рябило в глазах. Ведь раньше, даже пьяный, он писал много. Так, просто за деньги. Почему же сейчас мысли путаются, и ускользают куда-то, и снова возвращаются, но уже в каком-то ином, искаженном виде? Ведь выпита одна, всего только одна рюмка. Для храбрости. Ну и к черту! Пиши!

И вдруг потекли ясные, стройные мысли... Написал две страницы. Так, еще. Скорее, скорее!

Рука быстро скользила по бумаге. Слова цеплялись одно за другое и нанизывались, как в ожерелье. Фабула росла и ширилась. Еще немного, поворот и неожиданный конец. Все как будто правильно, все хорошо. Ричард не замечал, как бежало время. Публика кричала:

— Говард Фром! Ричард Уайтинг! Жмите!

А потом свистели, долго, пронзительно, засунув пальцы в рот, как на ипподроме, когда лошади уже у финиша.

"Да, да! Сейчас кончаю, — подумал Ричард и вздрогнул: — А что, если... Тогда уцеплюсь руками за портьеру и буду головой биться о косяк двери в опустевшем зале. Все равно один конец".

Звонок возвестил, что положенные два часа истекли. К столу жюри прошел Фром и сдал исписанные листки. Уайтинг дописывал последние строчки. Вот он встал и пошел в главный зал, не замечая возбужденных лиц. Торопливо заключались последние пари. Журналисты склонили головы над блокнотами. Члены жюри поднялись.

— Кончили? Вот и прекрасно. Мы вас долго не задержим, минут сорок, максимум пятьдесят. Не волнуйтесь!

Чинно прошли в голубой зал. Вот он, цвет литературной Америки: те, кому издатели с радостью платят по три тысячи долларов за рассказ. Публика им аплодировала и криками выражала свое мнение:

— Уайтинг — молодчина! Смелый парень, так им и надо! Думают, за деньги можно купить и господ бога. Ошибаетесь, джентльмены! То, что возможно на Уолл-стрите, здесь не пройдет! Старики не дадут в обиду парня! Они сами мучились в молодости...

Минуты текли медленно, особенно последние четверть часа.

Но вот они идут, вершители судеб: лысые, прилизанные, такие обыкновенные...

Все взоры обращены на них и тут же, словно рикошетом, падают на Фрома и Ричарда.

Уайтингу вдруг захотелось убежать из зала. Он едва сдержался, чтобы не крикнуть: "Не смотрите! Не хочу, чтобы вы таращились на меня, как на обезьяну в зверинце!"

При взгляде на членов жюри в голове мелькнуло:

"От них зависит все. А что, если эти люди ошибутся?.."

Наступила тишина. Председатель жюри посмотрел на всех с высокомерной улыбкой и, пригладив рукой блестящие волосы, прочел скрипучим голосом:

"Определение литературного суда чести.

Город Нью-Йорк.

Джентльменский суд писателей Севера Соединенных Штатов Америки и американских писателей, живущих в других странах, состоялся по просьбе и доверию литераторов Ричарда Уайтинга и Говарда Фрома, проживающих в городе Нью — Йорке.

На конкурсе, состоявшемся по просьбе литератора Ричарда Уайтинга, рассмотрено его произведение, написанное им здесь же, в помещении, указанном жюри конкурса, и произведение литератора Говарда Фрома, написанное в тех же условиях и там же.

Предмет суждения: Установление на основании написанных здесь Уайтингом и Фромом произведений подлинного автора вышедших под именем Говарда Фрома повестей и рассказов.

Рассмотрев тематику, манеру письма и язык (словарь) представленных вещей, жюри установило:

1. Рассказ, написанный в помещении жюри и представленный Говардом Фромом, как по форме, так и по техническим приемам совпадает с рассказами, вышедшими ранее под его, Фрома, именем.

2. В произведении Ричарда Уайтинга, написанном здесь же и им представленном, явно чувствуется полная беспомощность: неумение построить занимательную фабулу композиционная сумбурность, бедность языкового материала, отсутствие логической и психологической последовательности. Исходя из всего вышеизложенного, члены жюри единогласно решили:

Все произведения, вышедшие из печати под именем Говарда Фрома, бесспорно принадлежат его перу, о чем мы и свидетельствуем.

В отношении же Ричарда Уайтинга жюри заключило: судя по написанному им здесь рассказу, все члены жюри вынесли глубокое убеждение, что он, Ричард Уайтинг, находится в болезненном состоянии, каковое и было причиной событий последних дней. Принимая во внимание, что литератор Говард Фром понес в результате действий Ричарда Уайтинга моральный, а возможно, и материальный ущерб, члены жюри считают целесообразным:

Предоставить Говарду Фрому право привлечь Ричарда Уайтинга к законной ответственности за клевету и потребовать с Уайтинга возмещения материального ущерба, если Г. Фром того пожелает.

Принято единогласно.

Октябрь 1959 г. Рокфеллеровский центр".

Из зала Ричард ушел, как ему казалось, последним. Спускаясь по мраморной лестнице, он вдруг услышал за собой шаги и знакомый голос:

— Я не злопамятен, мистер Уайтинг. Наш договор может оставаться в силе: тысяча слов в неделю. Мой адрес вам известен.

Ричард резко обернулся и расхохотался в лицо проходившему мимо него Говарду Фрому. Он смеялся громко, раскатисто, с каким-то надрывом.

Хохот его гулким эхом перекатывался по пустому вестибюлю.

1961, 1965 г.